

МОРТИМЕР АДЛЕР

КАК ЧИТАТЬ КНИГИ

Руководство по чтению великого произведения

Мортимер Адлер

Как читать книги.

Руководство по чтению великих произведений

Предисловие

— Ну, что? Читали книгу?

— Читал, ваше превосходительство.

— О чем же вы читали, любезнейший? А ну-ка, расскажите! <...>

— Забыл, ваше превосходительство <...>

— Значит, вы не читали или, э-э-э... невнимательно читали! Авто-мма-тически! Так нельзя!

А. П. Чехов. Чтение

Эврика! Мы не умеем читать!

Казалось бы, на протяжении многих столетий книга была основным инструментом знаний в руках народов. Вспоминая ее историю — как она зарождалась, как распространялась на выбитых камнях, глиняных табличках, свитках, как «боролась» за свое

существование, — мы убеждаемся, насколько мало знаем и ценим то, что имеем.

Постиндустриальный век дал человеку новые возможности в получении информации. Теперь кто-то списывает, кто-то скачивает, кто-то копирует, получая знания схоластически. Читатель великих произведений постепенно уступает место потребителю информации, который, словно в чужую обитель, входит в текст и тут же выходит, не задержавшись, чтобы подхватить протянутые ему зерна для размышления.

Скользя взглядом по «контенту», выхватывая фрагменты мыслей и идей, мы считаем, что нашли истину, но, увы, это всего лишь «гуляющий ветер», влетающий в одно ухо и вылетающий в другое. И, как мираж, тает глубина познания. Мы не достигаем «потолка» в чтении великих книг, зачастую даже самим себе не можем сказать: я научился читать, я научился понимать, я вижу душу писателя, который донес до меня свой мир, свои переживания, свой опыт.

Эта книга, написанная еще до Второй мировой войны, актуальна сегодня, возможно, даже больше, чем тогда: беспрецедентна скудость следа современного информационного потока, бегущего с экранов компьютеров и телевизоров. Конечно, Интернет всколыхнул общество, и мы увидели новый срез моды, когда все чаще стали говорить об электронных библиотеках, о том, что скачивают много книг и обладают огромным цифровым богатством. Но что скачивают? Зачем? Чувствуют ли формальность этих действий? Знают ли, кто создал эти книги? Понимают ли тех людей, которые старались донести до нас свои идеи, возможно, соединить свое прошлое с настоящим для

трансформации в будущее? Осознают ли, что «нет смысла разговаривать с предками, не научившись слушать»? Стеклоанная броня электронного носителя информации становится в некотором смысле врагом человека. Дискретные поисковые запросы не заменят полноценного общения с книгой.

Великие книги — это наше прошлое, настоящее и будущее! Литература, стоящая над временем, — путеводитель, помогающий личности искать себя в нашем непростом мире. И чем глубже мы их познаем, тем более укрепляются в памяти человечества Аристотель, Платон, Сенека. Как писал Локк, хоть мы и из породы жвачных, недостаточно набить себя множеством книг, ибо они не принесут нам пользы и силы, если тщательно не пережует и хорошенько не переварим их. Но как? Как сделать чтение по-настоящему глубоким? Как высвободить, подобно тому, о чем писал И. А. Ильин в книге «Возвращение», всю силу душевных способностей и умений, чтобы найти верную духовную установку и приобрести дар «художественного ясновидения» для понимания произведения?

Методологию, инструментарий, даже целую науку создали и продолжают разрабатывать отечественные и зарубежные исследователи. Известен огромный вклад в науку о чтении Л. Н. Толстого, М. Н. Куфаева, С. И. Поварнина, Н. А. Рубакина, Н. М. Сикорского и многих других блестящих ученых и писателей. Бесспорно, и труд Мортимера Адлера, основателя Института философских исследований в Сан-Франциско и Центра изучения великих идей в Чикаго, вносит лепту в разработку столь жизненно важного направления в воспитании разума и души.

Адлер создал методологию для желающих «играть в теннис» с книжными мирами, пособие по определению общей стратегии и наработке правил, которыми необходимо руководствоваться при чтении любой книги, чтобы выработать «гормон внимания» и чистоты восприятия, получать удовольствие от постижения искусства чтения. С одной стороны, он снова окунает нас в обучение чтению, с другой — лишает иллюзий относительно нашего восприятия книги, подобно оракулу, возвещающему истину, которую следует не просто услышать, но пережить, чтобы припасть к источникам нашей духовности.

Чтение — средство коммуникации: книга помогает установить между автором и читателем диалог, направляющий, как говорил Сократ, в поисках истины. А истина всегда убегает, и ее постоянно приходится искать и догонять, впитывая опыт предков и наработывая собственный. Не понимая написанного, не ощущая корней мировоззрения автора, не преломляя содержания книги в своем сознании, читатель не сможет в полной мере оценить глубину произведения. Разница в степени восприятия обуславливает успех книги у одних читателей и разочарование у других.

Труд Мортимера Адлера — не только учение о том, как надо читать книги, но и своеобразный регламент восприятия информации, которую мы должны пропустить через себя. Как отмечал С. И. Поварнин, необходимо систематическое мышление, ибо «культура ума» «дается работой и дисциплиной мышления». Только тогда становится возможно напитаться здоровой духовной пищей, чтобы, по-аристотелевски, найти «золотую

середины» в воспитании тела, души и разума и трезво оценивать происходящее.

Что особенно ценно в этой работе?

Во-первых, важно, что чтение Мортимер Адлер считает не развлечением, но тяжелой умственной работой, постоянным обучением, тренировкой чувств и мышления, которую мы внутренне не осознаем. Это процесс, при котором разум человека «преодолевает новые высоты исключительно в результате собственных усилий». Человеку, постигающему чтение, необходимы терпение, привычка и понимание, что наилучший результат достигается постоянными тренировками, как в спорте: когда мышца адаптируется к новым условиям, постепенно вырабатывается мышечная память. Это напоминает восхождение на гору. Пришел покорить, реализовать свои амбиции, получить развлечение или информацию.

Во-вторых, Адлер подает пример самокритики в плане оценки собственных навыков чтения: «Я четко осознаю, *чего не умею*, и, возможно, *почему не умею*». Он честно признает, что было время, когда он чувствовал: «весь мир у меня в кармане». Но, к счастью, пришло осознание, что знания, полученные им в колледже, — миф: «чтобы понять книгу, я читал не ее, а *о ней*». Такая публичная самооценка — это, с нашей точки зрения, высшая форма интеллекта. Ведь процесс становления личности идет через осознание того, как мало мы знаем и умеем.

Подкупает то, что книга Мортимера Адлера не носит назидательного характера. Это просто его размышления о прошлом и настоящем, о том, как целесообразно «общаться» с книгой. Нет никакой дидактики в его

воспоминаниях о курсах по чтению великих книг Джона Эрскина и диалогах о прочитанном, которые закрепляют вместе с преподавателем истину прошлого и настоящего. Но есть желание повторить этот путь.

Описывая процесс становления личности через чтение, Адлер охватывает и другие виды искусства, проводя аналогии с тем, как мы умеем слушать музыку, смотреть картины: ведь в творчестве все едино. И это прибавляет глубины его книге о книгах.

Погружаясь в этот бесценный трактат, с глубоким сожалением понимаешь, как много прочитанного ранее прошло мимо сознания, не оставив следа подпитки. Но всегда есть возможность повысить качество чтения, что позволит впоследствии продуктивно учиться по книгам *всегда*. Самообразование и саморазвитие необходимы в различных областях деятельности — это факт! И нет никаких препятствий для улучшения своих способностей: по словам Адлера, почти *«все великие книги из любой области человеческой мысли доступны для понимания каждому, кто наделен обычными умственными способностями»*. Нужно лишь учиться у тех, кто превосходит нас, знать своих учителей и понимать, как учиться у них.

Учиться читать — это «параллельное восприятие себя» и сравнительное виртуальное отображение прочитанного, сравнение пережитого или переживаемого с собственным опытом, а также корректировка в этом сравнении своего мировосприятия. Поэтому при чтении настоящего руководства возникает стремление глубже проникнуться этим произведением и постичь «логику» понимания значительных книг. Это великое творение Мортимера Адлера должно стать для каждого настольной

книгой, которую нужно не только читать, но и применять в постижении окружающего мира, чтобы самим чувствовать, думать, переживать, чтобы когда-нибудь начать жить самим.

Доктор экономических наук, профессор,

заслуженный работник культуры РФ

Б. С. Есенькин

От издателей

Вы никогда не задумывались, много ли на самом деле понимаете в тексте? Не доводилось ли вам, открыв прочитанную когда-то книгу, с удивлением отмечать, что вы забыли, о чем в ней шла речь, либо в прошлый раз упустили важные нюансы, а то и вовсе иначе понимали написанное?

А для чего вы вообще читаете? С целью добыть информацию? Убить время? Получить удовольствие от словесного мастерства писателя? Задуматься о жизни? Отточить свою читательскую проницательность?

С момента появления литературы автор и читатель ведут увлекательную игру. Автор посредством текста делится с вами своими мыслями и чувствами. А вы трансформируете вязь букв и знаков препинания в собственные мысли и эмоции. Но совершенно не факт, что они совпадут с авторскими! Из всей полноты смыслов, заложенных автором в книгу, читатель выхватит ровно столько, сколько способен понять *на данный момент*. Оттого и разница в восприятии: одни

находят какую-либо книгу весьма глубокой, другие — пустой, третьи — заумной.

Чтобы действительно понимать все оттенки смысла, заложенные в словах и фразах, и полностью настроиться на авторскую волну, нужен изрядный читательский багаж, а кроме того, умение читать активно. И именно этого умения многим не хватает. Увы, на гуманитарные науки времени в учебных заведениях отводится все меньше, люди читают все реже, подменяя читательский багаж навыками быстрого поиска нужных фрагментов в сетевых библиотеках, и проблема встает во весь рост: накопленное культурное наследие скоро некому будет оценить. А кроме того, появляются серьезные преграды для самообразования.

Вывод: нужно *заново учиться читать*. И именно для этого еще в 1940 году написал свою книгу Мортимер Адлер, американский философ, редактор и преподаватель (впоследствии он стал председателем редакционного совета энциклопедии «Британника»), всю свою жизнь посвятивший тому, чтобы научить людей любить и понимать книги. Здесь изложены его рекомендации по активному, вдумчивому, многоэтапному чтению. Освоив его, вы сможете видеть в художественных книгах сокрытое между строк, слышать музыку слов, ощущать вкус, цвет и запах звуков. Литература нон-фикшн будет приносить вам больше пользы. И несомненно, эти познания необходимы вам, если вы намерены когда-нибудь написать свою собственную книгу.

Мы счастливы, что вы взяли в руки этот труд. Это значит, что вы хотите отточить свои способности к максимально полному и многогранному восприятию

любого текста. Вы именно тот читатель, о котором мечтают все издатели.

От автора

Издание с весьма утилитарным названием «Как читать книги», которое вы сейчас держите в руках, предоставило мне прекрасную возможность прояснить и конкретизировать все, что осталось недосказанным в первой публикации этой книги в 1940 году.

Несмотря на некоторую «тематическую вариативность» названия, читатели моей книги прекрасно знают, что ее ключевая идея состоит в том, чтобы научиться правильно читать не любые, а именно великие книги. В 1940 году книга с таким названием, конечно же, не могла завоевать широкую аудиторию. Сегодня, когда сотни и тысячи американских семей читают и обсуждают великие литературные произведения — знакомство с которыми требует отдельного исследования, — я считаю, что ситуация существенно изменилась к лучшему. Поэтому в обновленное издание я решил включить небольшой раздел под названием «Руководство по чтению великих книг».

Целью данной книги является развитие способностей, которые нужны человеку при чтении любой литературы. Эти способности не просто полезны — они необходимы для чтения великих книг, никогда не теряющих своей актуальности. Хотя «сиюминутно популярные» книги, журналы и газеты можно читать и не обладая этим умением, развитый навык позволяет усваивать даже такие тексты быстрее, точнее и

внимательнее. Искусство аналитического, интерпретирующего и критического чтения необходимо лишь тогда, когда в процессе знакомства с книгой мы начинаем понимать то, что ранее было недоступно. Такое ощущение имеет прямое отношение к тем немногим книгам, которые можно с пользой перечитывать снова и снова. Это великие книги — и правила чтения, изложенные здесь, относятся прежде всего к ним. Все примеры, которые я использовал, чтобы показать читателю возможности применения правил, взяты именно из таких великих произведений.

Работая над этой книгой, я опирался в первую очередь на собственный двадцатилетний опыт чтения и обсуждения великих произведений литературы — в Колумбийском и Чикагском университетах, в колледже Сент-Джон в Аннаполисе, а также в работе с многочисленными группами обучения чтению для взрослых. С тех пор количество подобных «взрослых» групп многократно возросло, а бесчисленные колледжи и университеты, как, впрочем, и средние школы в США, ввели курсы, посвященные чтению и обсуждению великих книг, признав их основой либерального и гуманистического образования. Все эти достижения в американском образовании, безусловно, заслуживают самой высокой оценки. Но наиболее важным событием в системе нашего образования после 1940 года стала, на мой взгляд, публикация — и дальнейшее распространение — издательством «Энциклопедия Британника» литературной серии «Великие книги Западного мира». Благодаря ей многие шедевры обрели свое законное место на полках сотен и тысяч американских домов, пополнили фонды почти всех публичных и школьных библиотек.

В честь этого события в данное издание «Как читать книги» мной специально включен список «Великих книг Западного мира». Это дополнение повлекло за собой необходимость переработать соответствующим образом восьмую главу данной книги. Обратитесь к [Приложению 1](#), и вы найдете там перечень великих книг, распределенных на четыре основные группы: художественная литература (поэзия, проза и драма); история и социология; естественные науки и математика; философия и богословие. Со времени публикации серии «Великих книг Западного мира» в 1952 году издательство «Энциклопедия Британника» включило в свой редакционный портфель еще одну серию под названием «Преддверие великих книг», куда вошли литературные шедевры малых форм. Этот список вы также найдете в [Приложении 1](#).

Данная книга, как видно из названия, является руководством по чтению книг, заслуживающих особого внимания, и потому я рекомендую ее всем, кто является обладателем изданий «Великих книг Западного мира» и «Преддверия великих книг». В распоряжении этих счастливиц имеются и другие вспомогательные средства. «Синоптикон», включающий в себя второй и третий тома «Великих книг Западного мира», может стать еще одним прекрасным проводником в мире литературы. Издание «Как читать книги» в деталях объясняет читателю все способы и методы правильного чтения великой книги. «Синтоптикон» помогает научиться читать собрание великих книг, опираясь на тысячи тем, интересующих человечество. Эти темы включены мной в единый список, состоящий из ста двух великих идей. (Список идей находится в [Приложении 2](#) данной книги.) Хочу сразу обратить внимание особо любознательных

читателей на тот факт, что первый том «Преддверия великих книг» содержит «Синтопическое руководство» — аналог «Синтопикона» для полного собрания литературных шедевров.

Заслуживает упоминания и еще одна публикация издательства «Энциклопедия Британника». В отличие от конъюнктурных бестселлеров, которые устаревают уже через год, великие книги являются литературой, стоящей над временем и решающей вечные проблемы человечества. Именно так их и следует читать — в поисках истинного света, который они проливают на человеческую жизнь, на все наше прошлое, настоящее и будущее. Поэтому «Британника» теперь регулярно выпускает ежегодник под названием «Великие идеи сегодня», главной целью которого является наглядная иллюстрация поразительной связи великих книг и великих идей с современными событиями, проблемами, а также последними достижениями в области науки и искусства.

Благодаря этим бесценным вспомогательным средствам для чтения и понимания великих книг, вся сокровищница мудрости западной цивилизации становится доступной каждому из нас. Главное, чтобы у нас возникало и сохранялось желание к ним прикоснуться.

Мортимер Адлер,

Чикаго,

сентябрь 1965 г.

Часть I. Чтение как деятельность

Глава первая. Обычному читателю

- 1 -

Эта книга для читателей, которые не умеют читать. Знаю, звучит не очень вежливо, но я совсем не намеревался вас обидеть. Мое утверждение может показаться вам в чем-то даже противоречивым, хотя никакого противоречия здесь нет. Такое впечатление может сложиться из-за множества смыслов и интерпретаций слова «чтение».

Тот, кто прочел эти строки, безусловно, умеет читать в определенном понимании этого слова. Вы, наверное, уже догадались, что я имею в виду. Книга адресована тем, кто умеет читать только в одном из значений слова «чтение». Существует множество видов чтения и уровней способности к нему. Поэтому, если мы скажем, что книга предназначена для читателей, которые хотят читать лучше или по-новому, то противоречия в этом не будет.

Кому же адресована эта книга? Приведу в качестве примера две крайности. Некоторые из нас абсолютно не умеют читать: совсем маленькие дети, умственно неполноценные люди и прочие невинные существа. Но есть и те, кто виртуозно овладел искусством чтения, — они умеют читать всеми возможными способами. Для большинства авторов это самые желанные читатели. Но в нашей книге речь идет об искусстве чтения и о том, как научиться читать лучше, и потому она вряд ли заинтересует тех, кто уже стал специалистом.

Между двумя упомянутыми полюсами мы обнаружим обычных среднестатистических читателей — нас с вами, — людей, знакомых с алфавитом. Мы уже стали на путь грамотности. Многие из нас понимают, что не являются специалистами в области чтения. Узнать об этом можно по-разному, но сильнее всего мы ощущаем свое неумение, когда становится почти физически тяжело читать что-либо, когда кто-то другой прочел тот же текст и дал нам понять, как много мы в нем упустили или неверно поняли.

Если у вас не было подобного опыта, если вы никогда не ощущали трудностей при чтении или разочарования из-за того, что результат оказывался несоразмерен затраченным усилиям, то я просто не знаю, как вас заинтересовать. Однако большинство из нас испытывали при чтении те или иные трудности, не понимая, с чем они связаны или как их преодолеть.

Полагаю, дело в том, что многие не считают чтение сложным занятием. Но процесс чтения, как и в любом другом виде искусства, состоит из различных стадий, на каждой из которых можно совершенствоваться и оттачивать свои способности. Мы даже не предполагаем, что существует искусство чтения как таковое. Чаще всего мы думаем, что уметь читать так же просто и естественно, как уметь смотреть и говорить. А такие навыки никто не назовет искусством.

Прошлым летом, когда я работал над этой книгой, ко мне в гости пришел молодой человек. Он узнал, о чем я пишу, и попросил объяснить ему, как лучше читать. При этом мой собеседник явно рассчитывал на ответ из нескольких предложений и всерьез полагал, что

какой-нибудь незатейливый рецепт позволит ему немедленно добиться успеха.

Я попытался объяснить, что не все так просто. На то, чтобы рассмотреть различные правила чтения и продемонстрировать их применение, у меня ушел не один десяток страниц. Я рассказал, что пишу нечто вроде учебника для желающих научиться играть в теннис. Обычно в таких учебниках рассматриваются техника выполнения различных ударов, варианты их применения и выработка общей стратегии успешной игры. Искусство чтения следует преподносить аналогичным образом. Для каждой стадии существуют правила, которым необходимо следовать при чтении любой книги.

Молодой человек пришел в замешательство. Он подозревал, что не умеет правильно читать, но не мог представить, как много предстоит изучать для исправления этой ситуации. Мой собеседник был музыкантом, поэтому я, в свою очередь, поинтересовался, умеют ли слушать симфонии все те, кто в состоянии слышать звуки. Его ответ был предсказуем: конечно же, нет. Я признался, что и сам не умею правильно слушать музыку, и попросил его объяснить, как это делать с точки зрения музыканта. Безусловно, он мог рассказать, но не в двух словах. Слушать симфонию — непростое занятие. Недостаточно просто присутствовать — важно обращать внимание на множество нюансов, различать их и увязывать между собой. Кратко рассказать обо всем, что меня интересует, молодой человек не смог. Более того, мне пришлось бы довольно долго слушать музыку, чтобы стать опытным ценителем и зрелым слушателем.

Теперь мой собеседник смог понять меня гораздо лучше, поскольку то же самое касается и чтения. Я могу научиться слушать музыку, а он способен научиться читать, — на аналогичных условиях. Умение читать очень похоже на любое другое искусство или мастерство. Необходимо выучить и применять определенные правила. Нужные привычки и навыки приобретаются исключительно на практике. Непреодолимых сложностей нет, требуется лишь желание учиться и должное терпение.

Не знаю, полностью ли удовлетворил мой ответ этого молодого человека. Ведь в его подходе к этому вопросу я заметил одну существенную проблему: он не вполне осознает, что такое чтение. Полагая, что читать умеет каждый, поскольку этому учат уже в начальной школе, он вряд ли способен представить, что чтение мало отличается от прослушивания музыки, игры в теннис и прочих видов сложной деятельности, где задействованы органы чувств и мышление.

Боюсь, что эта проблема касается многих из нас, поэтому в первой части книги я собираюсь рассмотреть чтение как деятельность. Не осознав, в чем его суть, вы не будете готовы (как тот молодой человек) к необходимому обучению.

Конечно, я предполагаю, что вы хотите учиться. Но не смогу помочь вам лучше вас самих. Никто не заставит вас выучить больше, чем вы хотите или считаете нужным. Люди часто говорят, что читали бы с удовольствием, если бы знали, как это делается. На самом деле они могли бы научиться — стоит только попробовать. И они попробуют, если действительно захотят этого.

Должен признаться, что сам не умел читать, пока не окончил колледж. Обнаружилось это случайно, когда я попробовал учить читать других. Думаю, многие родители сделали такое же открытие, когда учили чтению своих детей. Парадоксально, но в результате этого процесса родители больше узнают о чтении, чем дети. Причина проста: они занимают активную позицию, иначе преподавать невозможно.

Вернемся к моей истории. Если верить записям учебного секретаря, в тот период я был одним из самых успешных студентов в Колумбии^[1]. Мы получали хорошие оценки. Стоило усвоить несколько приемов — и все шло как по маслу. Если бы кто-нибудь тогда сказал, что мы мало знаем или плохо умеем читать, мы пережили бы колоссальное потрясение. Никто из нас не сомневался, что достаточно хорошо умеет слушать лекции и читать обязательные для изучения книги, чтобы отлично отвечать на вопросы экзаменационных билетов. Именно это мы считали подтверждением своих способностей.

Некоторые из нас записались слушателями на курс, который чрезвычайно помогал повышению самооценки. Его набирал Джон Эрскин. Курс длился два года, назывался General Honors («Общий курс для отличников») и был ориентирован на избранных студентов младших и старших курсов. Там занимались исключительно чтением великих книг, от греческой классики, древнеримских и средневековых литературных

¹ Имеется в виду Колумбийский университет США. *Здесь и далее там, где это не оговорено особо, примечания даны редактором.*

шедевров до лучших авторов современности — Уильяма Джеймса, Эйнштейна и Фрейда. Книги для чтения подбирались из самых разных областей: истории, математики, философии, психологии, поэзии, прозы. Раз в неделю мы устраивали нечто вроде неформального семинара, где обсуждали все прочитанное с преподавателями.

Курс оказал на меня двойное воздействие. С одной стороны, я решил, что попал на золотую жилу: подлинный материал и подлинная работа с ним — это вам не сухие академические учебники и конспекты, для которых требовалась лишь натренированная память. К сожалению, я не просто решил, что нашел золото, а возомнил себя владельцем прииска. Меня окружали великие книги. Я умел читать. Весь мир был у меня в кармане.

Если бы после выпуска я занялся бизнесом, медициной или юриспруденцией, то, вероятно, по сей день считал бы, что умею читать и начитан больше других. Но мне посчастливилось вовремя пробудиться от этого сна. В ответ на каждую иллюзию, обретаемую в колледже, жизнь уже готовит свой суровый урок. Врачу или юристу для такого пробуждения хватает нескольких лет практики. Мир бизнеса или журналистики избавит от иллюзий юношу, считающего себя финансистом или акулой пера, сразу же после получения диплома. Я окончил университет, будучи свято убежденным в том, что получил прекрасное образование и отлично умею читать. От подобного заблуждения меня излечило преподавание. Наказание в точности соответствовало преступлению — через год после выпуска мне пришлось

вести тот самый курс Honors, на котором я в свое время выпестовал свое самомнение.

Все книги, о которых мне предстояло рассказывать, я прочел еще в студенческие годы. Я был молод и самоуверен, а потому решил перечитывать их — просто освежая в памяти — раз в неделю. К своему величайшему изумлению, я обнаружил, что читаю как в первый раз те самые книги, которыми я методично и упорно «овладевал» в годы учебы.

Осознание пришло немного позже и стало откровением: я не просто мало что помню из этих книг, но еще и плохо умею читать. Чтобы скрыть невежество и некомпетентность, я действовал, как любой молодой преподаватель, который боится студентов и своей первой работы. Я активно обращался к дополнительным источникам, всевозможным энциклопедиям, статьям, книгам о книгах, надеясь с их помощью выглядеть образованнее своих студентов. Работая над какой-нибудь книгой, — думал я — они непременно поймут, что мои вопросы и суждения о ней основаны на очень глубоком и вдумчивом прочтении.

К счастью, меня разоблачили. Иначе я бы и дальше довольствовался иллюзией преподавания, как ранее — иллюзией учебы. Успешно одурачивая других, я бы вскоре занялся самообманом. Первым подарком судьбы стал мой коллега по курсу, поэт Марк Ван Дорен. Он вел дискуссии о поэзии, а я — об истории, науке и философии. Марк был на несколько лет старше меня и значительно лучше умел читать. К тому же, вероятно, он был честнее меня. Пришлось сравнивать его манеру преподавания со своей и делать неутешительные выводы

— врать себе я просто не мог. Чтобы понять книгу, я читал не ее, а *о ней*.

Я задавал своей аудитории вопросы, которые мог сформулировать любой человек, не знакомый с книгой. При этом я был похож на того, кто перелопатил тонны дополнительных материалов, созданных для людей, не способных или не желающих читать. Вопросы Марка, наоборот, рождались из содержания книги. Казалось, между ним и автором уже завязались доверительные отношения. Каждая книга представляла для него целый мир, бесконечный простор для исследования. И справедливая кара обрушивалась на голову того студента, что отвечал на вопросы так, словно вместо путешествия в этот мир он спешно пролистал путеводитель. Различие было слишком очевидным и невыносимым для меня. Оно ни на миг не позволяло мне забыть о том, что я не умею читать.

Следующим подарком судьбы оказалась моя первая группа студентов. Они тут же бросились догонять своего скороспелого преподавателя — и быстро научились читать энциклопедии, статьи и предисловия к классике не хуже меня. Один из них, ставший впоследствии критиком, проявлял наибольшее рвение. С неиссякаемым восторгом он пускался в обсуждение всевозможных дополнительных материалов, тем самым указывая мне и другим студентам на необходимость говорить о самой книге. При этом я думаю, что студенты этой группы, включая будущего критика, не умели читать лучше меня. Безусловно, никто из нас, за исключением Ван Дорена, не читал по-настоящему.

Спустя год в роли преподавателя я избавился от иллюзии о своей начитанности. С тех пор я учил

студентов читать шесть лет подряд в Колумбийском университете вместе с Марком Ван Дореном и потом еще десять лет в Чикагском университете в тандеме с президентом Робертом Хатчинсом. Полагаю, что за эти годы я постепенно научился читать лучше, перестал заниматься самообманом и считать себя специалистом. Почему? Читая из года в год одни и те же книги, я каждый раз испытывал искреннее изумление: книга казалась мне абсолютно новой, словно я открывал ее впервые. Перечитывая очередную книгу, я говорил себе, что теперь уж точно прекрасно все усвоил, но с каждым последующим прочтением находил ранее неверно понятые места. Думаю, после нескольких таких повторений даже самый отсталый человек поймет, что не умеет как следует читать. Конечно, дело мастера боится, но в искусстве чтения, как и в любом другом, требуется больше практики, чем кажется изначально.

- 3 -

Я разрываюсь между двумя желаниями. Безусловно, я хочу, чтобы вы как можно скорее начали учиться читать, но при этом не смею вас обманывать, обещая легкий и быстрый результат. Уверен, что вы и сами не захотите быть обманутыми. Обучение чтению, как и освоение любого навыка, предполагает определенные трудности, преодоление которых требует усилий и времени. Думаю, всякий, кто начинает какую-либо деятельность, готов к этому и осознает, что ничего не дается без усилий. Вырасти из детской кроватки, заработать целое состояние, создать счастливую семью или обрести истинную мудрость — на все необходимо

иметь время и силы. Разве не логично, что умение читать и выбирать достойные книги требует таких же затрат?

Конечно, все получилось бы намного быстрее, начали мы свое обучение еще в школе. К сожалению, обычно происходит наоборот: в школе мы прекращаем движение. Подробнее о недостатках школы я выскажусь дальше. Сейчас я только констатирую факт, который касается всех, поскольку в значительной степени именно школа сделала нас такими — людьми, не умеющими читать и получать от этого пользу и удовольствие.

Процесс получения образования не прекращается с окончанием учебного заведения, равно как и ответственность за образованность каждого из нас нельзя целиком и полностью возлагать на школьную систему. Каждый может и должен сам решить, устраивает ли его полученное или получаемое образование. Если нет, то исправлять положение или не исправлять — личный выбор каждого. Пока учебные заведения остаются такими, как сегодня, вряд ли поможет еще один диплом. Вариант решения (быть может, единственный для многих из нас) — повышать качество чтения, чтобы впоследствии продуктивно учиться по книгам.

Именно о таком решении и пойдет речь в этой книге. Она адресована взрослым, которые начинают понимать, как мало знаний получили в школе и колледже. Эта книга понадобится людям, которым повезло еще меньше, ибо они только сейчас с удивлением узнали, что были чего-то лишены. Книга будет полезна учащимся школ и колледжей, которые периодически задаются вопросом о том, как и чем дополнить свое образование. И наконец — книга пригодится даже преподавателям, которые иногда

чувствуют, что дают своим ученикам недостаточно знаний, но не понимают, как исправить это положение.

Говоря о столь широкой потенциальной аудитории обычных читателей, я учитываю все различия в их уровне подготовки и способностях, в образовании и опыте и, безусловно, в интересах и источниках мотивации. Но первостепенную важность в этом вопросе имеет понимание общей цели и ее ценности.

Мы можем заниматься деятельностью, которая вообще не связана с чтением, и все же чувствовать, что жизнь будет разнообразнее, если часть досуга посвятить саморазвитию — например, с помощью книг. Кроме того, иногда работа требует чтения профессиональной литературы: врач всегда должен быть в курсе медицинских новостей, юрист обязан читать материалы судебных дел, бизнесмен — изучать финансовые отчеты, страховую политику, контракты и так далее. Неважно, читаем мы для работы или для саморазвития, ясно одно — это можно делать качественно и не очень.

Мы можем учиться в колледже — например, быть кандидатами на получение степени — и при этом осознавать, что нас просто автоматически пичкают знаниями, а не развивают в полном смысле слова. Большинство студентов к моменту получения диплома бакалавра четыре года так или иначе изучали разные предметы, после чего сдали по ним экзамены. Успех в этом процессе зависел даже не от самого предмета, а от личности преподавателя. Если студент почерпнул основную часть материала из лекций и учебников, оказавшись к тому же в числе любимчиков преподавателя, то он довольно легко сдаст экзамен. Но при этом упустит возможность развития.

Конечно, мы можем преподавать в школе, колледже или университете. Надеюсь, при этом мы признаемся хотя бы себе, что не являемся специалистами в чтении. Мы прекрасно понимаем, что в умении качественно читать недалеко ушли от собственных студентов. В каждой профессии существуют определенные уловки, которые помогают произвести впечатление на публику. Уловка учителя — выдвинуть на первый план знания и опыт. Это не совсем хитрость, поскольку обычно мы все-таки знаем и умеем несколько больше, чем наши студенты. Но не стоит самим попадаться на эту удочку. Если мы не понимаем, что у студентов отсутствует навык качественного чтения, это хуже хитрости, поскольку в данном случае мы как педагоги не выполняем свои прямые обязанности. А заблуждение в отношении собственного умения читать вообще становится самообманом.

Лучшие доктора умеют завоевывать доверие пациентов, открыто признаваясь в своих ограничениях. Лучшими учителями мы считаем тех, у кого меньше всего претензий. Если студенты зашли в тупик в решении сложной задачи, преподаватель, который не станет скрывать своих затруднений, поможет им больше, чем педагог, вознесшийся на пьедестал. Если бы мы честно признавали, что испытываем сложности при чтении, и меньше скрывали, насколько трудно читать нам самим, мы могли бы заинтересовать студентов именно процессом получения знаний вместо факта сдачи экзаменов.

Думаю, к этому моменту люди, не умеющие читать, уже поняли, что я и сам их не особенно опережаю. Я четко осознаю, *чего не умею*, и, возможно, *почему не умею*. Мое основное преимущество заключается именно в этом. Оно же является и моим главным достижением за все годы преподавания. Безусловно, если мне что-то удастся лучше других, то я с радостью готов помочь окружающим ради цели, оправдывающей столь серьезные усилия.

Иногда даже не особенно одаренный студент неожиданно оказывается способен прочесть книгу качественно. Специалисты обычно читают не менее поверхностно, чем все мы, но они часто проделывают в этом отношении очень серьезную работу, если текст напрямую связан с их специализацией и — особенно — если от этого зависит их репутация. Юрист, скорее всего, скрупулезно проанализирует все актуальные для своей практики судебные дела. Врач так же внимательно прочтет любой отчет о клиническом исследовании, если в нем будет идти речь о важных для него симптомах. Это правило действует и в других сферах деятельности. Даже бизнес приобретает оттенок научности, когда предпринимателям приходится изучать финансовые отчеты или контракты. Правда, я слышал, что многие бизнесмены не умеют как следует читать такие документы, даже если на кон поставлено их собственное финансовое благополучие.

При попытке проанализировать аналогичные навыки в целом среди мужчин и женщин, независимо от их рода занятий, я вспоминаю лишь одну ситуацию, когда они превосходят самих себя в умении читать. Получая

любовное послание, влюбленные читают между строк и на полях, изучают мельчайшие детали и текст в целом, тонко чувствуют контекст и двусмысленности, намеки и скрытый смысл. Они улавливают цвет слов, запах фраз и вес предложений. Иногда они даже обращают внимание на пунктуацию. И еще — они перечитывают такое письмо постоянно, как в первый раз.

Все эти примеры, особенно последний, помогают составить первое представление о моем личном видении процесса чтения. И все же этого недостаточно. Чтобы понимать глубже его суть, необходимо более четко различать виды и уровни чтения. Чтобы грамотно прочесть эту книгу — а именно так я хочу вас научить читать, — нужно усвоить суть подобных различий. Об этом мы поговорим в следующей главе. Сейчас важно понять, что эта книга не о чтении в целом, а о том чтении, которое не особенно удается людям, если только они не влюблены.

Глава вторая. Прочтение слова «чтение»

- 1 -

Одно из основных правил чтения текста требует выделения ключевых слов. Однако этого недостаточно. Необходимо знать, как они употребляются, — и здесь начинается более сложный поиск значения: одного или нескольких, общего или специализированного — передаваемого конкретным словом в той или иной части текста.

Вы уже поняли, что «чтение» — одно из ключевых слов этой книги. И, как я уже говорил, оно имеет

множество значений. Но если вы сразу заявите, что знаете, какой смысл я вкладываю в это слово, то неизбежно попадете впросак.

Использовать язык, чтобы говорить о языке, довольно рискованно, особенно когда пытаешься защитить его от пренебрежения. Недавно мистер Стюарт Чейз написал книгу, которую следовало бы назвать «*Слова о словах*». Тогда он избежал бы нападков критиков, которые быстро выяснили, что мистер Чейз сам страдает от диктатуры слова. Он уже почувствовал опасность, когда написал: «Я не раз попаду в собственную ловушку, когда буду плохим языком призывать к использованию хорошего».

Удастся ли мне избежать этой западни? Я пишу о чтении, и потому — на первый взгляд — должен следовать правилам чтения, а не письма. Выход для меня очевиден, ведь писатель должен помнить о правилах чтения. Вы же читаете о чтении. У вас нет выбора. Если предлагаемые мной правила чтения разумны, вам следует придерживаться их уже при чтении данной книги.

Вы спросите, как можно следовать правилам, не изучив их? Для этого придется пройти часть этой книги, не зная правил. Единственный известный мне выход — учиться читать осознанно в процессе чтения. Начнем с применения правила *нахождения и понимания ключевых слов*.

- 2 -

Изучая различные значения слов, необходимо в первую очередь использовать словарь и собственное

представление о правилах его использования. Например, если вы откроете Большой Оксфордский словарь на слове «читать», то обнаружите, что одни и те же буквы обозначают устаревшее существительное, означающее четвертый желудок жвачного животного^[2], и — одновременно с этим — распространенный глагол, означающий умственную деятельность, связанную со словами или символами. Вы сразу поймете, что незачем отвлекаться на устаревшее существительное. Хотя — с другой стороны — можно акцентировать внимание на том факте, что чтение имеет нечто общее с пережевыванием.

Одним из менее распространенных значений слова «читать» является понятие «объяснять», «истолковывать». Есть и смежное, более привычное значение — «предполагать» и «предсказывать», используемое в случаях, когда речь идет об астрологическом прогнозе, каких-нибудь показателях или о будущем в целом. Отсюда вытекает значение слова, связанное с изучением книг и других письменных материалов. Есть и другие значения. Например, «читать» как произносить вслух (когда актриса читает свою роль режиссеру); определять что-то (когда мы говорим, что читаем характер человека по лицу); преподавать в учебном заведении или лично (когда кто-то читает лекцию).

Небольшие расхождения в употреблении кажутся бесконечными: музыкант читает партитуру, ученый читает природу, инженер читает приборы, печатник читает корректуру, мы читаем между строк и так далее.

² Речь идет об английском слове read. *Прим. перев.*

Чтобы упростить задачу, выделим в разных значениях общую составляющую. Например, чтение подразумевает умственную деятельность и в той или иной степени интерпретацию символов. Таким образом, мы можем очертить примерные границы употребления данного слова. Нас не интересует употребление этого слова в значениях «пищеварительный тракт» и «зачитывание вслух». Также мы не будем рассматривать (разве что иногда для сравнения) это слово в значении толкования знаков природы — расположения звезд, черт лица и так далее. В этой книге мы ограничимся единственным видом читаемого символа, который люди изобрели для общения, — словами человеческого языка. При этом я не причисляю к таковым чтение искусственных знаков — показателей физических приборов, термометров, счетчиков, спидометров и прочих вещей.

Таким образом, в данном тексте следует понимать слово «чтение» исключительно как процесс интерпретации и понимания того, что в нашем восприятии имеет форму слов или других знаков. Это не судебное постановление о том, что означает слово «чтение», а просто способ определить предмет нашей беседы — чтение как средство коммуникации.

К сожалению, это не совсем просто. Вы убедитесь в этом сами, если кто-то спросит: «А как же слушание? Ведь оно тоже является средством коммуникации!» Впоследствии я рассмотрю соотношение этих видов деятельности, поскольку правила качественного чтения во многом применимы и к слушанию, хотя в последнем случае их придерживаться намного труднее. Сейчас мы зафиксируем разницу и четко определимся, что в данной книге будем говорить только о письменном средстве

коммуникации. Об устном, возможно, поговорим в другой раз.

Я постараюсь использовать слово «чтение» именно в этом, строго ограниченном смысле, но понимаю, что где-нибудь случайно все же нарушу данное обещание. Невозможно избежать использования слова в прочих смыслах. Иногда я буду прямо сообщать о том, что использую иное значение, а иногда буду полагаться на то, что вы сами поймете различие по контексту. В редких случаях я буду искажать значение данного слова, сам того не замечая. Надеюсь, это действительно будут единичные ситуации.

Запаситесь терпением, дорогой читатель, — все только начинается. Все сказанное выше — лишь подготовка к поиску *еще более узкого* значения слова «чтение». Сейчас мы должны решить проблему, обозначенную в первой главе, и провести четкую грань между умением прочесть книгу — что вы сейчас и делаете — и потенциальной способностью научиться с помощью этой книги читать лучше или, по крайней мере, не так, как раньше.

Обратите внимание, что я употребил выражения «лучше» и «не так, как раньше». Первое указывает на отличие в *качестве*, а второе — на *иной способ*. Полагаю, тем из вас, кто умеет читать лучше, доступны разные способы чтения. Более слабые читатели освоили только один способ — простейший. Рассмотрим сначала уровни способности к чтению, которые позволяют нам кого-то причислить к категории лучших читателей, а кого-то — к более слабым участникам этого процесса.

На существование разных уровней способности к чтению указывает один очевидный факт. Мы начинаем читать еще в младшей школе и продолжаем совершенствовать этот навык на каждом этапе системы образования. Чтение — первый и главный из трех базовых предметов (наряду с математикой и письмом), ведь чтобы учиться с помощью книг, необходимо уметь читать. Поскольку изучаемые предметы постепенно становятся все более сложными, приходится повышать и качество чтения.

Грамотность везде считается главным признаком образованности. Она имеет разные уровни — от школьного аттестата до диплома бакалавра или докторской степени. Однако Жак Барзэн, автор статьи об американской демократии под названием «О свободе человека» (1939), предостерегает нас от самообмана, утверждая, что мы напрасно гордимся самым грамотным населением в мире. По его мнению, «грамотность в таком понимании — это не образованность и даже не «умение читать», т. е. быстро и верно ухватить содержание печатного текста, не говоря уже о том, чтобы составить о нем собственное мнение».

Считается, что переход на новый образовательный уровень автоматически сопровождается переходом на новый уровень чтения. В свете того, что нам известно о современном образовании в Америке, это предположение не имеет под собой достаточных оснований. Во Франции и сегодня кандидат на получение докторской степени должен продемонстрировать достаточное умение читать, чтобы войти в круг более грамотных людей. То, что французы называют *explication de texte* (интерпретация

текста), является искусством, практиковать которое можно на любом образовательном уровне и в котором необходимо совершенствоваться перед тем, как перейти на новый уровень обучения. Тем не менее и в этой стране зачастую отсутствует заметная разница между способностью к интерпретации у старшеклассника, выпускника университета или даже кандидата на получение докторской степени. Задание прочесть книгу старшеклассники и первокурсники нередко выполняют лучше, поскольку еще не совсем испорчены плохими привычками.

Тот факт, что в американском образовании существуют проблемы с чтением, означает, что границы уровней размыты, а не то, что их не существует вообще. Наша задача — сделать их более четкими. Для этого нужно определить критерии качества чтения.

Каковы же эти критерии? Думаю, я уже сформулировал их в предыдущей главе. Мы можем сказать, что человек читает качественнее, если он способен адекватно воспринимать более сложный материал. Любой согласится: если Джонс в состоянии читать только газеты и журналы, а Браун — лучшую современную научную литературу, например «Эволюцию физики» Эйнштейна и Инфельда^[3] или «Математику для миллионов» Хогбена^[4], то Браун способнее Джонса. Среди читателей уровня Джонса также можно выделить тех, кто довольствуется желтой прессой, и тех, кто способен осилить *New York Times*. Между полюсами

³ Леопольд Инфельд (1898—1968) — польский физик-теоретик.

⁴ Ланселот Хогбен (1895—1975) — британский зоолог, автор ряда популярных книг по различным наукам, в том числе по математике и языку.

Джонса и Брауна существуют переходные уровни чтения: различные журналы, современная проза, более простые научно-популярные книги, чем труды уже упомянутых мною Эйнштейна или Хогбена, например, «Европа изнутри» Гюнтера^[5] или «Одиссея американского врача» Хейсера^[6]. Брауна превосходит человек, способный читать Евклида и Декарта так же легко, как и книгу Хогбена; Галилея и Ньютона так же свободно, как и дискуссию Эйнштейна и Инфельда об этих ученых.

Первый критерий очевиден. Во многих сферах мы измеряем способности сложностью задачи. Конечно, точность таких измерений за висит от независимой оценки уровней сложности. Мы завершим круг, если скажем, что сложнее та книга, которую может прочесть только более способный читатель. Это высказывание верно, но ничем нам не поможет. Чтобы понять, почему некоторые книги читать труднее, нужно знать, каких навыков они требуют от читателя. Тогда мы сможем различать более сильных и более слабых читателей. Но все-таки уровень сложности чтения не до конца позволяет понять, в чем именно разница между читателями.

Однако первый критерий еще может нам пригодиться. Действительно, чем труднее книга, тем меньше желающих тратить на нее свое время. В этом есть доля истины, ведь чем выше уровень мастерства, тем меньшее число людей его достигает. Такой количественный подход дает нам некоторую

⁵ Джон Гюнтер (1901—1970) — американский журналист и писатель.

⁶ Виктор Георг Хейсер (1890—1972) — американский медик, писатель, общественный деятель.

независимую оценку сложности. Можно построить примерную шкалу и измерять по ней умение читать. На самом деле так устроены все системы оценки качества чтения, используемые школьными психологами.

Второй критерий поможет нам продвинуться дальше, но его труднее выделить. Я уже упоминал о разнице между активным и пассивным чтением. Строго говоря, чтение всегда активно. То, что мы называем пассивным, — просто менее активный процесс. Чем активнее чтение, тем оно качественнее. Более сильный читатель отличается, соответственно, более широким диапазоном активности. Чтобы объяснить последнее утверждение, мне нужно убедиться, что вы понимаете, почему пассивного чтения не существует. Оно лишь может казаться таковым на фоне более активного чтения.

Никто не сомневается, что письмо и речь — активные процессы: пишущий и говорящий явно выполняют действия. При этом многие полагают, что чтение и слушание полностью пассивны и не требуют никакой работы. По мнению сторонников такой теории, чтение и слушание — это *получение* информации от того, кто активно ее *дает*. Все верно, но предположение о том, что получение информации равнозначно получению удара, наследства или приговора суда, по меньшей мере ошибочно.

Попробую объяснить свою мысль на примере бейсбола. Поймать мяч — такое же действие, как отбить или бросить его. Питчер, или бьющий, в данном случае *отдает*, то есть инициирует движение мяча. Кэтчер, или защитник, *принимает* мяч, прекращая его движение. Единственным пассивным участником игры в данном

случае является мяч: его подают и ловят. Инертный текст — написанный и читаемый — становится, подобно мячу, пассивным объектом двух действий, которые начинают и прекращают его движение.

Эту аналогию можно развивать и дальше. Хороший кэтчер останавливает брошенный мяч. Умение поймать мяч — это способность ловить максимально хорошо в любой ситуации. Проводя аналогию, можно сказать, что мастерство чтения — это способность верно улавливать любую информацию. Читатель — это скорее кэтчер, а не защитник. Именно кэтчер дает сигнал, когда бить. Он знает, чего ожидать. В какой-то мере обоих игроков — питчера и кэтчера — перед броском мяча объединяет одна мысль. В случае с бьющим и защитником дела обстоят по-другому. Может, защитники и хотят, чтобы бьющие подчинялись их сигналам, но в игре так не бывает. Читатели тоже иногда ждут от писателей полного удовлетворения их желаний, но, разумеется, не получают этого. По правилам нашей игры именно читатель должен следовать за «броском» автора.

Подобная аналогия содержит две поучительные составляющие.

Во-первых, бьющий и защитник принадлежат к разным командам и не имеют общей цели. Успех одного — это разочарование другого. И наоборот, питчер и кэтчер достигают успеха только благодаря сотрудничеству. Отношения писателя и читателя ближе ко второму варианту. Писатель, безусловно, *не стремится быть непонятым*, хотя читатели часто полагают именно так. Успешная коммуникация происходит тогда, когда читателю удается овладеть тем смыслом, который хотел

передать писателю. Мастерство писателя и читателя служит общей цели.

Во-вторых, мяч сам по себе примитивен. Его или ловят *полностью* или не ловят вообще. В свою очередь, текст гораздо более сложен. Его можно понять более или менее целостно — от минимального усвоения до полного раскрытия замысла автора. Результат, получаемый читателем, обычно зависит от его активности при участии в данном процессе, а также от умения прилагать определенные умственные усилия.

Теперь мы можем определить второй критерий оценки способности к чтению. Один человек может прочесть какую-либо книгу лучше другого, во-первых, за счет большей активности и, во-вторых, успешнее выполняя все необходимые для этого действия. Эти качества взаимосвязаны. Чтение — не менее сложная деятельность, чем написание. Оно состоит из множества отдельных шагов, каждый из которых необходимо сделать при качественном прочтении. Следовательно, лучше читает тот, кто способен шагать активнее.

- 4 -

Фактически я еще не рассказал вам, что такое качественное и некачественное чтение, обозначив различия этих понятий достаточно размыто, в общих чертах. На данный момент мне больше нечего добавить. Ведь сначала вы должны узнать правила качественного чтения — только тогда станет понятно, из чего оно складывается.

Я не могу забежать вперед и дать четкое и подробное описание того, что вы — искренне надеюсь —

поймете ближе к концу книги. Хотя и тогда могут остаться некоторые вопросы. Недостаточно прочесть книгу об игре в теннис, чтобы освоить все нюансы этой игры. Прочитав только описание, вы никогда не почувствуете разницу между лучшей и худшей игрой. Правила чтения тоже необходимо применять на практике до полного понимания, когда вы будете в состоянии компетентно судить о своих успехах и достижениях окружающих.

И все же у меня есть один способ помочь вам почувствовать, что такое чтение. Предлагаю задуматься о различии всех известных нам типов чтения.

Такой способ говорить о чтении однажды оказался для меня жизненной необходимостью. Я читал лекцию на тему образования перед аудиторией, состоявшей из трех тысяч школьных учителей. Я говорил о плачевной ситуации в сфере образования, когда студенты колледжей не умеют читать и с этим ничего нельзя сделать. По выражению лиц слушателей было видно, что они не понимают меня. Разве они не учат детей читать? Фактически это происходит еще в младшей школе. Почему же я призываю их все четыре года учебы в колледже обучать детей чтению великих книг?

Их недоверие и растущее недовольство побудило меня пойти дальше. Я сказал, что читать не умеет большинство людей, в том числе и многие знакомые мне профессора университетов, а возможно, и моя аудитория. Такое преувеличение лишь усугубило недовольство моих слушателей. Они-то знали, что умеют читать, и делали это каждый день. Что за бред несет этот идиот на кафедре? Именно тогда я внезапно понял, как

внятно объяснить свою мысль. Для этого нужно было выделить два вида чтения.

Пояснение звучало примерно так. Есть книга, сказал я, и есть ваш разум. Книга состоит из текста, написанного кем-то, с целью передать вам какое-то определенное содержание. Ваша успешность в чтении определяется тем, насколько точно и глубоко вы поняли то, что именно автор хотел сообщить людям.

Листая страницы, вы или полностью понимаете замысел автора, или нет. Если да, возможно, вы получаете верную информацию, но не станете расширять границы понимания. Если же при беглом знакомстве книга полностью понятна, скорее всего, вы с автором мыслите одинаково. Буквы на страницах передают ваши общие взгляды.

Рассмотрим второй вариант. Вы не добились *идеального понимания сразу*. Давайте даже предположим — хотя, к несчастью, так бывает не всегда, — что вы осознаете границы своего понимания. Вы знаете, что не все уловили в данной книге, а значит, она еще может помочь вам понять что-то новое.

Как же поступить в этом случае? Вариантов много. Можно отдать книгу тому, кто, на ваш взгляд, умеет читать лучше, и попросить его объяснить сложные пассажи. Или попросить, чтобы он порекомендовал вам учебник или статью, где объясняется замысел автора. Или, как делают многие студенты, решить, что не стоит прыгать выше головы и удовлетвориться полученным результатом, убедив себя, что все остальное не имеет значения. В каждом из этих случаев вы не выполняете необходимую работу с этой книгой.

Ее можно выполнить лишь одним способом. Без посторонней помощи вы беретесь за книгу и упорно работаете над ней. Опираясь только на собственные умственные способности, вы изучаете текст таким образом, чтобы постепенно переходить от непонимания к пониманию. Такой переход, достигнутый путем умственной работы над книгой, называется чтением — таким видом чтения, который демонстрирует ваши способности к пониманию.

Итак, я примерно описал, что под словом «чтение» подразумеваю процесс, при котором разум человека без посторонней помощи, опираясь только на читаемые символы, преодолевает новые высоты исключительно в результате собственных усилий. Разум проходит тернистый путь от меньшего понимания к большему. Прилагаемые для этого усилия — суть различные действия, из которых складывается искусство чтения. «Сколько таких действий вы знаете? — спросил я тогда у трех тысяч учителей. — Что бы вы сделали, если бы ваша жизнь зависела от способности понять текст, который при первом прочтении оставил вас в легком недоумении?»

Выражение их лиц полностью изменилось. Они откровенно ответили, что не имеют ответа на такой вопрос, и согласились с тем, что искусство чтения существует и некоторые люди им прекрасно владеют. Конечно, не всякое чтение представляет собой процесс, описанный выше. Мы довольно много читаем, не поднимаясь над собой, не выходя за рамки своего уровня, — просто ради новой информации или легкого развлечения. Мы отказываем своему уму в работе и развитии. Так что в нашей жизни сосуществуют разные виды чтения: для информации, для развлечения и для

понимания. Может показаться, что разница заключается только в цели чтения. Отчасти это верно. Но кроме этого причина кроется в разных текстах и способах чтения. Невозможно получать информацию из комикса или развивать интеллект, читая календарь. Все тексты имеют разную ценность, а потому нужно относиться к ним с учетом данного фактора. Каждую из потребностей надо удовлетворять, обращаясь к соответствующим текстам. Более того, важно понимать пути достижения своих целей и уметь читать каждый текст по-своему.

Оставим на время чтение для развлечения и рассмотрим два основных вида чтения — ради информации и ради понимания. Думаю, вы легко заметите их корреляцию с умением читать в целом. Более слабый читатель обычно способен только на первый способ чтения: ради информации. Более сильный, несомненно, способен на большее. Он в состоянии понять новую информацию, а не только усвоить ее. Переход от непонимания к пониманию с помощью собственного умственного усилия при чтении напоминает процесс вытягивания себя за косичку из болота. Это титанический труд. Безусловно, мы можем назвать его более активным чтением, которое предполагает не только принципиально другой уровень деятельности и мастерства в реализации различного рода задач. Очевидно также, что тексты повышенной сложности, доступные более сильному читателю, в первую очередь заслуживают и требуют именно такого способа чтения.

И наоборот, тексты, которые можно понять без особых усилий, например, газеты или журналы, требуют от нас минимального уровня чтения. Искусство здесь не востребовано, поскольку подобные тексты можно читать

относительно пассивно. Каждый человек, умеющий читать, найдет для себя материалы такого рода по собственному вкусу. То, что одному дается без усилий, может требовать серьезной работы от другого. Предел возможностей каждого человека зависит от приобретенного им мастерства и связан с врожденными способностями.

Однако наша цель состоит не в том, чтобы сортировать читателей по врожденным качествам на сильных и слабых. Моя идея такова — для каждого из нас существуют два вида текстов. Первые читаются без усилий, для получения информации, поскольку не содержат ничего такого, что нельзя понять немедленно. Вторые поначалу не усваиваются полностью и требуют дополнительных усилий для их понимания. Безусловно, текст может быть совершенно недоступен для понимания. Но узнать это можно только на личном опыте, для чего придется развить навык чтения, то есть умение прилагать усилия.

- 5 -

Большинству из нас не известны границы собственного понимания. Мы никогда не испытывали свои способности в полной мере. Я искренне убежден, что *почти все великие книги из любой области человеческой мысли доступны для понимания каждому, кто наделен обычными умственными способностями.* Конечно, при условии, что они овладели мастерством, необходимым для их прочтения, и прилагают соответствующие усилия. Безусловно, более одаренные

от рождения раньше достигнут цели, но «непроворным достается успешный бег».

При этом следует учитывать некоторые нюансы. Вы можете неверно судить о результатах своего процесса чтения, полагая, что поняли книгу, и довольствоваться приобретенным без усилий, тогда как на самом деле от вас многое ускользнуло. Первый принцип осознанной практики проверен временем: мудрость начинается с признания собственного невежества. Чтение как сознательное стремление понять начинается с чуткого отношения к тому, насколько понятна вам та или иная фраза.

Я вижу, что многие студенты читают сложные книги, как спортивные новости. Иногда в начале занятия я спрашиваю, полностью ли понятен им тот или иной текст. Ответом всегда становится снисходительное молчание. Но проходит два часа — и они не могут ответить ни на один простейший вопрос о книге, после чего с искренним недоумением признают собственные пробелы в понимании данного текста. Они-то искренне считали, что прочли его. Конечно, прочли, но не тем способом.

Если бы они позволили себе недоумевать *в процессе* чтения, а не по окончании, если бы начали подчеркивать непонятные места, а не выбрасывать их тут же из головы, быть может, им стало бы ясно, что эта книга не входит в их обычный «рацион».

Теперь пора подвести итог и четко обозначить различие двух типов чтения, поскольку граница между текстами, требующими разных способов чтения, часто бывает размыта. Мы постараемся использовать слово

«чтение» в разных значениях до тех пор, пока можно будет различать эти два типа постижения текста.

Первое значение мы используем, когда говорим о чтении газет, журналов и прочих материалов, которые, в зависимости от нашего умения и способностей, осваиваются нами без каких-либо усилий. Подобные тексты могут пополнять багаж знаний, но не расширяют границы нашего понимания. Иначе мы при определенной степени чуткости и искренности испытали бы огромное недоумение и смущение от прикосновения к глубинам собственного разума.

Второе значение я сформулировал бы как необходимость читать текст, который на первый взгляд не вполне понятен. В данном случае материал для чтения поначалу превосходит уровень читателя. Автор сообщает нечто способное расширить границы его понимания. Такое взаимодействие должно быть реально, иначе ни один человек не сможет учиться у другого, устно или письменно. Под словом «учиться» я подразумеваю «понимать больше», а не запоминать новую информацию, которая по сложности не отличается от уже имеющейся в нашем багаже.

Получение новой информации при чтении — процесс несложный, если, как я уже говорил, новые факты относятся к тому же уровню доступности, что и ранее известные нам. Человек, который знает какие-то моменты американской истории и понимает их в определенном свете, читая первым способом, легко может выучить новые факты и понять их смысл по аналогии с уже знакомыми сведениями. Представим, что он будет читать исторические материалы, цель которых — не изложение фактов, а их рассмотрение в новом,

более глубоком свете. Представим также, что данный текст предполагает более глубокое понимание, чем то, что доступно человеку перед началом чтения. Если он сможет достичь такого понимания, то мы расценим это как применение второго способа чтения. А сам читатель буквально вырастет в собственных глазах благодаря предпринятым усилиям. Конечно, косвенно этому поспособствует и сам автор, у которого можно чему-то научиться.

Каковы же условия для чтения таким способом? Их всего два. Во-первых, изначальное неравенство в глубине понимания текста. Автор превосходит читателя, и его книга должна в доступном для чтения виде передавать то понимание, которого он уже достиг, а его потенциальные читатели — еще нет. Во-вторых, читатель должен уметь преодолевать это неравенство, частично ли даже полностью приближаясь к уровню автора. При достижении этого уровня сообщение понимается идеально.

Одним словом, учиться можно только у тех, кто нас превосходит. Главное — знать, кто твои учителя и как у них учиться. Человек, имеющий ответ на этот вопрос, овладел искусством чтения в том смысле, который мне особенно важен. Вероятно, у каждого есть определенная способность к такому чтению. Все мы получаем тем больше, чем более ценен материал, к пониманию которого мы прилагаем усилия.

Глава третья. Чтение — это учеба

Одно из правил чтения, как вы уже видели, — это умение выделить и истолковать ключевые слова в книге. С ним связано еще одно важное правило: способность находить ключевые предложения и понимать их смысл.

Слова «чтение — это учеба» составляют предложение. Очевидно, что оно важно для нашего обсуждения. Я бы даже сказал, что на данный момент наиболее важно. Оно определяется весомостью слов, из которых состоит. К тому же эти слова имеют множество значений, что мы уже видели на примере слова «чтение». Разные значения имеет и слово «учеба», а маленькое слово «это» — настоящий чемпион по многозначности. Выходит, что данное предложение нельзя сразу опровергнуть или подтвердить. Оно имеет целый ряд смыслов, одни из которых могут быть истинными, а другие — ложными. Узнав, в каком значении я употребил каждое из этих слов, вы поймете мысль, которую я намерен передать. Тогда и только тогда вы сможете согласиться или начать спорить со мной.

Зная, что мы не рассматриваем процесс развлекательного чтения, вы вправе упрекнуть меня в неточности формулировки. Но я же не сказал «определенное чтение — это учеба». Да вы и сами скоро научитесь чувствовать эту разницу. Слово «определенное» я опустил благодаря *контексту*. Из него уже следовало, что чтение для развлечения нас не интересует.

Чтобы истолковать данное предложение, нужно сначала задаться вопросом: что такое учеба? Безусловно,

мы не сможем обсуждать это достаточно подробно, но способны привести примерное общеизвестное описание: учеба — это приобретение знаний. Не захлопывайте книгу — я не собираюсь давать определение знанию. Если я попробую это сделать, мы окажемся погребены под завалами других слов, которые тоже придется объяснять. Для наших целей хватит и обычного понимания слова «знание». У вас есть знания. Вы знаете, что вы знаете и что именно знаете. Вам известна разница между «знать» и «не знать».

Если бы пришлось рассматривать природу знания с философской точки зрения, вы бы зашли в тупик, как и множество философов. Оставим в стороне подобные вопросы и будем считать, что примерно одинаково понимаем слово «знание». Тем не менее можно возразить, что при этом фраза «учеба — это приобретение знаний» имеет и другие подводные камни. Мы учимся играть в теннис или готовить. Игра в теннис и готовка — это не знания. Это виды деятельности, требующие определенного мастерства.

Подобное возражение резонно. Хотя любое мастерство подразумевает знание, для овладения мастерством одного знания недостаточно. Мастер не только *знает*, но и *умеет делать* то, что другой человек не умеет вообще или выполняет хуже. Это всем известное различие, которое мы проводим между знанием *как что-то делать* и знанием *чего-то*. Можно учиться *что-то делать* и изучать *что-то*. Вы уже сталкивались с этим различием, когда осознали необходимость научиться читать и учиться далее при помощи чтения.

Таким образом, мы ограничили сферу употребления слова «чтение». Чтение — это учеба только в смысле приобретения знаний, но не мастерства. Нельзя научиться читать в процессе чтения этой книги. В данном случае речь идет только об изучении природы чтения и правил этого искусства. Моя книга способна помочь в закреплении навыка, чего явно недостаточно. Нужно еще научиться соблюдать все правила и постоянно практиковаться в чтении. Только таким образом можно овладеть настоящим мастерством — тем, что выходит за пределы знаний, изложенных в любой книге.

- 2 -

Пока все хорошо. Но теперь мы должны рассмотреть различия между чтением ради информации и чтением ради понимания. В предыдущей главе я говорил о том, насколько активнее второй вид чтения и каковы при этом ощущения читателя. Теперь необходимо понять, что мы получаем при каждом виде чтения. Информация и понимание в каком-то смысле относятся к знаниям. Получение информации — это учеба, так же как и осмысливание чего-то нового. В чем же разница?

Иметь информацию — значит знать некий факт. Понимать — значит осознавать дополнительные нюансы: почему так бывает, какова связь с другими фактами, чем они отличаются, в чем совпадают и так далее.

Многим из нас подобные различия знакомы: примерно так же умение запоминать отличается от умения объяснять. Запомнив сказанное автором, вы выучили что-то в процессе чтения. Если его слова правдивы — вы узнали о мире что-то новое. Это знание

может касаться либо данной книги, либо всего мира в целом. Вне зависимости от этого, если вы задействовали только собственную память, вы не сможете получить ничего, кроме информации, поскольку не сделали никакого открытия. Открытие происходит, когда вы помимо слов автора узнаете, что именно он имел в виду и почему сказал так, а не иначе.

Приведу простой пример. История, о которой я собираюсь рассказать, произошла на одном из моих занятий. Мы читали трактат Фомы Аквинского о страстях, но подобное случалось множество раз с самым разнообразным материалом. Я спросил одного из студентов, что говорил святой Фома о страстях. Тот совершенно верно ответил, что святой Фома считал любовь первичной страстью, а остальные чувства — перечисленные студентом совершенно правильно — следовали за ней в определенном порядке. Я спросил, что это значит. Студент был обескуражен. Разве он неправильно ответил на мой вопрос? Конечно, правильно, сказал я, но необходимо объяснить смысл. Недостаточно просто добросовестно пересказать слова Фомы Аквинского — мне нужно было знать, что именно автор имел в виду. Студент снова попытался ответить, но ничего не вышло — он повторил то же самое, немного изменив порядок слов. Вскоре стадо очевидно, что он не понимает, о чем говорит, хотя его ответ заслужил бы хорошую оценку на любом экзамене, не предполагающем каверзных вопросов о смысле.

Я постарался ему помочь и спросил, в каком смысле любовь первична — не в том ли, что из нее проистекают все прочие чувства? Каким образом от любви зависят ненависть и гнев, надежда и страх? Как связаны с любовью радость и горе? Что такое любовь? Голод или

жажда — это любовь? Или же любовь — это лишь то прекрасное чувство, которое правит миром? Тяга к деньгам и славе, знаниям и счастьем — любовь ли это?

В том случае, когда студент мог ответить на эти вопросы словами Фомы Аквинского, он так и поступал. Если его пересказ был неточен, на помощь приходили его однокурсники.

Я попробовал зайти с другой стороны. Извинившись, я попросил их вспомнить о собственном эмоциональном опыте. Судя по возрасту, они уже вполне могли пережить какие-то страсти. Приходилось ли им ненавидеть, была ли ненависть связана с любовью к этому человеку? Или ее провоцировал кто-то другой? Случалось ли им испытывать ту неповторимую гамму чувств, когда одно ощущение незримо перетекает в другое? Студенты отвечали весьма расплывчато, но не от смущения или недовольства, а потому что абсолютно не привыкли изучать свой эмоциональный опыт подобным образом. Они явно не проводили никаких параллелей между страстями святого Фомы и собственным опытом. Для них это были совершенно разные вещи.

Именно тогда стало ясно, почему они абсолютно не поняли прочитанный текст. Они восприняли его исключительно на уровне слов, которые запомнили и смогли повторить в ответ на мои вопросы. Так они поступали и с другими предметами, а я просто слишком много от них хотел.

Тем не менее я продолжал настаивать. Если им сложно понять Фому Аквинского в свете собственного опыта, не поможет ли опыт, заимствованный из романов? Художественную литературу они читали. Некоторые из них читали даже великие романы. Встречались ли там

упоминания тех или иных страстей? Они были разными? Как они были связаны между собой? Студенты все так же «плавали». Их ответы состояли из поверхностного пересказа сюжетов. Увы, прочитанные романы они поняли не лучше, чем Фому Аквинского.

Наконец я спросил, какие еще предметы они изучают? Где еще они в ходе занятий могут обсуждать страсти и чувства? Как оказалось, большинством студентов был освоен элементарный курс психологии, а двое из них даже слышали о Фрейде и, возможно, что-то о нем читали. Обнаружив то, что они не установили связь между физиологией эмоций, по которой наверняка сдали экзамены, и описанием страстей Фомы Аквинского, как и то, что они не уловили совпадение позиций святого Фомы и Фрейда, я понял истинную причину своего недовольства.

Эти студенты учились на разных курсах колледжа. Они умели читать только в первом значении этого слова. Долгие годы в школе они читали только ради информации, которую нужно было получить, чтобы успешно написать контрольные работы и сдать экзамены. Они никогда не пытались связать истинный смысл книги с собственным опытом.

Разве знали они, что книги существуют не только для того, чтобы запоминать их содержание? Увы, нет. Разве подозревали они о своей несостоятельности, пока не пришли в мой класс? Тоже нет. Они старательно подготовились к занятию и искренне полагали, что сделали это хорошо. Им даже не пришло в голову, что кто-то может поинтересоваться пониманием прочитанного. Я понял проблему — мы начали усиленно заниматься. Но даже в конце курса мои студенты, к

сожалению, оставались беспомощными. В лучшем случае они осознали, что весьма плохо понимают прочитанное, но ничего не смогли с этим сделать. Сейчас, на завершающей стадии обучения, они оказались абсолютно неподготовленными к чтению ради понимания.

- 3 -

Читая ради информации, мы ищем факты. Читая ради понимания, мы узнаем не только факты, но и их смысл. Каждый способ чтения имеет свои достоинства, но только при условии его адекватного использования. Если автор понимает не больше нас или в определенной части текста не утруждает себя объяснением, мы можем получить от него разве что информацию. Но если он постиг нечто недоступное нам и к тому же постарался передать это в своем тексте, мы многое потеряем, если будем читать этот текст, как газету или журнал.

Книги, которые мы считаем великими или достойными внимания, обычно заслуживают более высокого уровня прочтения. Безусловно, любой текст можно прочесть как ради информации, так и ради понимания. Полезно уметь запоминать слова автора и понимать их смысл. Можно сказать, что получение информации — это предпосылка к пониманию. Я не призываю вас отказаться от информации, но читать великую книгу исключительно ради фактов — это все равно что выкапывать червей авторучкой.

Монтень в своих трудах говорил о «невежестве неграмотного, которое предшествует знанию, и невежестве ученого, которое следует за знанием». Первое — это невежество того, кто не знает алфавита и

не умеет читать. Второе — невежество человека, который неверно прочел огромное количество книг. Как справедливо сказал о них Поуп^[7]:

«Дурак набитый, уйму разных книг
Он проглотил, но ни в одну не вник».

Мы сплошь и рядом встречаем таких грамотных неучей, читающих много и плохо. Греческое слово, означающее подобную смесь учености и глупости, свойственную «пожирателям» книг всех времен, на наш язык переводится и как «недоучка», и как «второкурсник».

Начитанность нередко означает количество, и только иногда — качество чтения. Пессимист и мизантроп Шопенгауэр начал активно выступать против излишнего чтения, когда понял, что в большинстве своем люди читают пассивно и бездумно заглатывают «отравленную» беспорядочную информацию. Бэкон^[8] и Гоббс^[9] разделяли его точку зрения. Так, Бэкон говорил: «Одни книги пробуют на вкус, другие — проглатывают, и лишь немногие — разжевывают и усваивают». Эта общая для многих идея основана на четком разграничении

⁷ Александр Поуп (1688—1744) — английский поэт, известный в числе прочего своим переводом «Илиады» на английский язык.

⁸ Фрэнсис Бэкон (1561—1626) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма.

⁹ Томас Гоббс (1588—1679) — английский философ-материалист.

способов чтения, соответствующих разным видам литературы.

- 4 -

Мы немного продвинулись в понимании фразы «чтение — это учеба». Мы знаем, что в процессе чтения можно кое-чему научиться, приобретя знание, но не навык. Однако будет большой ошибкой считать, что способ чтения, при котором мы получаем информацию или что-то понимаем, идентичен способу обучения, с помощью которого мы приобретаем знания. Это будет равноценно утверждению, будто знания можно получить лишь в результате чтения.

Чтобы избежать этой ошибки, рассмотрим еще одно различие в типах обучения, которое существенно влияет на сам процесс чтения и его отношение к образованию в целом. Если моя мысль вам незнакома или несколько сложна, предлагаю считать следующие страницы испытанием вашей способности читать. Сейчас хороший повод начать активное чтение — выделять ключевые слова, отмечать различия, наблюдать, как расширяется значение исходной фразы.

В истории образования люди всегда четко различали два источника знаний: учебу и открытие. Учеба — это процесс, в ходе которого один человек обучает другого устно или письменно. Но знания можно приобрести и без учителя. Это возможно, иначе каждый учитель должен был бы иметь своего учителя. Но кто же тогда научился первым? Таким образом, должна существовать возможность открытия — узнавания нового

в результате поиска, исследования или размышления, но без участия учителя в этом процессе.

Открытие имеет такое же отношение к учебе, как узнавание нового без помощи учителя к узнаванию нового с его непосредственным участием. В обоих случаях деятельность по изучению берет на себя тот, кто учится. Будет большой ошибкой предполагать, что открытие активно, а обучение пассивно. Ведь пассивное узнавание нового так же невозможно, как и абсолютно пассивное чтение.

Разница между двумя видами узнавания чего-то нового состоит в особенностях материала, над которым работает учащийся. При поддержке учителя он выполняет определенные действия с сообщаемой ему информацией. Он работает со словом, устным или письменным. Он учится путем чтения или слушания. Кстати, обратите внимание на тесную взаимосвязь процессов чтения и слушания. Если не брать в расчет небольшие различия между этими двумя способами коммуникации, можно сказать, что чтение и слушание — это одно и то же искусство учиться. Но когда учащийся двигается вперед самостоятельно, он постигает новое скорее из самой природы, чем из слова — сказанного или написанного. Такое обучение представляет собой чистый акт открытия. Трактую слово «чтение» в широком смысле, можно сказать, что открытие — это искусство чтения природы, а обучение (с учителем) — это искусство чтения книг или (если включать сюда и процесс слушания) искусство учиться благодаря словам.

А как же мышление? Если под словом «мышление» мы подразумеваем использование разума для получения знаний и если возможность приобретения знаний

исчерпывается обучением и открытием, то совершенно очевидно, что мышление всегда сопровождает один из этих видов деятельности. Думать необходимо как в процессе чтения и слушания, так и в процессе исследования. Разумеется, способы мышления отличаются — так же, как и способы обучения.

Многие считают, что использование мышления более свойственно процессам исследования и открытия, чем формату занятий с учителем. Так происходит, потому что чтение и слушание часто относят к пассивным видам деятельности. Вероятно, и в самом деле чтение ради информации не требует такой умственной работы, как исследование или открытие. Это менее активный способ чтения. Но данное утверждение неприменимо к более активному чтению — то есть к усилию понять. Никто из людей, практикующих такой способ чтения, не скажет, что он возможен без мышления.

Вообще мышление — это только одна сторона механизма обучения. Помимо этого необходимо наблюдать, запоминать и создавать в воображении образы того, что не поддается наблюдению. Существует тенденция особо выделять роль этих действий в процессе исследования или открытия, забывая и недооценивая их важность при обучении путем чтения или слушания. Стоит на миг задуматься, и вы поймете, что способности чувствовать и рассуждать подкреплены теми же навыками, которые помогают совершать открытия: пронизательностью, хорошей памятью, богатым воображением и, конечно, разумом, способным к анализу и рефлексии. Хотя в целом эти навыки совпадают, в двух видах обучения они могут использоваться совершенно по-разному.

Я хотел бы еще раз обратить внимание своих читателей на две распространенные ошибки. Первую допускают те, кто пишет или говорит об искусстве мышления так, словно оно существует само по себе. Поскольку механизм мышления всегда напрямую связан с процессами обучения или исследования, напрашивается единственно верный вывод: искусство мышления не может существовать отдельно от искусства чтения и слушания с одной стороны и от искусства открытий — с другой. По аналогии с утверждением, что чтение — это учеба, правильно будет сказать, что чтение — это мышление. Подробно охарактеризовать искусство мышления можно только в контексте детального анализа чтения и исследования.

Вторую ошибку совершают те, кто пишет об искусстве мышления так, словно оно тождественно искусству открытия. Яркий пример такой ошибки, оказавшей колоссальное влияние на всю систему образования в Америке, — это работа Джона Дьюи «Как мы мыслим». Она стала настольной книгой многих тысяч учителей, подготовленных в наших учебных заведениях. Профессор Дьюи рассматривает мышление как процесс, запускающийся исключительно при совершении открытий. Но это лишь один из двух основных способов мышления. Не менее важно понимать, как мы мыслим, когда читаем книгу или слушаем лекцию. Быть может, для учителей это даже важнее, поскольку искусство читать мы можем связать с искусством учиться, так же как искусство писать напрямую связано с искусством читать. Я уверен — тот, кто плохо читает, не может

хорошо писать. Кроме того, очень сомневаюсь, что неумеющий учиться способен учить.

Вероятно, эти ошибки имеют комплексную причину. Отчасти они связаны с ложным предположением, что преподавание и исследование являются активными действиями, а чтение и обучение — исключительно пассивными. Отчасти — с преувеличением роли научного метода, при котором упор делается на исследовании как единственном условии для запуска процесса мышления. Вероятно, было время, когда люди совершали противоположную ошибку, преувеличивая значимость чтения книг и слишком мало внимания уделяя «чтению» природы. Тем не менее нас это не оправдывает. Обе крайности одинаково неприемлемы. В гармоничном образовании следует придавать равное значение обоим типам обучения и соответствующим навыкам. Какой бы ни была причина этих ошибок, результат их воздействия на американское образование очевиден. Возможно, именно они повлекли за собой почти полное пренебрежение осмысленным чтением в школьной системе. Гораздо больше времени уходит на то, чтобы учить человека навыкам самостоятельного обретения знаний. По-моему, нет особой заслуги в том, чтобы тратить время на самостоятельные поиски того, что уже кто-то открыл. Лучше сберечь мастерство для исследования неизведанного и оттачивать его, перенимая опыт и знания у тех, кто уже владеет и готов делиться ими.

Невероятно много времени тратится впустую на лабораторные занятия. Как правило, присутствие огромного количества лабораторных работ в учебных планах оправдывают тем, что они якобы учат мыслить. Это верно, но учат они лишь одному способу мышления.

Любой всесторонне образованный человек, даже профессиональный исследователь с научной степенью, должен уметь учиться по книгам. Человечество — поколение за поколением — не должно осваивать всю мудрость мира и учить все с нуля. По сути, это невозможно и бессмысленно. И данный процесс напрямую коррелирует с навыками чтения. Если не развивать мастерство чтения, что как раз и наблюдается сегодня в американском образовании, читать будут все реже. Можно приобретать новые знания, общаясь с природой — она всегда будет отвечать на вопросы человека, — но нет смысла разговаривать с предками, не научившись слушать.

Вы скажете, что разница между чтением книг и «чтением» природы невелика. Однако следует помнить, что проявления природы — это не символы, которые транслируют что-то от имени другого человека, и не слова, которые можно прочесть или услышать. И не забывайте: когда мы стремимся учиться непосредственно у природы, наша главная цель состоит в том, чтобы понять мир, в котором мы живем. *Мы не соглашаемся и не спорим с природой*, как в случае с книгами.

Когда мы стремимся учиться по книгам, наша главная цель остается такой же. Но в этом случае мы должны сначала убедиться, что правильно поняли, о чем говорится в той или иной книге. Только тогда мы можем согласиться или не согласиться с автором. Процесс понимания природы непосредственно отличается от понимания книги путем интерпретации. Критичность необходима только в последнем случае.

До сих пор я исходил из того, что чтение и слушание можно считать обучением у кого-то. В некоторой степени это верно, поскольку они являются теми способами обучения, для которых необходимо уметь учиться у другого человека. Прослушивание курса лекций во многом похоже на чтение книги. Большинство правил, которые я сформулирую относительно чтения книг, применимы и к прослушиванию лекций. И все же есть причина затеять дискуссию об искусстве чтения или хотя бы отвести чтению ведущую роль, а прочие виды деятельности счесть второстепенными. Дело в том, что слушание — это обучение с живым учителем, а чтение — обучение с человеком, которого физически нет рядом с вами: он либо уже покинул этот мир, либо просто находится далеко от вас.

Если вы зададите вопрос живому учителю, вероятно, он вам ответит. Если вы не поймете полученный ответ, у вас останется шанс попросить объяснений вместо долгих обдумываний. Задавая подобный вопрос книге, вы должны будете ответить на него самостоятельно. В этом отношении книга сродни природе. Когда вы с ней заговорите, она ответит ровно настолько, насколько вы сами способны к мышлению и анализу.

Конечно, я не утверждаю, что ответ учителя избавит вас от дальнейшей работы. Так бывает только с простыми вопросами о конкретных фактах. Но ожидая объяснений, вы получаете их лишь в том случае, если поняли ответ. Тем не менее, когда учитель присутствует

рядом, у вас есть шанс понять его, в отличие от ситуации, когда слова учителя содержатся в книге.

Однако надо помнить, что книги тоже можно читать под руководством учителей. Таким образом, следует более детально рассмотреть отношение между книгами и учителями — и между способами обучения по книгам и с помощью учителей. Это тема следующей главы. Она рассчитана прежде всего на тех, кто еще учится, но будет актуальна и для всех остальных, поскольку продолжение образования зависит исключительно от книг, и нам следует знать, как по ним учиться. Возможно, нам даже повезло, что рядом больше нет учителей.

Глава четвертая. Учителя: одушевленные и неодушевленные

- 1 -

Можно учиться, слушая лекцию, а можно — читая книгу. Поэтому сейчас мы поговорим о книгах и учителях, чтобы расширить представление о чтении как о полноценном обучении.

Преподавание, как мы уже убедились, — это процесс, в котором один человек учится у другого посредством коммуникации. Таким образом, *преподавание* следует отличать от *открытия*, когда человек узнает нечто самостоятельно, наблюдая и размышляя, а не получая информацию от кого-то со стороны. Разумеется, в жизни оба способа обучения тесно взаимосвязаны. Люди помогают друг другу, в том числе и в получении знаний. Тем не менее, если очень постараться, всегда можно вспомнить, как получено

конкретное знание — от другого человека или самостоятельно.

Мы помним, как именно научились чему-либо — по книге или у учителя. Из самого слова «научиться» следует, что книгу, из которой мы что-то узнали, тоже можно причислить к категории учителей. Таким образом, следует различать учителей пишущих и говорящих — тех, кого мы читаем, и тех, кого слушаем.

Для удобства я буду называть говорящего учителя одушевленным. Это человек, с которым мы находимся в личном контакте. Книги же назовем неодушевленными учителями. Обратите внимание: я не утверждаю, что автора книги уже нет среди живых. Он может быть вполне бодрым и одушевленным преподавателем, который не только ведет лекции, но и заставляет читать свои книги.

Неважно, жив ли автор. Книга — это неодушевленный предмет. Она не может с нами заговорить или ответить на вопрос. Она не развивается и не меняет свое мнение. Она что-то сообщает, но с ней невозможно общаться так, как иногда это получается с одушевленными учителями. Редкие случаи, когда удается поговорить с автором книги, помогают осознать, чего мы лишены, если автора нет в живых или с ним утеряна связь.

- 2 -

Какова же роль одушевленного учителя в нашем образовании? Он может оказать бесценную помощь в приобретении множества конкретных навыков: вырезать бумажные вертушки в детском саду, складывать буквы в

слова в младших классах, писать и читать, умножать и делить, готовить и шить, делать табуреты, в конце концов. Одушевленный учитель помогает совершенствоваться в любом искусстве, даже в искусстве саморазвития, проведения опытов или чтения. При этом обычно используется не только речь. Учитель указывает и показывает, что именно нужно делать, и иногда помогает выполнять нужные действия. Без сомнения, в таких вопросах одушевленный учитель гораздо эффективнее. Ведь даже самый эффективный самоучитель не сможет отвести вас за руку к цели или сказать в нужный момент: «Не делай так. Делай вот так!»

Таким образом, выясняется следующее. Одушевленный учитель лишь способствует нашим собственным открытиям. Он не может сам дать все необходимые знания, ведь тогда это уже не будет открытием. Такой учитель с готовностью приведет нас к точке, с которой совершаются открытия, то есть расскажет, как правильно исследовать, наблюдать и мыслить в процессе поиска. А еще он поможет освоить все эти действия. В целом, конечно, данный метод — прерогатива авторов наподобие Дьюи с его книгой «Как мы мыслим» и тех, кто стремится научить всех действовать по своим правилам.

Поскольку нас прежде всего интересует чтение — и другие способы обучения с преподавателем, — будет правильно ограничить тему дискуссии ролью учителя, состоящей в том, чтобы передавать знания или помогать нам их получать от кого-то. Поэтому пока мы будем считать одушевленного учителя источником знаний, а не наставником, который помогает учиться что-то делать.

В качестве источника знаний одушевленный учитель конкурирует или сотрудничает с нашими неодушевленными учителями — то есть с книгами. Говоря о конкуренции, я имею в виду, что многие преподаватели рассказывают студентам на лекциях о том, чему можно научиться по книгам, которые они сами прочли перед выходом к аудитории. Сотрудничеством я называю ситуацию, когда реальный преподаватель каким-то образом делит функции учителя между собой и книгами: часть материала он рассказывает студентам, как правило, добавляя к содержанию своей лекции знания, почерпнутые в книгах, а остальное предлагает учить по книгам.

Если бы это была единственная функция одушевленного учителя по передаче знания, то все, чему учат в школе, можно было бы освоить за ее пределами и без помощи учителей. Но прочесть самому всегда сложнее, чем услышать чей-то пересказ. Возможно, пришлось бы читать больше книг, если бы учиться можно было только по ним. Тем не менее, если одушевленный учитель может передать только те знания, которые получил из книг, вы способны получить их сами, непосредственно с помощью чтения. И усвоите вы их на том же уровне, если читаете не хуже.

Подозреваю, что чтение поможет вам больше, если вы ищете понимание, а не информацию. Да, многие из нас подвержены пороку пассивного чтения, но большинство людей не менее пассивно реагируют на лекции. Есть удачная шутка, что на лекции записи преподавателя становятся конспектом студента, минуя сознание обоих.

Как правило, конспектирование — это не активное усвоение материала, а почти автоматическая запись сказанного. Привычка к нему тем чаще становится суррогатом учебы и мышления, чем дольше человек получает образование в учебных заведениях. Хуже всего обстоят дела на юридических и медицинских факультетах, а также в аспирантурах. Спрашивается, как можно отличить студента от аспиранта? Если, войдя в аудиторию, вы скажете «Доброе утро», студенты ответят вам, а аспиранты законспектируют ваши слова.

Одушевленный учитель выполняет еще две функции, связанные с книгами. Первая — это *повторение*. Все мы помним свой школьный опыт, когда учитель рассказывал в классе то же самое, что потом задавал прочесть в учебнике, написанном им самим или его коллегами. Каюсь, я тоже так поступал. Помню, как я вел свой первый курс. Это были основы психологии. К курсу прилагался учебник. Экзамен по этому курсу предполагал, что студент должен выучить только то, что сказано в учебнике. Единственной моей задачей как преподавателя было помочь учебнику выполнить эту нехитрую функцию. На своих лекциях я частично задавал вопросы из числа тех, которые могут встретиться на экзамене, и, кроме того, читал лекции, пересказывая главы из книги своими словами.

Изредка я пытался что-то объяснить, но если студент прочел и усвоил учебник, то он мог понять эту мысль самостоятельно. Если он не умел так читать, то, скорее всего, мое объяснение не могло ему помочь.

Большинство студентов проходили этот курс ради оценки, а не ради собственной пользы. Поскольку на экзамене проверялось не понимание, а запоминание, они

считали мои объяснения пустой тратой времени и чистым самолюбованием. Не знаю, почему студенты продолжали ходить на эти занятия. Если бы они прочли учебник, как спортивные новости, с тем же вниманием к подробностям, то сдали бы экзамен, не тратя время на мои нудные лекции.

- 3 -

Последнюю функцию сложно сформулировать. Возможно, я назову ее «функция оригинального сообщения». Представьте себе одушевленного учителя, который знает нечто, чего не найдешь в книгах. Это должно быть то, что он открыл сам и еще нигде не опубликовал. Так бывает редко. Сегодня это чаще всего происходит в области специальных стипендий или научных исследований. Иногда аспирантура включает в программу обучения курс лекций, которые содержат что-то оригинальное. Если вам не повезло и вы пропустили такие лекции, можно утешиться тем, что вскоре этот материал будет непременно опубликован.

В наши дни книгопечатание стало рутинным и привычным делом, так что вряд ли новые оригинальные идеи будут утрачены, если их никто не услышит во время лекций. Тем не менее до Вильяма Кэкстона^[10] одушевленный учитель выполнял эту функцию чаще. Именно поэтому в Средние века студенты могли пересечь всю Европу только ради того, чтобы услышать знаменитого учителя. Если углубиться в историю европейского образования, то можно вспомнить время,

¹⁰ Английский первопечатник XV века.

когда знание еще не сформировалось и — соответственно — не возникла традиция изучения опыта, который текущее поколение получало у предшествующего и передавало следующему. Тогда, безусловно, учитель был в первую очередь носителем знания, а во вторую — его транслятором. То есть должен был совершить собственное открытие, перед тем как учить других.

Сегодняшняя ситуация представляет собой другую крайность. Одушевленный учитель — это в первую очередь тот, кто учит, а не делает открытия. Большинство своих знаний он получил от других учителей, одушевленных и неодушевленных. Таков обобщенный портрет среднестатистического учителя, который чаще всего не способен быть автором оригинального сообщения. Поэтому он повторяет или перенимает знания учителей, уже покинувших этот мир. В любом случае его студенты могут легко научиться всему, что он знает, читая те же книги.

Что касается передачи знаний, единственное оправдание одушевленного учителя звучит очень практично — плоть слаба, и человек выбирает самый легкий путь. Весь багаж лекций, заданий и экзаменов — это наиболее надежный и продуктивный способ передачи определенного объема информации и даже некоторого уровня понимания подрастающему поколению. Но обучив школьников хорошо читать, мы все равно вряд ли сможем доверить им весь труд чтения для самостоятельной учебы.

Самоучка — столь же редкое явление, как и человек, разбогатевший с нуля. Большинство людей не получают настоящего образования и не зарабатывают

состояние только своими силами. Но такие люди существуют, а значит, это в принципе возможно. Редкость подобных случаев указывает на исключительные качества этих людей — выдержку и внутреннюю дисциплину, терпение и упорство. В этом смысле знания напоминают богатство: большинству из нас нужно скормить с ложечки даже крохи.

Эти факты и их последствия для системы образования не отменяют главного. То, что верно для реальных учителей, так же верно и для всех учебников, задачников или программ. Все они содержат не более чем повторение, компиляцию и краткий пересказ того, что можно найти в других книгах, нередко даже в книгах одного уровня.

Тем не менее есть одно исключение. Назовем одушевленных учителей, которые являются авторами оригинальных идей, главными учителями. Их всегда мало, хотя среди ныне живущих преподавателей есть и главные, и самые обычные. Значит, подобное разделение применимо и к разговору о неодушевленных учителях. Ведь книги тоже бывают главными и второстепенными.

Главными книгами я считаю те, в которых содержатся оригинальные идеи. Конечно, они не всегда стопроцентно оригинальны. Напротив, абсолютная оригинальность нереальна и порочна. Она реальна только в гипотетический момент зарождения культурной традиции. И по определению порочна, потому что не следует открывать самостоятельно то, чему можно научиться у других. Лучшая оригинальность — та, которая добавляет что-то важное в фонд знаний, созданный традицией обучения. Незнание или отрицание

традиции может привести к ложной или пустой оригинальности.

Великие книги во всех областях знаний в определенном смысле всегда оригинальны. Обычно их называют классикой, но в понимании большинства людей это слово имеет неверную и отталкивающую коннотацию — неверную из-за намека на древность и отталкивающую из-за предполагаемой нечитабельности. Великие книги создавались и создаются — вчера и сегодня. Неправда, что их трудно читать. Напротив, это самые читаемые книги — и они более других заслуживают внимания.

- 4 -

Все, о чем я писал выше, возможно, не приведет вас к тем полкам книжных магазинов, где хранятся великие книги. На самом деле о критериях отбора таких книг я расскажу гораздо позже (в шестнадцатой главе, если быть точным). Казалось бы, логичнее посоветовать, что читать, а уже потом — как читать, но я считаю более разумным изначальное объяснение требований к процессу чтения. Пока человек не научится внимательно читать, критерии оценки книг, пусть даже самые надежные, с большой вероятностью будут использоваться как правила, подлежащие слепому исполнению. Только прочитав по-настоящему несколько великих книг, вы интуитивно почувствуете те идеальные стандарты, которые станут эталоном суждений о других книгах. Если вам не терпится узнать названия книг, которые наиболее компетентные читатели считают великими, можете перейти к списку в [Приложении 1](#) к этой книге. Но я бы посоветовал набраться терпения и

для начала уделить должное внимание шестнадцатой главе.

Пока что о великих книгах я могу сказать только то, что они хорошо читаются. Но не объясню, почему их следует читать. У этих книг есть нечто общее с популярной литературой, так как в основном они предназначены для обычных читателей, а не для ученых. Они напоминают учебники, поскольку ориентированы на новичков, а не на специалистов. Вы увидите сами, что это тоже необходимо. Такие книги несут оригинальную мысль, они должны быть обращены к аудитории, которая начинает с нуля. Единственное предварительное условие для прочтения великой книги — это другая великая книга, по которой, возможно, учился сам преподаватель.

В отличие от учебников и популярной литературы великие книги адресованы аудитории, умеющей качественно читать, что является основным требованием. Возможно, именно из-за этого в наши дни их так мало читают. Великие книги содержат новые мысли, а не выжимки или повторения. Более того, в них эти мысли не разжевываются. Такие книги говорят нам: «Вот знания, которые стоит иметь. Приди и возьми их».

Распространение учебников и лекционных курсов в современной системе образования — это верный признак деградации нашей грамотности. Есть грустная, но верная шутка, которая гласит: те, кто не умеет учить, учат учителей. Но еще более верным является наблюдение, согласно которому учителя, не способные помочь ученикам читать великие книги, пишут для них учебники или пользуются учебниками своих коллег. Учебник в данном случае можно назвать педагогическим изобретением, позволяющим «вложить» что-то в головы

тех, кто не умеет активно черпать знания из книг. Это определение применимо и к стандартной лекции. Если учителя не знают, как читать книги *совместно со студентами*, они *вместо этого* вынуждены читать им лекции.

Учебники и всевозможная популярная литература написаны для тех, кто не умеет читать или пользуется этим навыком только ради получения информации. Как неодушевленные учителя, они близки к своим реальным второстепенным авторам. Любой второстепенный учитель стремится передать знание ученику, не требуя от него какой-либо серьезной вдумчивой работы. Этот способ преподавания не предполагает умения учиться и представляет собой беспорядочное пичканье знаниями вместо того, чтобы помочь их качественному усвоению. Успех такого метода измеряется способностью впитывать, как губка.

Наша главная цель — понимание, а не информация, которая, впрочем, тоже является очень важной ступенькой в процессе обучения. Значит, мы должны обращаться к главным учителям — ибо только они могут дать понимание. Но разве у кого-то есть сомнения в том, что получать знания лучше всего у главных учителей? Как можно не признавать, что требования, которые они предъявляют к нам, способствуют нашему жизненно важному развитию? Конечно, мы можем избежать усилий во время обучения, но затем обязательно столкнемся с его последствиями — различного рода несуразностями, которых нахватаемся от второстепенных учителей.

Если в одном и том же колледже будут читать лекции два преподавателя, один из которых совершил какое-то открытие, а второй повторяет то, что слышал о

работе первого, у кого вы предпочтете учиться? Даже если предположить, что повторяющий обещает упростить материал, разве вы не будете подозревать, что сведения из вторых рук неполноценны количественно и качественно? Очевидно одно — заплатив более высокую цену и прилагая соответствующие усилия, вы будете вознаграждены лучшим результатом.

Иногда, конечно, бывает и так, что главных учителей уже нет на свете. Оставшиеся после них книги — это неодушевленные учителя, а одушевленные учителя второстепенны. Предположим, что нам удастся воскресить главных учителей всех времен. Представьте, что свете существует колледж или университет с таким факультетом, где историю Греции читают Геродот и Фукидид, а о падении Рима рассказывает Эдвард Гиббон. Платон и Фома Аквинский ведут курс метафизики. Фрэнсис Бэкон и Джон Стюарт Милль дискутируют о научной логике. Аристотель, Бенедикт Спиноза и Иммануил Кант исследуют проблемы нравственности. Никколо Макиавелли, Томас Гоббс и Джон Локк рассуждают о политике.

Курс математики здесь можно пройти у Евклида и Рене Декарта, которым помогают Георг Фридрих Рيمان и Георг Фердинанд Кантор. В конце студентам для совершенствования знаний предлагают прослушать курс Бертрانا Рассела и Альфреда Уайтхеда. Здесь доступны всем желающим лекции Блаженного Августина и Уильяма Джеймса о природе человека и его разума, комментарии к которым можно получить у Жака Маритена. Уильям Харви увлеченно исследует на этом факультете систему

кровообращения, а Гален, Клод Бернар и Джон Холдейн преподают общую психологию^[11].

Лекции по физике читают великие Галилео Галилей и Исаак Ньютон, Майкл Фарадей и Джеймс Максвелл, Макс Планк и Альберт Эйнштейн. Химию преподают Роберт Бойль, Джон Дальтон, Антуан Лавуазье и Луи Пастер. Курс теории эволюции и генетики ведут Чарльз Дарвин и Грегор Мендель, а дополнительные дискуссии остаются в ведении Грегори Бэйтсона и Томаса Моргана.

Аристотель, сэр Филип Сидни, Уильям Вордсворт и Перси Биши Шелли рассуждают о природе поэзии и принципах литературной критики. Им горячо оппонирует Томас Элиот. Лекции по экономике читают Адам Смит, Давид Рикардо, Карл Маркс и Альфред Маршалл. Франц Боас рассматривает вопросы антропологии, а Торстейн Веблен и Джон Дьюи дискутируют о политических проблемах американской демократии. Владимир Ленин преподаёт теорию коммунизма.

Этьен Жильсон анализирует историю философии, а Анри Пуанкаре и Пьер Дюэм — историю науки. Быть может, даже Леонардо да Винчи читает лекции об искусстве, а Зигмунд Фрейд — лекции о самом Леонардо. Томас Гоббс и Джон Локк рассказывают о Чарльзе Огдене и Айворе Ричардсе, Альфреде Коржибски и Стюарте Чейзе. Можно продолжать бесконечно, но пока этого достаточно.

Разве кто-то захочет выбрать другой университет? Число студентов неограниченно. Плата за вход, как единственное условие поступления, — ваша способность

¹¹ Гален, Бернар и Холдейн были практикующими медиками, специалистами в области внутренних болезней, генетики, фармакологии.

и желание читать. Университет существует для всех, кто хочет и может учиться у первоклассных преподавателей, пусть даже неживых в том смысле, что они не присутствуют лично в нашем вялом и отчасти летаргическом существовании. Во всех прочих смыслах они даже более живы, чем мы с вами. Если современная Америка сбрасывает их со счетов как покинувших этот мир, то, как сказал известный писатель, мы повторяем глупость древних афинян, которые решили, что Сократ умер, приняв цикуту.

Великие книги можно читать в университете и за его пределами. Если вы читаете их в учебном заведении с помощью одушевленных учителей, то эти учителя должны подчиниться своим неодушевленным предшественникам. Учиться можно и нужно только у тех, кто превосходит нас интеллектуально. Великие книги, как правило, намного выше большинства наших учителей и студентов.

Второстепенный преподаватель — это фактически лучший студент, которому следует считать себя учеником мастеров. Он не должен вести себя как главный учитель и использовать великие книги как учебники, написанные любым из его коллег. Ему не следует притворяться знающим и умеющим рассказывать аудитории о собственных открытиях, если он сам почерпнул их у кого-то. Первичный источник его знаний должен стать первичным источником знаний для студентов. Такой преподаватель работает честно, если не превозносит себя, стараясь повлиять на отношения студентов с великими книгами. Ему не стоит «вмешиваться», выступая в роли плохого проводника, но надо научиться

быть посредником, который помогает отстающим продуктивнее общаться с гениальными умами.

Все это не ново, да и не должно быть таковым. Образование веками считалось развитием с помощью тех, кто нас превосходит. Будем честны — большинству одушевленных учителей следует признать, что помимо преимуществ возраста они ничем не превосходят своих студентов в интеллектуальном плане. Поэтому уже давно нужно поручить процесс преподавания нашим более умным современникам и великим предкам.

Но в этом есть маленькая ложка дегтя. Мы все — учителя, студенты и те, кто связан с учебой, — должны уметь читать ради понимания, если хотим чего-то добиться.

Это не так просто, скажете вы. Великие книги слишком сложны для большинства из нас. Поэтому приходится получать образование у второстепенных учителей, черпать знания из лекций, учебников, популярной литературы, где для нас все многократно повторяют и разжевывают. Даже если основная цель — понимание, а не информация, нас устроит и более скудная диета. Мы страдаем от непреодолимых ограничений. Великие умы недосыгаемы. Лучше подхватить упавшие со стола крохи, чем умереть с голоду, глядя на чужое пиршество.

Позвольте не согласиться. С одной стороны, скудный рацион не может быть по-настоящему питательным, особенно, если это пережеванная еда, которая потребляется пассивно и удерживается временно, без активного усвоения. С другой стороны, как сказал однажды профессор Моррис Коэн своим ученикам,

бисер, который мечут перед настоящими свиньями, наверняка поддельный.

Я не отрицаю, что чтение великих книг требует большего старания и прилежания, чем их краткий пересказ. Но поймите — второе никогда не заменит первое, и нельзя ждать от них равноценного результата. Да, изложение может быть достаточным, если вам нужна информация, но не понимание. Легких путей нет — придется выбирать тернистые. И любой, кто настаивает на приятном путешествии, окажется в раю дураков — где, уподобившись им, станет тем, кто «сотни разных книг... прочитал, но ни в одну не вник».

В то же время я утверждаю, что великие книги может читать каждый. Необходимая помощь второстепенного учителя не должна выглядеть быстро усваиваемым суррогатом. Она состоит в обучении чтению и, по возможности, именно чтению великих книг.

Позвольте обосновать мою мысль. Я настаиваю на том, что великие книги более всего пригодны для чтения. Безусловно, иногда их трудно читать. Они требуют развитой способности к чтению. Искусство учить требует соответствующего искусства учиться. Но такие книги — идеальный путь к истинному знанию. Имея необходимый навык качественного чтения, мы поймем, что их легче всего читать, а материал изложен в них крайне просто и адекватно.

Тут кроется некоторый парадокс. Он связан с двумя различными видами мастерства — мастерства автора в знании своего предмета и мастерства ученика в попытке усвоить истинный смысл книги. Великие книги признаются таковыми из-за мастерства людей, написавших их. Мы же оцениваем качество собственного

чтения по тому, насколько нам удастся распознать истинный замысел автора.

В процессе чтения мы стремимся приобрести знания и достичь понимания. Великие книги идеально подходят читателям любого уровня, поскольку они лучше всего читаются, являясь при этом наиболее содержательными. «Лучше всего» — не значит «легче всего», даже для опытного читателя. Я уверен, что такие книги максимально вознаграждают любое наше усилие. Безусловно, мы будем копать прилежнее в поисках золота, а не картошки, но любое успешное усилие вознаграждается более щедро.

Отношение между великими книгами и их смыслом изменить невозможно. Это объективный факт. Однако уровень начинающего читателя можно привести в соответствие с книгами, наиболее заслуживающими его внимания. Читатель, таким образом, будет повышать свой уровень как под руководством учителя, так и в ходе практики. По мере обучения он не только сможет развить свою способность читать великие книги, но и приблизится к пониманию истинного замысла автора. Такой уровень — идеал образования. И потому святой обязанностью второстепенных учителей является работа, направленная на то, чтобы облегчить ученикам продвижение к этому идеалу.

- 6 -

Как автор этой книги я являюсь второстепенным учителем. Моя цель — помогать и быть посредником. Не могу же я читать вместо вас. Поэтому у данной книги

только две функции: заинтересовать вас в чтении и помочь вам развиваться как читателю.

Если вы не учитесь в университете, скорее всего, вам придется обратиться к неодушевленным учителям, таким, как эта книга. Конечно, ни одно практическое руководство не сравнится с хорошим реальным наставником. Бесспорно, сложнее развиваться, обучаясь по книгам — никто вас не останавливает, не исправляет ошибки, не показывает пример. Но это возможно и уже удалось многим — поэтому призываю вас отбросить сомнения.

Начать никогда не поздно, но все мы имеем основания быть недовольными школьной системой, которая не сформировала в нас еще в детстве умение читать.

Несостоятельность школы и ее ответственность — это тема следующей главы. Сейчас же позвольте обратить ваше внимание на два момента. Во-первых, полагаю, вы уже кое-что поняли о правилах чтения. В предыдущих главах вы узнали, насколько важно выделять ключевые слова или предложения и учиться понимать их. Данная глава, надеюсь, помогла вам выяснить, почему великие книги лучше всего читаются и какова их роль в образовании. Узнавать и понимать истинный замысел автора — это следующий шаг в мастерстве чтения. Его мы подробнее рассмотрим в следующих главах.

Во-вторых, мы довольно точно определили цель данной книги. На это ушло много страниц, но думаю, вы согласитесь, что усилия стоили того, чтобы выйти в своем объяснении за рамки первого абзаца. Я мог бы сказать: «Эта книга написана для того, чтобы помочь вам

развивать мастерство чтения ради понимания, а не ради информации; таким образом, ее цель — поощрять вас в чтении великих книг». Полагаю, тогда эта мысль осталась бы просто непонятой.

Теперь вы ее точно понимаете, даже если сохранили определенную долю скепсиса и некоторые сомнения в целесообразности нашего дела. Быть может, вы считаете, что помимо великих книг есть еще множество достойной прочтения литературы? Согласен. Но признайте, что чем лучше книга, тем больше она заслуживает прочтения. К тому же, если вы научитесь читать именно великие книги, то другие сможете читать без труда и успешно примените свое мастерство в решении более легких задач. Однако позвольте напомнить, что настоящий охотник никогда не погонится за хромым зайцем.

Глава пятая. Несостоятельность школ

- 1 -

В предыдущих главах я высказывал собственное мнение о школьной системе, которое можно было бы расценить как клевету, не будь оно абсолютно справедливым и объективным. Мое мнение — это суровый приговор педагогам, которые пренебрегли доверием общества. Хотя данная глава может показаться далекой от основной темы обучения чтению, я должен объяснить ситуацию, в которой оказываемся мы и наши дети. Нас делают «образованными», но неграмотными. Если бы школы добросовестно выполняли свою задачу, в

появлении этой книги вообще не было бы необходимости.

До сих пор я часто упоминал о собственном безрадостном опыте преподавания в колледжах и университетах. Однако прошу вас не принимать стопроцентно на веру мои слова о плачевном состоянии образования в Америке. В связи с этим можно обратиться к множеству других свидетелей, особенно тех, которые говорят только о личном опыте. Я имею в виду научные данные — отчеты специалистов о результатах экзаменационных тестов и контрольных работ.

Насколько я помню, в свое время было много жалоб на то, что в учебных заведениях плохо учат детей писать и говорить. Обычно это касалось старшей школы и колледжа. От начальной школы никто и не ждал больших достижений. Но спустя еще четыре или восемь лет обучения общество имело все основания рассчитывать на приличный уровень подготовки учеников в этих видах деятельности.

Уроки английского языка были и в значительной степени остаются доминантой программы старшей школы, а начальный курс английского до недавнего времени являлся обязательным предметом в каждом колледже. Его основной задачей было развитие родной письменной речи и формирование способности красноречиво или хотя бы ясно высказываться.

Жалобы поступали отовсюду. Бизнесмены, явно не имевшие завышенных требований к своему персоналу, возмущались некомпетентностью молодежи, только что закончившей учебу. Их негодование разделяли и подхватывали десятки газет, сетуя, ко всему прочему, на страдания редакторов, которым приходилось полностью

править материалы молодых журналистов — вчерашних выпускников.

Преподаватели английского языка в колледжах были вынуждены начинать с нуля со своими студентами освоение той программы, которой обучают в старших классах школ. Экзаменационные работы этих студентов по другим предметам наглядно демонстрировали невероятно корявый и бессвязный английский язык.

Любой, кто преподавал в аспирантуре или на юридическом факультете, знает, что диплом бакалавра — выпускника лучшего колледжа почти ничего не говорит об уровне его письменной или устной речи. Многих кандидатов в доктора наук приходится учить писать диссертации. Я имею в виду, конечно, не знание ими своего предмета, а минимальный уровень владения простым и понятным английским языком. Мои коллеги на юридическом факультете часто не могли определить, насколько разбирается студент в юриспруденции, из-за его неспособности связно высказываться на заданную тему.

Я затронул только письменную и устную речь, но не чтение. До недавних пор никто в принципе не обращал внимания на еще более серьезные и распространенные проблемы с чтением, за исключением, пожалуй, уже упомянутых мною преподавателей юриспруденции. С тех пор как в программу включили изучение судебных дел, они осознали, что половина их рабочего времени уходит на то, чтобы учить студентов читать эти дела. Но преподаватели полагали, что это их бремя, поскольку чтение судебных дел — особенно сложный процесс. Они не понимали, что выпускник, уже умеющий хорошо читать после окончания колледжа, более узкий навык

чтения судебных материалов приобретет гораздо быстрее.

Я уже говорил об одной из причин, которая в глазах общества делает чтение менее важным навыком по сравнению с письменной и устной речью. Последние воспринимаются большинством людей как более активные действия. Поскольку мы ассоциируем мастерство с активностью, погрешности в навыках письма и говорения обычно связывают с недостатком техники, а низкий уровень чтения — с личными изъянами, чаще всего — с нехваткой прилежания. Хотя ситуация постепенно исправляется. Все больше внимания уделяется проблеме чтения. Не то чтобы преподаватели поняли, как им следует поступать, но они наконец-то осознали важную вещь — в школе плохо учат не только писать и говорить, но и читать.

Очевидно, что эти умения взаимосвязаны. Все они предполагают активное использование языка иницирующей и воспринимающей сторонами в процессе общения. Неудивительно, что недостатки в этих видах деятельности тоже коррелируют между собой. Без всякого научного исследования я готов спорить, что человек, не владеющий письменной речью, не может хорошо читать. Я даже пойду дальше и скажу, что неспособность изъясняться письменно отчасти проистекает именно из неумения читать.

Да, читать сложно, но писать и говорить все же сложнее. При этом важно знать, как воспринимаются разные сообщения, и уметь владеть средствами, производящими нужный эффект. Поскольку искусство учиться и искусство учить тесно связаны, преподаватель, пишущий или говорящий, должен хорошо представлять

себе весь предстоящий процесс обучения. Как минимум он должен уметь читать то, что сам пишет, или слушать то, что сам говорит, так, будто тоже учится наравне со своими студентами. Если учителя не умеют учиться, они обречены на неудачу.

- 2 -

Я не прошу вас соглашаться с моим неаргументированным утверждением или вслепую принимать условия игры. Для научного рассмотрения данной проблемы необходимо обратиться к экспертам.

Результат учебы в наших школах измеряется утвержденной и согласованной системой тестирования, которая диагностирует все показатели успеваемости в стандартных областях знаний, а также уровень базовых навыков — чтения, арифметики и письма. Результаты тестов показывают, что выпускники старшей школы не владеют практическими навыками и при этом демонстрируют катастрофическое невежество. Мы как можно скорее должны обратить внимание на явную ущербность навыков в области чтения, хотя результаты проверки владения письменной и устной речью еще раз доказывают, что выпускники школ «плавают» в любом аспекте коммуникативной деятельности.

И тут уже не до смеха. Весьма прискорбно, что после двенадцати лет обучения выпускникам все еще не хватает базовых знаний, но гораздо плачевнее то, что у них не будет средств для исправления ситуации. Если бы они умели читать — не говоря уже об умении качественно писать и говорить, — то могли бы учиться во взрослой жизни сами.

Обратите внимание, что тесты выявляют проблемы даже с самым легким способом чтения — чтением ради информации. В большинстве своем эти тесты вообще не оценивают способность читать ради понимания. Боюсь предположить, насколько шокирующими были бы результаты в этом случае. За год до написания этой книги профессор Джеймс Мерселл из Колумбийского педагогического колледжа написал статью в *The Atlantic Monthly* под названием «Несостоятельность школ». Его утверждение было основано на «тысяче исследований», включающих «подробные результаты тридцати лет пристального наблюдения за эволюцией системы образования». Значительная часть этих результатов относится к недавнему изучению работы школ Пенсильвании, проведенному Фондом Карнеги. Позвольте процитировать его слова:

«А что же английский? И здесь мы сталкиваемся с провалом и несостоятельностью. Эффективно ли преподавание родного языка в школе? И да, и нет. До пятого-шестого класса чтение в целом хорошо преподается и усваивается. До этого момента можно наблюдать достаточно устойчивое развитие, но потом кривая выравнивается до горизонтали. Это совершенно не значит, что в шестом классе ребенок достигает пика заложенных в нем от природы способностей. Уже неоднократно было доказано, что при специальной подготовке взрослые и дети старшего возраста могут добиться колоссального прогресса. Также полученный результат не означает, что большинство шестиклассников достаточно хорошо умеют читать в практических целях. Ученики демонстрируют слабую успеваемость в старшей

школе из-за элементарной неспособности понять смысл печатного текста. Безусловно, они могут совершенствовать навыки чтения, им это крайне необходимо, но никто не занимается решением проблемы».

Средний выпускник старшей школы уже прочел немало книг. Если он пойдет учиться в колледж, то прочтет еще больше. При этом он, скорее всего, останется слабым и неподготовленным читателем. (Обратите внимание, что все это относится к среднему студенту, а не к человеку, проходящему специальную «реабилитацию».) Он может с удовольствием читать простую беллетристику. Но покажите ему серьезное исследование, экономическое обоснование или аналитическую выкладку, требующую критического изучения, — и он растеряется. Было доказано, что среднестатистический старшеклассник практически не в состоянии выделить главную мысль прочитанного отрывка или расставить смысловые акценты в дискуссии. По сути, до окончания школы он остается на уровне ученика шестого класса.

Добавлю, что и после колледжа ситуация не сильно меняется. Невозможно закончить колледж, не умея прилично читать ради получения информации. Быть может, без этого навыка даже невозможно туда поступить. Но если помнить о разнице между типами чтения и об ориентации тестов на выявление и оценку более простого уровня знаний, то утешиться тем, что студенты колледжа читают лучше шестиклассников, достаточно сложно. Сведения об аспирантурах и профессиональных учебных заведениях доказывают, что

чтение ради понимания там по-прежнему остается на уровне шестого класса.

Еще более мрачно профессор Мерселл высказывается о качестве книг, к чтению которых школам удастся пробудить интерес:

«Учащиеся колледжей — даже выпускники — читают, но очень мало. В основном они предпочитают журналы и беллетристику весьма среднего качества. Свой выбор школьники делают под воздействием рекламы или по случайной рекомендации, по принципу «слышал от кого-то». В учебных заведениях явно не воспитывают разборчивых и разносторонних читателей. Как сказал один исследователь, нет ни малейших признаков того, что «школы развивают устойчивый интерес к чтению в свободное время».

Несколько преждевременно говорить о том, что студенты и выпускники будут читать великие книги, если они не читают даже ежегодно публикуемую хорошую прозу.

Далее в отчете Мерселла говорится о письменной речи. Среднестатистический студент не умеет высказываться «ясно, четко и связно на родном языке», «многие старшеклассники не способны объяснить, что такое предложение», словарный запас обычного студента очень беден. Он едва ли сильно меняется в процессе учебы — по мере продвижения от старшего класса школы до старшего курса колледжа. Проучившись двенадцать лет, множество выпускников владеет навыками письменной речи по-детски неуверенно. Спустя еще четыре года наблюдается небольшое улучшение. Эти факты отражаются и на процессе чтения. Студент, не

умеющий «выразить, найти и уточнить оттенки смысла», вряд ли сможет обнаружить их в чьем-то тексте и по тонкости восприятия остается на уровне шестого класса.

Приведу и другие примеры. Недавно Совет регентов штата Нью-Йорк провел в своих учебных заведениях специальное исследование. Комиссия под руководством профессора Лютера Гьюлика из Колумбии составила отчет по результатам выполненной работы, с которым мне удалось ознакомиться. В одном из томов, посвященном ситуации в старших школах, я обнаружил раздел «владение средствами обучения». Цитирую:

«Большое количество школьников — даже из числа выпускников — испытывает серьезную нехватку элементарных средств обучения. Ученикам старшего класса в ходе исследования был предложен тест на проверку способности читать и понимать обычный английский язык... Ученики должны были прочесть отрывки из простых научных статей, исторических документов, обсуждений экономических проблем и прочих материалов подобного рода. Изначально тест предназначался ученикам восьмого класса».

Оказалось, что среднестатистический выпускник старшей школы способен пройти тест, предназначенный для оценки знаний восьмиклассников. Безусловно, это нельзя назвать выдающимся достижением. Кроме того, обнаружилось, что «пугающее число школьников штата Нью-Йорк заканчивает среднюю школу и даже начинает обучение в старшей, не достигнув требуемого образовательного минимума». Кто станет спорить с мнением, что «навыки, необходимые всем — такие как чтение и письмо, — каждый должен развить хотя бы до

минимального уровня». Очевидно, что профессор Мерселл выражается довольно мягко, когда говорит о «провале школьного образования».

Исследование затронуло и тему самостоятельного обучения вне школьных предметов и курсов. Комиссия справедливо полагала, что для этого нужно проверить способности учащихся к внеклассному чтению. В результате выяснилось, что «по окончании школы большинство мальчиков и девочек читают исключительно для развлечения, как правило, журналы, беллетристику среднего или низкого качества и ежедневные газеты». Диапазон чтения в школе и за ее пределами плачевно узок, очень примитивен и беден в содержательном плане. О серьезной литературе речь не идет вообще. Школьники даже не знакомы с лучшими романами, увидевшими свет за время их учебы. Максимум, что они могут знать, — это названия бестселлеров. Более того, окончив школу, они вообще не стремятся читать. Менее 40 процентов опрошенных прочли что-либо в течение двух недель, предшествовавших исследованию. Только один из десяти человек за этот период читал нехудожественную литературу. В основном они читают журналы. И даже тогда уровень чтения остается низким: «менее двух молодых людей из сотни читают такие журналы, как Harper's, Scribner's или The Atlantic Monthly»^[12].

С чем же связана такая вопиющая безграмотность? Строки отчета проясняют суть проблемы: «На привычки чтения этих мальчиков и девочек непосредственно

¹² Ежемесячные публицистические журналы американского Издательского дома Charles Scribner's Sons, знакомившие читателей с лучшими литературными произведениями, картинами, гравюрами XIX–XX вв.

повлиял тот факт, что многие из них так и не научились читать с пониманием». Некоторые «вероятно, считают, что получили полное образование и читать уже не нужно». Но в большинстве своем они просто не умеют читать и потому не получают удовольствия от чтения. Обладание навыком — это необходимое условие для его применения и получения удовольствия от самого процесса. В свете всего, что мы знаем о неумении наших детей читать — ради понимания, а иногда даже и ради информации, — разве стоит удивляться их пренебрежительному отношению к чтению? Неудивительно, что они выбирают для своего и без того редкого чтения литературу удручающе низкого качества.

Тяжелые последствия очевидны. «Такая ситуация, типичная для большого количества школьников, — говорится в отчете, — оставляет лишь слабую надежду на то, что самостоятельное чтение поможет выпускникам старшей школы в дальнейшем образовании». Все, что нам известно об образовании в колледжах, тоже не дает оснований полагать, что их выпускники значительно ушли вперед. Они всего лишь немного лучше подготовлены к серьезному чтению, поскольку за четыре года обучения в колледже едва ли можно основательно развить соответствующие навыки.

Хочу повторить еще раз: какими бы неутешительными ни казались эти результаты, они были бы вдвое хуже в случае проведения более серьезных тестов. Напомню, что исследование, о котором мы говорим, позволяет оценить простое усвоение простых отрывков из предложенных текстов. Ответы на вопросы, предложенные студентам по итогам прочтения короткого текста, в данном случае требуют не более чем точного

знания слов автора. Они почти не предполагают серьезной интерпретации и критической оценки.

Как я уже сказал, эти тесты были весьма легкими. Но ведь и установленная мною планка не слишком высока. Разве я требую слишком много, ожидая, что студент окажется в состоянии прочесть книгу, а не отрывок, и сможет после этого не просто пересказать ее содержание, но показать углубленное понимание материала? Разве это много — надеяться, что в учебных заведениях студентов научат не только пересказывать, но и критиковать, то есть отличать разумные мысли от ошибочных; уметь доказывать свою позицию и не торопиться с выводами при отсутствии уверенности? Сомневаюсь, что эти требования чрезмерны для старшей школы или колледжа. Но если бы тесты предусматривали подобные задания, а условием для получения диплома становился их удовлетворительный результат, ни один из сотни студентов, которые ежегодно в июне покидают стены своих учебных заведений, не надел бы мантию и шапочку с кисточкой.

- 3 -

Быть может, вы возразите, что приведенные факты — это локальное явление и данная проблема характерна исключительно для Нью-Йорка и Пенсильвании? Возможно, вы скажете, что в результатах тестов преувеличена роль среднестатистического или отстающего старшеклассника? Но это не так. Факты отражают ситуацию по стране в целом. А уровень учебных заведений Нью-Йорка и Пенсильвании оценивается выше среднего. Кроме того, данный отчет

содержит сведения как о слабых, так и о лучших учениках старшей школы.

Могу дополнительно проиллюстрировать вышесказанное. В июне 1939 года университет Чикаго провел четырехдневную конференцию по чтению для преподавателей, посещающих летнюю сессию. На одном из заседаний профессор Дидерих из Департамента образования огласил результаты теста, проведенного в Чикаго среди старшекласников, которые имеют самые лучшие оценки и потому приехали сюда из всех уголков страны в надежде получить стипендию. Помимо прочего, все кандидаты проходили и тест по чтению. Как заявил профессор Дидерих, оказалось, что большинство этих «одаренных» студентов элементарно не способны понять прочитанное.

Более того, по его словам, «ученики не получают непосредственной помощи в понимании прочитанного и услышанного, а также в умении определять смысл сказанного или написанного». Проблема не ограничивается старшей школой. Она в той же мере типична для колледжей всей Америки и даже Англии — особенно если вспомнить об уровне владения родным языком среди студентов Кембриджского университета.

Конференция в Чикаго длилась четыре дня. На утренних, дневных и вечерних заседаниях зачитывалась масса документов о проблеме чтения. Но вопрос оставался открытым. Почему же студентам никто не помогает? Ведь нельзя сказать, что профессиональные преподаватели не в курсе сложившейся ситуации. Возможно, они просто не знают, что делать? Или не осознают, сколько времени и усилий необходимо, чтобы научить студентов хорошо читать, писать и говорить?

Ведь всем известно, что программа обучения засорена множеством прочих менее важных предметов.

Здесь будет уместно вспомнить о случае, который произошел со мной несколько лет назад. Мы с мистером Хатчинсом решили читать великие книги вместе со старшеклассниками в экспериментальной школе при университете. Это считалось новаторским экспериментом, а кое-кто даже называл наш замысел безумной идеей. Многие из этих книг даже первокурсники и студенты старших курсов колледжей никогда не видели, поскольку их оставляли «на десерт» выпускникам университетов. А мы собирались читать эти книги со школьниками!

В конце первого года эксперимента я решил поделиться радостью от наших успехов с директором старшей школы. Я сообщил ему, что школьники читают великие книги с явным интересом, судя по тем вопросам, которые они задают. Острые и оживленные дискуссии в классе наглядно демонстрируют, что наши ученики обгоняют по уровню мышления студентов старших курсов, уставших от постоянных лекций, конспектов и экзаменов. Сейчас наша экспериментальная группа способна дать фору старшекурсникам и выпускникам колледжа. Но с самого начала было заметно, что они не умели читать книги. Занимаясь с ними несколько часов в неделю чтением, мы с мистером Хатчинсом, к сожалению, не имели возможности обсуждать прочитанные книги и — одновременно — учить читать. К сожалению, врожденные способности наших учеников ранее никто не развивал, хотя в процессе образования они имеют первостепенное значение.

«Как у вас происходит обучение чтению в старшей школе?» — спросил я директора, который, как выяснилось, и сам уже давно думал об этом. Он подозревал, что студенты не очень хорошо читают, но на обучение этому навыку в программе не хватало времени. Директор перечислил самые важные меры, которые уже были предприняты школой в этом направлении. Я сдержался и не стал говорить, что, умей студенты читать, они могли бы легко обойтись без множества курсов, чтобы выучить все эти предметы по книгам. Директор продолжал убеждать меня: «В любом случае, даже при наличии свободного времени, с чтением мы не достигнем особых успехов, пока педагогическая психология не закончит исследования в этой области».

Я был озадачен. Исходя из собственного понимания искусства чтения, я не мог представить, какие такие исследования способны помочь студентам научиться читать или преподавателям — обучить чтению студентов. Я достаточно хорошо был знаком с научной литературой на эту тему. «Психологии чтения» были посвящены тысячи известных мне исследований и бесчисленных отчетов. В них, как правило, речь шла о движениях глаз в зависимости от разных видов шрифта, формата страниц, угла падения света и прочих деталей. Рассматривались различные аспекты оптики и сенсорной чувствительности. Описывались всевозможные тесты и измерения, позволяющие стандартизировать результаты на разных уровнях обучения. Излагались итоги лабораторных и клинических исследований эмоционального аспекта чтения. Психиатры делились открытиями, согласно которым одни дети испытывали приступы раздражения и гнева при чтении, а другие — исключительно во время занятий математикой. С этим я

полностью согласен — эмоциональные проблемы иногда приводят к неспособности читать или являются ее прямым следствием.

В лучшем случае все вышеупомянутые данные имеют два способа практического применения. Благодаря тестам представителям школьной администрации легче классифицировать студентов по уровням и определять эффективность той или иной процедуры. Исследование эмоций и органов чувств, особенно глаза как органа зрения, помогло создать терапевтическую программу, которая сегодня включена в «лечебное чтение». Но ни одна из этих работ не имеет отношения к проблеме обучения детей и подростков искусству чтения ради понимания нового, а не только ради получения информации. Я не хочу сказать, что исследования бесполезны или неважны. Более того, я уверен, что «лечебное чтение» спасло массу детей от действительно серьезных проблем. Но, к сожалению, я вынужден констатировать, что оно имеет такое же отношение к воспитанию читателей, как развитие мышечной координации к воспитанию писателя, который должен использовать свои глаза в процессе написания романов.

Чтобы пояснить свою мысль, приведу пример. Предположим, вы хотите научиться играть в теннис. Вы идете к тренеру и сообщаете ему, что намерены брать уроки. Он осматривает вас с головы до ног, наблюдает за вами какое-то время на корте, а затем с неожиданной прямотой заявляет, что не может вас учить. Причины? У вас крупная родинка на большом пальце ноги и бородавка на подошве. В целом у вас ужасная осанка и скованные движения плеч. Вам нужны очки. И наконец,

вы дергаетесь, когда встречаете мяч, и злитесь, когда упускаете его.

Обратитесь к мастеру педикюра и остеопату. Сходите к массажисту, чтобы расслабить мышцы. Станьте внимательнее и спокойнее, с помощью психоанализа или без него. Сделайте все это, говорит вам тренер, а затем приходите — я буду учить вас игре в теннис.

Такие слова, конечно, могут обескуражить. Но звучат они при этом вполне разумно. Нет смысла учить вас искусству тенниса, пока вы не устраните все объективные помехи. Педагогические психологи поступают примерно так же. В свое время они выделили проблемы, которые мешают человеку учиться читать, еще более точно, чем наш тренер, и разработали всевозможные виды терапии для «лечебного чтения». Однако по окончании полного курса такой терапии вам все так же понадобится учиться читать или играть в теннис.

Врач, который удалит бородавку, выпишет рецепт на очки, исправит осанку и снимет эмоциональное напряжение, не сделает из вас игрока в теннис. Он поможет созданию человека, способного играть. Психологи поступают аналогично. Они диагностируют проблемы с чтением и выписывают свое лекарство, не зная при этом, как сделать из вас хорошего читателя.

В основном все педагогические исследования предшествуют основной цели — учиться читать. Они выявляют и устраняют препятствия. Они помогают избавиться от ограничений, но не позволяют преодолевать неспособность. В лучшем случае с их помощью человек, имеющий те или иные отклонения, станет «более нормальным» и более восприимчивым к

обучению. Но даже «нормальный» человек нуждается в получении знаний. Он одарен талантом учиться, но не рождается с готовым умением. Его необходимо обнаруживать и развивать. Лечение отклонений помогает преодолевать врожденное отставание или последствия ранних травм. Но этим его потенциал, собственно, и исчерпывается, даже если в процессе приложенных усилий удастся сделать всех людей в равной степени способными учиться. С этого момента нужно активно работать над развитием навыка. Словом, настоящее обучение искусству чтения начинается уже за пределами компетенции педагогических психологов.

Точнее, должно начинаться. Но опыт показывает, что этого не происходит. Как я уже говорил, тому существуют две причины. Во-первых, программа обучения в целом, от младшей школы до колледжа, забита большим количеством трудоемких предметов, мешающих концентрироваться на базовых навыках. Во-вторых, большинство педагогов не умеют учить искусству чтения. И вообще арифметика, чтение и письмо в современной программе представлены в зачаточном состоянии. Их считают предметами из курса младшей школы, вместо того чтобы продлевать их преподавание на весь период обучения. В результате бакалавр искусств в умении читать и писать не превосходит шестиклассника.

- 4 -

Теперь я хотел бы более подробно рассмотреть две вышеуказанные причины. Что касается первой, то проблема кроется не в присутствии чтения, арифметики

и письма в школьной программе, а в том, в какой именно мере они в ней присутствуют и до какой степени их следует развивать. Любой педагог, даже самый радикальный новатор, согласится, что детям необходимы основные навыки — умение читать и писать. Однако до сих пор не существует единого мнения по поводу абсолютного минимума для образованного человека и времени, необходимого ученику для достижения своего минимального уровня.

В прошлом году меня пригласили на национальную радиостанцию для участия в записи передачи Town Meeting («Городская встреча»). Темой дискуссии было состояние системы образования в демократической среде. Кроме меня в ней участвовали профессор Гьюлик из Колумбийского университета и мистер Джон Студебеккер, глава государственной комиссии по образованию. Мы проявили завидное единодушие: чтение, арифметика и письмо жизненно необходимы каждому гражданину демократической страны.

Однако согласие между нами оказалось поверхностным. Во-первых, говоря об искусстве чтения, письма и арифметики, я имел в виду уровень бакалавра, а мои коллеги — элементарный уровень младшей школы. Во-вторых, они говорили о чтении и письме как о небольшой части всего того множества целей, которым должно служить образование, особенно в демократической стране. Я не отрицал, что чтение и письмо — это только часть, а не целое, но не соглашался с приоритетностью некоторых сформулированных моими собеседниками целей. Если бы можно было перечислить основы качественной программы образования, я бы сказал, что навыки коммуникации, делающие людей грамотными, — наша приоритетная обязанность в

условиях демократического общества, которое напрямую зависит от грамотного электората.

Такова ситуация вкратце. Первыми должны быть решены самые важные задачи. Далее, убедившись, что они выполнены качественно, можно тратить время и энергию на менее значимые вещи. Тем не менее в современных школах и колледжах дела обстоят по-другому. Вопросам небольшой важности придается чрезмерное значение. В отдельных колледжах, которые порой немногим лучше школ, банальные второстепенные предметы нередко формируют ядро всей программы обучения. То, что раньше считалось факультативным, выходит на передний план, а основные элементы программы откладываются в сторону, словно старье в темный чулан. В результате процесса, который начался введением системы самостоятельного выбора предметов и завершился излишествами педоцентризма^[13], базовые предметы для умственного развития учащихся были отодвинуты в сторону или вытеснены полностью.

В порыве ложного либерализма педоцентристы путают дисциплину с муштрой и забывают, что истинная свобода невозможна, если разум отягощен заботами о наведении порядка. Никогда не устану цитировать Джона Дьюи. Давным-давно он сказал:

«Когда дисциплина понимается в умственном смысле, она отождествляется со свободой в истинном смысле этого слова... Настоящая свобода,

¹³ Педагогический принцип, последователи которого отрицают систематическое обучение детей по заранее разработанным программам и проводят занятия на основе сиюминутно возникающих у детей желаний и интересов. Руководствуясь девизом «Личность ребенка имеет наибольшую возможность проявить себя», педагог видит свою задачу лишь в том, чтобы направлять деятельность ребенка.

говоря кратко, разумна; она основывается на воспитанной силе мысли».

Разум, дисциплинированный подобным образом, позволяет нам критически читать и писать, а также успешно совершать любые открытия. Итак, мы видим, что искусство мышления становится настоящим искусством учиться с чьей-то помощью или самостоятельно.

Повторюсь, я не утверждаю, что образование исчерпывается умением читать и учиться по книгам. Не менее важным является умение грамотно проводить исследования. Кроме того, нужно обладать фактическими знаниями на тему, представляющую предмет осмысления. В связи с этим я не вижу причин, препятствующих выполнению всех этих задач за время, отведенное для обучения. Но при необходимости выбора, безусловно, следует концентрировать усилия на основных навыках и придавать эрудиции любого рода второстепенное значение. Тот, кто делает иной выбор, должно быть, считает образование антологией фактов, которые человек получает в школе и старается пронести через всю жизнь, хотя этот багаж со временем становится все более тяжелым и все менее полезным.

По-моему, самый разумный подход к образованию заключается в том, что ведущая роль в данном процессе отводится дисциплине. При этом в школе ребенок не столько учится, сколько осваивает технику обучения, то есть искусство учиться самостоятельно при помощи всех доступных средств. Учебные заведения эффективны только в том случае, если дают возможность продолжать обучение на протяжении всей жизни. Искусство чтения и методика исследования — основные инструменты

обучения и открытия нового. Именно поэтому они должны быть основной целью разумной системы образования.

Я полностью согласен с мистером Карлайлом, который утверждает, что «университет или любое другое высшее учебное заведение могут сделать для нас именно то, с чего начинается младшая школа, — научить читать». Также я согласен с профессором Тэнни из Корнелла^[14], что учебное заведение, которое учит студентов читать, дает им в руки «основной инструмент любого высшего образования. Таким образом, студент при желании может учиться сам». Школы, обучая своих учеников правильно читать, сразу могли бы делать из них студентов, которые оставались бы таковыми всегда и везде — и в школе, и вне ее стен.

Позвольте обратить ваше внимание на распространенную ошибку, совершаемую в процессе чтения массой людей, особенно преподавателями. Например, писатель говорит, что некоторые слова имеют первостепенное значение или являются более важными, чем другие. Плохой читатель делает вывод, что, кроме слов, на которые указал писатель, нет ничего важного. Я читал множество рецензий на работу президента Хатчинса «Высшее образование в Америке», авторы которых явно руководствовались либо ошибочным мнением, либо злым умыслом. Они утверждали, что Хатчинс, называя грамотность необходимой составляющей гуманитарного и общего образования, нейтрализует тем самым значение всего остального. Утверждение, что грамотность важна в первую очередь,

¹⁴ Имеется в виду Корнельский университет.

еще не означает низведения остальных целей до второстепенного значения.

Точно так же мои слова могут неверно истолковать преподаватели или специалисты по образованию. Возможно, они пойдут еще дальше и обвинят меня в отрицании «человека целостного», поскольку я не рассмотрел роль эмоционального воспитания в образовании и пути формирования нравственности. Однако, не рассматривая чего-либо, я не обязательно это отрицаю. Данная книга посвящена чтению, а не всему на свете. Таким образом, из контекста должно следовать, что в первую очередь нас интересует интеллектуальное образование, а не образование в целом. Если бы во время записи радиопередачи Town Meeting меня спросили: «Что вы считаете более важным для студента: чтение, письмо и арифметику или нравственные качества?», я бы ответил так: «Трудно выбрать между интеллектуальными и нравственными качествами, но если бы пришлось выбирать, я отдал бы свой голос нравственности, поскольку умом без нравственности можно злоупотребить, как и в том случае, когда человек получил знания и навыки, но не понимает своих целей».

Знания и умственные способности — это не главное в жизни. Важнее делать правильный выбор в своих предпочтениях. В целом образование должно затрагивать не только умственное развитие. Я убежден, что в отношении разума самое важное — это навыки, с помощью которых его можно дисциплинировать.

Перейдем ко второй причине несостоятельности школ в обучении чтению и письму.

Первая причина заключается в том, что школы недооценивают важность и масштаб задачи и, следовательно, не понимают, что для ее решения — в первую очередь — требуется огромное количество времени и усилий.

Вторую причину я вижу в том, что искусство почти утрачено. Я говорю о гуманитарных искусствах, которые раньше называли грамматикой, логикой и риторикой. Именно за владение искусством чтения, письма, говорения и слушания присваивали в былые времена степень бакалавра и магистра. Любому, кто знает о законах грамматики, логики и риторики, известно, что они управляют нашими действиями в процессе коммуникации.

Различные правила чтения, о которых я более или менее явно упоминал, строятся на нюансах грамматики, логики или риторики. Правила о словах и терминах, о предложениях и предлогах имеют четкие грамматические и логические аспекты. Правила о доказательствах и других способах аргументации, безусловно, строго логичны. Методика интерпретации акцентов автора имеет прямое отношение к риторике.

Различные аспекты правил чтения мы рассмотрим позже. Но я хочу сказать, что потеря гуманитарных искусств в большой степени объясняет нашу неспособность читать и учить этому студентов. Весьма показательным, что мистер И. Ричардс в своей книге «Интерпретация в преподавании», которая на самом

деле касается чтения, говорит о необходимости воскресить эти искусства и разделить данный процесс на три основные части: грамматику, риторику и логику.

Говоря об утере искусств, я не имею в виду исчезновение грамматики, логики и риторики. В университетах по-прежнему существуют специалисты в области грамматики и логики, которые при определенной поддержке проводят настоящие научные исследования. Может, вы слышали о «новом» предмете, который недавно стал известен нам под названием «семантика». Конечно, этот предмет далеко не нов — он существует еще со времен Платона и Аристотеля. Семантика — всего лишь новое название научного исследования принципов употребления слов с точки зрения грамматики и логики.

Древние и средневековые специалисты в области грамматики, а также писатели восемнадцатого века, такие как Джон Локк^[15], могли бы научить современных «семантиков» массе неизвестных им принципов, которые этим «первооткрывателям» не пришлось бы изобретать, прочитав несколько нужных книг. Показательно, что примерно в одно и то же время грамматика почти исчезает из программы средней школы, логику изучают немногочисленные колледжи, а аспирантуры возрождают эти предметы с претензией на оригинальность.

Безусловно, специалисты по семантике прилагают немалые усилия к возрождению грамматики и логики, но я остаюсь при своем мнении относительно потери этих искусств. Есть огромная разница между теоретической наукой и применением искусства на практике. Кто же

¹⁵ Джон Локк (1632—1704) — английский философ, мыслитель, теоретик либерализма.

согласится, чтобы его накормил повар, основной талант которого — цитировать наизусть поваренную книгу? Есть старая шутка, что самые нелогичные люди — это некоторые логики. Когда я говорю, что гуманитарные искусства опустились еще ниже в современном образовании и культуре, то имею в виду практическую грамматику и логику, а не умозрительное знакомство с этими науками. Подтверждением моих слов служит тот факт, что мы не умеем читать и писать так же хорошо, как люди других эпох, а, следовательно, не можем научить этому новое поколение.

Уже давно известно, что в те периоды европейской культуры, когда люди хуже всего умели читать и писать, они поднимали больше всего шума относительно того, что все написанное до них невозможно читать. Подобные тенденции наблюдались в эпоху эллинистического декаданса и в пятнадцатом веке. Так происходит и сегодня. Если людям недостает навыков в чтении и письме, их ущербность выражается в чрезмерной критичности к тому, что пишут другие. Психологик увидел бы в этом патологическую проекцию собственной несостоятельности на других людей. Чем хуже мы пользуемся словами, тем охотнее обвиняем в заумности окружающих. Мы даже можем сделать свои кошмары фетишем и посвятить себя семантике целиком и полностью.

Бедные специалисты по семантике! Они не знают, что выдают себя с головой, составляя списки непонятных книг. Похоже, семантика не сильно помогает им, если по окончании исполнения всех ее ритуалов они по-прежнему оказываются неспособными прочесть массу текстов. Семантика не помогла этим людям стать «лучшими читателями», хотя они искренне верили, что

стали обладателями заклинания вроде магического «сезам». Если бы они только осмелились признать, что проблема не в великих писателях прошлого и настоящего, а в их умении читать, то забросили бы свою семантику или, по крайней мере, перестали бы учиться читать с ее помощью. Научившись читать чуть лучше, они бы обнаружили, что в мире гораздо больше доступных и понятных книг, чем им доселе казалось. Сейчас для них таких книг не существует в принципе.

- 6 -

Тот факт, что гуманитарные искусства не практикуются широко в учебных заведениях и за их пределами, очевиден по результату: студенты не учатся писать и читать, а преподаватели не знают, как им помочь. Но первопричина сложна и запутана. Чтобы объяснить, как мы дошли до нынешней ситуации в образовании и культуре, придется подробно изучать современную историю, начиная с четырнадцатого века. Я же ограничусь двумя неполными и поверхностными объяснениями.

Первое. Наука — главное достижение нашего времени. Мы прославляем все удобства и средства комфорта, мы ценим ту власть над природой, которую они дают нам. Плененные научным методом, мы считаем его эликсиром знания. Я не собираюсь утверждать (хотя на самом деле так считаю), что экспериментальный метод — далеко не волшебный ключ к любой области знания. Скажу лишь, что в некоторых ситуациях и определенных культурных условиях системе образования свойственно делать упор на научном способе мышления

и обучения, отрицая или же полностью исключая остальные.

Итак, мы пренебрегли обучением у других в пользу альтернативного способа — самостоятельного открытия. В результате все гуманитарные искусства, необходимые при обучении первым способом, например искусство чтения, оказались забыты, но стало процветать искусство независимых исследований.

Второе объяснение проистекает из первого. В век науки, когда постоянно происходят открытия, пополняющие багаж наших знаний, мы склонны думать, что у прошлого ничему не научишься. Великие книги на полках библиотек интересны лишь как антиквариат. Пусть с ними возятся те, кто пишет об истории культуры. Нас волнуют цели общества, окружающая природа, поэтому мы либо должны сами становиться учеными, либо постоянно читать в газетах о последних научных конференциях и открытиях.

Зачем утруждать себя чтением великих трудов ныне покойных ученых? Они ничему нас не научат. Подобное отношение моментально распространяется на философию, нравственные, политические и экономические учения, великие исторические работы, написанные до «эпохи последних исследований», и даже на литературную критику. Парадокс в том, что мы таким способом отрицаем прошлое, даже в тех сферах, где не используется экспериментальный метод, поскольку на их состояние нельзя повлиять изменением результатов эксперимента.

Любое из поколений может дать человечеству лишь несколько великих книг, а потому большинство из них непременно относятся к прошлому. Прекратив читать

великие труды прошлого, мы вскоре перестаем читать даже немногие великие книги современности и довольствуемся пересказами «из вторых уст». Все это порочный круг. В своей озабоченности проблемами современности и последними исследованиями мы не читаем великие книги прошлого. Избегая такого чтения и считая его неважным, мы не утруждаем себя попытками читать сложные книги. И в результате перестаем учиться читать. Далее мы утрачиваем способность читать даже современные великие книги, хотя можем восхищаться ими на расстоянии — через «семь покрывал» популяризации. Нехватка упражнений ведет к атрофии. В конце концов мы теряем способность читать даже популярную литературу.

Этот порочный круг требует более пристального внимания. Невозможно улучшить технику игры в теннис, имея соперника, которого легко победить. Так же невозможно развивать навыки чтения, отдавая предпочтение книгам, не требующим серьезных усилий и новых ресурсов. Великие книги перестали играть традиционную роль главных источников знаний, в результате чего мы постепенно утрачиваем возможность учить студентов читать. Развивать их способности на базе современной низкопробной повседневной литературы совершенно невозможно. Нельзя научить студентов хорошо читать, если не требовать от них регулярной «тренировки» навыка на высшем уровне.

Вторая особенность этого порочного круга не менее коварна. Оказывается, нет особого смысла читать великие книги со студентами, которые не подготовлены к чтению еще в школе и поэтому не продолжают работу над собой в ходе дальнейшей учебы. В этом — если помните — заключалась основная проблема моего курса

Honors в Колумбии. Я подозреваю, что она существует и по сей день на других курсах чтения.

Нельзя обсуждать со студентами книги и одновременно учить их читать в рамках одного и того же непродолжительного курса. Это становится совершенно очевидно, когда видишь перед собой студента, который в начальной и средней школе не получил даже минимального развития навыка чтения, а другие курсы колледжа и сейчас не требуют от него умения читать ради понимания.

Это в полной мере относится и к нашему опыту в Чикаго, о чем я ранее уже упоминал. Мы с мистером Хатчинсом читаем со студентами великие книги десять лет подряд. Нам почти не удалось достичь своей цели — дать этим студентам гуманитарное образование. Я называю студентом, заслуживающим степени бакалавра гуманитарных наук, лишь того, кто способен читать великие книги и прочел хотя бы некоторые из них на должном уровне. Если таков эталон — мы редко добивались успеха. Конечно, дело может быть и в нас, но я склонен думать, что почти невозможно преодолеть инерцию и недостаток подготовки студентов одного отдельно взятого курса.

Реформу образования следует начинать еще с начальной школы и далее радикально пересматривать систему обучения в колледже, если мы хотим, чтобы к моменту вручения диплома бакалавра студент в полной мере владел искусством чтения и имел вкус к качественной литературе. Пока это не произойдет, степень бакалавра будет настоящей пародией на гуманитарные науки. Получая дипломы, мы будем не

гуманитариями, а беспорядочными эрудитами с абсолютно недисциплинированным умом.

Я знаю лишь один колледж в этой стране, который старается воспитывать гуманитариев в истинном смысле этого слова. Это колледж Сент-Джон в Аннаполисе, штат Мэриленд. Там осознают, что все четыре года обучения студенты должны учиться читать, писать, рассуждать и вести лабораторные исследования, одновременно изучая великие книги. Там понимают, что бессмысленно читать книги, не совершенствуя необходимые навыки, и невозможно развивать базовые умственные способности, не предоставляя материала для упражнений.

Конечно, у колледжа Сент-Джон есть недостатки, которые нужно преодолевать, но — что самое главное — студентам здесь интересно, а потому они готовы решать задачи, выполнения которых не требуют ни в одном другом колледже. При этом студенты не чувствуют себя лишенными священной свободы или ущемленными в правах из-за того, что не могут выбирать себе предметы. Колледж сам назначает им те курсы, которые будут наиболее полезны с точки зрения образования. Студенты легко соглашались с таким выбором, но — как и в любом другом колледже Америки — приходят в Сент-Джон после школы абсолютно неподготовленными. С грустью констатирую наличие еще одной проблемы, которая заключается в неспособности американского общества — и родителей, и преподавателей — оценить истинный вклад колледжа Сент-Джон в образование.

Таково плачевное состояние американского образования на сегодняшний день, несмотря на жизнерадостные заявления и программы некоторых чиновников.

Не так давно президент Батлер красноречиво рассказал в своем ежегодном отчете о первостепенной важности интеллектуальных предметов и намерении работать над повышением уровня письма и чтения среди студентов. Затем он подытожил свои размышления о традиции обучения в одном-единственном абзаце.

Только ученый-гуманитарий способен понять, как мало слов и мыслей в современном мире содержат хоть что-то новое. Колоссальный триумф греков и римлян, гуманитарное подвижничество великих средневековых мыслителей заключались в постижении глубин едва ли не любой проблемы человеческой природы; в истолковании наших помыслов и стремлений с поразительной полнотой и проницательностью. К сожалению, эти удивительные познания, которые могли бы руководить жизнью цивилизованных людей, известны очень немногим, тогда как большинство из нас одинаково воспринимают как древнюю очевидную ложь, так и древнюю проверенную истину — они обе привлекательны своей новизной.

Если бы эти люди еще в школах и колледжах научились читать книги, составляющие культурное наследие человечества, они могли бы стать более счастливыми. Но пока что ничего подобного не происходит нигде — ни в Колумбии, ни в Гарварде, ни в Принстоне, ни в Йейле, ни в Калифорнийском университете. Никто до сих пор не говорил об этом чаще, чем доктор Батлер, который более чем ясно обрисовал свой план реформы учебной программы колледжа, направленный на достижение целей гуманитарного образования.

Почему так происходит? Тому есть масса причин. Не последняя среди них — всем известная заинтересованность по инерции. Отрицательную роль играет и то, что большинство преподавателей колледжа предпочитают развиваться в узкоспециализированной сфере, игнорируя гуманитарное образование в целом. Кроме того, сказывается неуместное преувеличение важности научного метода и последних открытий. Существует и другая причина, которая состоит в общем апатичном отношении к чтению и происходит от недостатка понимания его сущности. Я не раз задавался вопросом, могла ли измениться ситуация, если бы преподавательский состав научился читать великие книги? Я имею в виду не только тех, кто занимает особую академическую нишу, а всех учителей страны.

- 7 -

Описанная мной ситуация сложилась не только в учебных заведениях, но и за их пределами. Общество платит за образование — оно должно быть удовлетворено полученным результатом. Есть только два объяснения, почему до сих пор не начались массовые протесты: либо это не волнует общество, либо оно не понимает, что именно идет не так. В первое не верится. Стало быть, причина во втором. Система образования и культура, в которой оно существует, поддерживают друг друга.

Это тоже определенный порочный круг. Думаю, его можно разорвать методичной работой со взрослыми, объясняя им проблемы школ, в которые сейчас отправляются их дети. Одной из первых задач при этом

станет потребность донести до них пользу от чтения книг и суть гуманитарного образования с точки зрения чтения и письма. Я бы скорее попытался преодолеть апатию общества, чем обратился к некоторым из коллег в сфере образования.

То, что широкая публика относится к чтению с апатией, вопросов не вызывает. Вам это известно, и потому нет смысла объяснять. Издатели книг тоже это знают. Но может, вам было бы интересно услышать, что они говорят о вас — о широкой публике, своей целевой аудитории? Тогда позвольте процитировать выдержки из обращения одного издателя к своим коллегам. Оно было опубликовано в еженедельном специализированном журнале.

Сначала этот издатель говорит, что «выпускники колледжей, не умеющие читать, — это приговор американским методам образования и постоянное испытание для издательств и книжных магазинов страны. Множество преподавателей колледжей не умеют читать, но еще больше тех, чье равнодушие к чтению можно отнести к профессиональным заболеваниям».

Он верно понимает суть проблемы:

«Студентов учат преподаватели, пострадавшие от такого же образовательного невежества. Теперь они сами открыто или бессознательно испытывают отвращение и отсутствие интереса к чтению... Поэтому ежегодно мы наблюдаем одну и ту же картину: из ворот колледжа выходит юный незрелый бакалавр, который, вместо того чтобы вступить на путь дальнейшего совершенствования и стремиться всю

жизнь учиться и читать, бежит от образования, как от чумы».

Далее он призывает издателей и владельцев книжных магазинов сделать свой вклад в привлечение нации к чтению: «Если пять миллионов выпускников в этой стране будут тратить на чтение книг хотя бы на десять процентов больше времени, это даст грандиозный результат. Если бы люди в целом чаще меняли питательный рацион для своих мозгов или перезаряжали свои умственные батарейки так же регулярно, как сегодня покупают новые игральные карты взамен истрепавшихся, наша страна могла бы хоть как-то возродиться... Сейчас нас никак нельзя назвать читающей страной. Мы беспомощно хватаемся за журналы и, словно наркотиками, накачиваемся низкопробными фильмами...

Иногда люди восторгаются яркими бестселлерами, такими как «Очерк истории», «История философии», «Искусство мысли» или «География Ван Луна» — книгами, которые продаются сотнями тысяч экземпляров и порой завоевывают миллионную аудиторию. Могу сказать: «Этого недостаточно!» Глядя на данные переписи населения, я вижу интеллектуальную вялость большинства студентов и восклицаю: «Ждите, когда же выпускники начнут читать!» Я искренне аплодирую Уолтеру Питкину^[16] за совет, который он дает выпускникам в день вручения дипломов: «Не продавайте книги и сохраняйте свои дипломы. Если что — продайте дипломы, если их кто-то купит, но оставьте себе книги».

¹⁶ Уолтер Питкин (1878—1935) — американский писатель, автор романа «Жизнь начинается после сорока» (1932).

В целом выпускники слишком часто используют свои дипломы как официальное право, «обосновавшись» на интеллектуальном пути, прекратить мыслить самостоятельно и покупать себе книги. Еще один издатель как-то сказал: «Миллионы людей, которые умеют читать — и при этом читают газеты и журналы, — никогда не станут читать книги». Он отмечает, что их можно было бы заинтересовать чтением книг, если бы эти книги стали больше похожи на журнальные статьи, то есть стали короче, проще и в целом удобнее для чтения на бегу. Подобный план под названием «Общественная библиотека» был заявлен как «научный способ увеличить масштабы чтения серьезных книг» и, на мой взгляд, дискредитировал свою цель. Нельзя призывать людей к высокому, опускаясь до их уровня. Они будут удерживать вас там, — поскольку вам легче остаться внизу, чем им — подняться.

Добиваться перемен нужно иначе. Нельзя делать книги менее похожими на книги, а людей — более похожими на читателей. План «Общественной библиотеки» столь же бесполезен для устранения причин ситуации, которую его авторы пытаются исправить, как и стенания представителей Гарварда по поводу засилья частных школ. Последние до сих пор не понимают, что их единственный выход — поднять образование в Гарварде выше уровня подготовки студентов в этих школах.

Издателей волнует не столько чтение великих книг, сколько чтение новых произведений, которые можно публиковать при наличии читателей. Но они знают — или, по крайней мере, должны знать, — что эти два рода литературы взаимосвязаны. Способность и желание читать ради открытия — это то, без чего невозможно серьезное чтение. Возможно, данная последовательность

работает и в обратном направлении. Читатель может перейти от хороших современных книг к великим — и наоборот. Я уверен, что человек, идущий по первому пути, в конце концов выйдет и на второй. Думаю, что вероятность такого развития событий станет выше, если он прочтет хотя бы одну великую книгу и насладится мастерством автора.

- 8 -

Такова моя горестная повесть. Немало стенаний и зубовного скрежета слышалось отовсюду, когда речь заходила о судьбе нации. Если вам не нравятся мои слова — можете горевать о «новом положении вещей». Или вы тот самый пессимист, который скажет, что «так было всегда»? Но я не соглашусь с подобным утверждением. В европейской истории были времена, когда уровень чтения существенно превышал сегодняшний.

Например, хорошо известен период в конце Средних веков, когда люди умели понимать текст лучше, чем самые сильные современные читатели. Конечно, тогда было меньше грамотных людей, у них было меньше книг, и люди больше зависели от книг как от источника знаний. Однако они умели усваивать книги, которые ценили, а мы сегодня лишены этого таланта. Возможно, мы не уважаем ни одну книгу так, как они ценили Библию, Коран или Талмуд, тексты Аристотеля, диалоги Платона или «Институции» Юстиниана. Какими бы ни были эти люди, но именно они подняли искусство чтения на высочайший для их времени уровень.

Нам давно пора преодолеть глупые предрассудки по поводу Средних веков и обратиться к толкованиям текстов Евангелий, рассуждениям о трудах Юстиниана и комментариям к работам Аристотеля как к совершенным образцам чтения. Толкования и комментарии никогда не являлись сжатыми пересказами. Они представляли собой аналитическое и интерпретационное прочтение великих текстов. Должен признаться, что я сам много нового узнал о литературе, изучая именно средневековые комментарии. Правила, о которых я расскажу, были сформулированы мной после осознания того, как средневековые учителя читали книги со своими студентами.

По сравнению с великолепием двенадцатого и тринадцатого веков современная эпоха интеллектуально тяготее к смутным временам шестнадцатого-семнадцатого столетий. Тогда библиотеки сжигали или закрывали. Становилось меньше книг и меньше читателей. Сегодня в нашем распоряжении больше книг и библиотек, чем когда-либо в истории человечества. В определенном смысле людей, умеющих читать, тоже больше. Но настоящее значение имеет чтение в истинном смысле. Посчитав количество читающих ради понимания, можно смело закрывать библиотеки и останавливать печатные станки.

Но мы живем в эпоху демократии, скажете вы. Принципы нашего общества гуманны: пусть большинство граждан читает хоть немного, нежели меньшинство — читает хорошо. В этом, безусловно, есть доля истины. Настоящее участие в демократическом процессе самоуправления требует определенного уровня грамотности. Оставим на время эпоху позднего Средневековья и проведем сравнение дня сегодняшнего

с восемнадцатым веком, который стал своего рода веком просвещения и задал соответствующие стандарты. Демократизация общества началась уже тогда. Лидеры этого движения — в США и за пределами страны — имели отличное гуманитарное образование, которого не получишь ни в одном современном колледже. Люди, написавшие и утвердившие Конституцию, умели читать и писать.

Сегодня государством приняты меры для более интенсивного распространения массового образования по сравнению с восемнадцатым веком. Но при этом образование ни в коем случае не должно утратить свою гуманитарную составляющую. Если мы хотим защититься от любых внешних угроз, необходимо на каждом уровне и для всех членов общества возродить традиции того самого гуманитарного образования — ведущего через дисциплину к свободе и позволившего когда-то демократии одержать победу в нашей стране.

Достаточно прочесть труды Джона Адамса и Томаса Джефферсона, Гамильтона, Мэдисона и Джея^[17], чтобы понять, что они умели читать и писать лучше нас и наших современных лидеров. Кстати, исследование программы колониальных колледжей хорошо помогает разобраться в причинах. Там сохранены традиции, которые убеждают нас в том, что когда-то и в нашей стране существовало гуманитарное образование. Демократия в то время еще не созрела до уровня распространения народного образования.

¹⁷ Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон, Джон Джей — соавторы цикла «Федералист», задуманного в 1787 г., чтобы объяснить жителям штата Нью-Йорк преимущества Конституции. Всего авторами было опубликовано 85 статей иод общим псевдонимом «Публий».

Сегодня по-прежнему справедливо утверждение, что одна часть общества нуждается в профессиональной подготовке, а вторая — в гуманитарном образовании. Даже в самом демократическом государстве должны быть лидеры, и надежность системы в любое время зависит от масштаба их личности и степени либеральности. Если мы не хотим иметь лидеров, бахвалящихся своим эмоциональным мышлением, необходимо возвращать в людях уважение к тем, кто способен мыслить разумом, освобожденным дисциплиной.

И еще одно. Среди либерально настроенных деятелей в сфере образования нередки разговоры об угрозе возвращения фашизма, опасности догматизма и строгой регламентации. Я уже говорил, что многие из них путают дисциплину с прусской муштрой и шагистикой. Путают власть, которая является не чем иным, как голосом разума, с самодержавием и тиранией. Но их самая печальная ошибка касается догматизма. Эти люди, как и многие из нас, не знают, что такое слушать и слушаться учителя.

Умение слушать преподавателя — это возможность учиться. Обучаемый человек обладает способностью учиться и должен активно ее развивать. Чем больше усилий прилагает человек, обучаясь у одушевленного или неодушевленного преподавателя, чем искуснее овладевает тем, что сам преподает, тем легче ему дается дальнейшее обучение. Поэтому послушание учителю — это полная противоположность пассивности и легковерию. Студенты, которые не склонны к подобному послушанию, обычно спят на занятиях и более всего подвержены внушению. Они не умеют учиться, слушая и читая, а потому лишены возможности активно воспринимать то, что им сообщается. В результате они не

получают ничего или же имеют только то, что впитывают, не подвергая сомнению.

В начале образовательного процесса мы пренебрегаем чтением, арифметикой и письмом, немного позже — гуманитарными науками. Такое современное образование в целом нельзя считать гуманитарным. Это скорее внушение, чем дисциплина и обучение. Нашим студентам постоянно внушают массу предрассудков и «разжеванной» информации. Их «откармливают» и лишают воли на радость демагогам. У них сильно снижена способность сопротивляться ложным авторитетам, которые паразитируют на навязывании своего мнения окружающим. Не обладая «гуманитарным иммунитетом», они охотно день за днем будут проглатывать скрытую пропаганду в заголовках местных газет.

Даже если навязанные догмы разумны и демократичны, нынешнее бездействие потенциально опасно, поскольку учебные заведения не развивают в своих студентах способность к независимому суждению, пренебрегая дисциплиной. Выпускники колледжей остаются крайне уязвимыми и не могут противостоять внушению более сильных ораторов, поддаваясь склонности следовать своим низким порывам.

Наше образование скорее демагогично, нежели демократично. Хороший оратор в классе не спасет от грядущего столкновения с оратором на трибуне или в прессе того студента, который не научился мыслить самостоятельно, уважать разум как единственный критерий истины, выходить за рамки местного жаргона и стандартных ярлыков.

Наше спасение заключено в заповеди из «Книги общей молитвы»^[18]: «Читайте, выделяйте важное, учитесь и растите духовно».

Глава шестая. О самосовершенствовании

← ————— →
- 1 -

Я раскрыл все свои карты. Теперь вы знаете, что у меня были все основания написать книгу, помогающую людям учиться читать. Долгие годы я наблюдал за порочным кругом, в котором постоянно происходит одно и то же, и спрашивал себя, как его разомкнуть. Казалось, это безнадежная затея. Сегодняшние преподаватели учились у вчерашних и будут учить завтрашних. Современное общество училось в школах вчерашнего и сегодняшнего дня; нет причин ожидать, что эти школы изменятся завтра, если общество не чувствует и не знает по личному опыту разницу между настоящим образованием и нынешней профанацией. Это «если» стало для меня ключом к разгадке. Почему нельзя сделать его достоянием человеческого опыта, вместо того чтобы полагаться на чьи-то слова и противоречивые свидетельства не согласных между собой специалистов.

Можно. Если бы за пределами школы люди каким-то образом получили то образование, которое упустили в ее стенах, у них появилась бы мотивация сломать существующую образовательную систему. Умея читать,

¹⁸ The Book of Common Prayer, главная книга англиканской церкви, по которой совершаются основные богослужения и таинства. Впервые была подготовлена архиепископом Кентерберийским Томасом Кранмером в 1549 г. под названием «Первый молитвенник Эдуарда VI». Впоследствии ее содержание неоднократно изменялось.

они могли бы получить упущенное образование. Вы следите за ходом моих мыслей? Порочный круг можно было бы разомкнуть, если бы широкая публика имела более качественные знания, чем выпускники стандартных школ и колледжей. Он разомкнулся бы в той точке, где люди полностью осознали бы, какой уровень грамотности хотят дать своим детям. Тогда на них уже больше не подействовали бы никакие пропагандистские ухищрения чиновников от образования.

Нельзя научить читать того, кто не может помочь себе сам. Данное правило применимо и к любому другому навыку. Ведь той помощи, которую предложу я или кто-либо еще, все равно недостаточно. В лучшем случае это может стать неплохим дистанционным руководством, которое заключается во всевозможных правилах, примерах и советах. Но вы должны хотеть принимать советы и следовать правилам. Вы не продвинетесь дальше, чем желаете. Следовательно, мой дьявольски изощренный план не сработает без вашей поддержки на ранних стадиях. Добившись того, что вы начнете читать, я предоставляю событиям развиваться естественным образом и буду вполне уверен в окончательном результате.

Я глубоко убежден, что любой, кто почувствует вкус именно того образования, за которое борется мистер Хатчинс и которое стремятся давать в колледже Сент-Джон, захочет приобщить к нему и других. И в первую очередь, конечно же, собственных детей. Неудивительно, что самыми яростными противниками этой программы являются профессиональные деятели образования, которых такое образование, видимо, полностью обошло стороной.

Речь идет не только о реформе всей системы обучения. Состояние демократии и всех институтов свободы, которые мы неустанно совершенствуем в нашей стране с момента ее образования, тоже оказывается под большим вопросом. Когда мистер Уолтер Липпманн^[19] прочел книгу «Образование отцов-основателей Республики», его поразило, что «люди, создавшие современный мир, получали образование старомодным путем». Он как раз и имел в виду путь получения знаний через искусство письма и чтения великих книг.

Мистер Липпманн, который вполне достойно окончил Гарвард, объяснил свое удивление тем, что никогда не ставил под сомнение стандарты своего поколения, считая их эталонными. Его позицию можно оправдать тем, что после Гарварда он прочел массу великих книг. Это некоторым образом отразилось на его взглядах:

«Примечательно, что нашу свободу обеспечили такие образованные люди, в то время как мы, в силу меньшей образованности, скорее всего, неверно ею распоряжаемся и рискуем ее утратить. Постепенно я пришел к выводу, что это единственно верный ответ на главный вопрос нашей эпохи — мы теряем свободу, поскольку лишаемся возможности получать образование свободных людей».

Теперь вы понимаете, почему я считаю, что чтение — это невероятная сила, которая способна не только

¹⁹ Уолтер Липпманн (1889—1974) — выдающийся американский журналист, дважды лауреат Пулитцеровской премии, в молодости увлекался идеями социализма. Автор книги «Общественное мнение» (1922).

разрушить порочную школьную систему, но и стать основой для защиты наших свобод?

- 2 -

Некоторое время я сомневался, говорить ли о самосовершенствовании. Фактически я даже не был уверен в необходимости писать эту книгу, поскольку имел нечто вроде предубеждения в отношении книг, посвященных самосовершенствованию. Их названия всегда напоминали мне рекламу готовых лекарств. Стоит только начать регулярно принимать его в малых дозах — и вы излечитесь от всех болезней. Мир будет спасен, а значит, и вы тоже. Все зависит от вас. В своей академической безмятежности я был далек от столь топорных средств. Когда пишешь для своих ученых коллег, то обычно обходишься без подобных лозунгов, быть может, потому что не ожидаешь от этих читателей стремления к самосовершенствованию.

У меня было две причины спуститься с небес на землю. Во-первых, можно пребывать в состоянии безмятежности бесконечно долго, но когда видишь, до какой степени сегодня балом правят обман и подделки, сохранение такой безмятежности начинает напоминать застой в сумасшедшем доме. Во-вторых, я видел, какими бывают результаты образования взрослых. Действительно видел. Любой, кто преподает взрослым, знает, что должен апеллировать к идее самосовершенствования. Никто не следит за тем, как взрослые выполняют задания. Не существует экзаменов и курсов, не предусмотрено никакой внешней дисциплины. Человек, который учится по окончании колледжа,

внутренне дисциплинирован. Он делает это не ради оценки, а для самоуважения.

Чтобы оставаться полностью честным, я должен сделать одно предостережение. Книги для самоусовершенствования, которые обещают больше, чем могут дать, — это фальшивки. Как я уже говорил, ни одна книга не может помочь в обретении навыка лучше, чем учитель или тренер, который проводит вас за руку через все этапы.

Позвольте мне теперь кратко изложить все условия продуктивного самосовершенствования. Искусством или навыком всегда обладают те, кто сформировал привычку следовать правилам. По сути, именно это отличает мастера от аутсайдера в любом деле. У него есть привычка, которой не хватает остальным. Надеюсь, вы понимаете, какой смысл я вкладываю в слово «привычка». Речь, конечно, не о наркотической зависимости. Мастерство игры в гольф или в теннис, техника вождения автомобиля или приготовления супа — это привычка. Вы приобретаете ее, выполняя шаги, которые составляют этот вид деятельности.

Не существует иного способа сформировать привычку к действию, кроме повторения самого действия. Вот что означает выражение «навык — дело практики». Ваши действия до и после приобретения привычки отличаются степенью легкости и быстроты. Именно об этом пословица «Повторенье — мать ученья». То, что сначала получалось плохо, вы постепенно начинаете делать все лучше и лучше — почти автоматически и инстинктивно. У вас появляется ощущение, будто вы умеете это делать с пеленок, будто для вас это так же естественно, как ходить или есть.

Помните известную поговорку «Привычка — вторая натура»?

Ясно одно. Знать правила выполнения действия — еще не означает иметь привычку. Называя человека профессионалом в какой-то области, мы подразумеваем не то, что он выучил определенные правила, а то, что у него сформировалась привычка к действию, хотя знание правил необходимо для обретения навыка. Нельзя следовать правилам, которые вам неизвестны. Невозможно приобрести привычку к какому-либо ремеслу или навыку, не следуя правилам. Мастерство как предмет освоения состоит из привычки, которая появляется в результате действия по правилам.

Все, что я говорил о приобретении навыка, касается и искусства чтения. Но между чтением и прочими навыками есть одно различие. Чтобы приобрести навык, необходимо знать правила, которые предстоит выполнять. При этом совершенно не обязательно всегда полностью понимать эти правила. То есть, обучаясь вождению автомобиля, вы должны знать правила управления, но не обязаны разбираться в работе двигателя. Другими словами, когда мы говорим *понимать* правила, то имеем в виду *знать что-то помимо* правил. Знать научные принципы, лежащие в основе правил. Если вы хотите уметь ремонтировать автомобиль, а не только управлять им, вам придется изучать принципы его устройства, и тогда вы поймете правила управления лучше многих водителей. Однако если подобное понимание правил станет обязательным при сдаче экзамена на получение прав, в автомобильной отрасли начнется такой кризис, по сравнению с которым Великая депрессия покажется бурным экономическим ростом.

Различие между чтением и вождением состоит в том, что первое — это скорее умственное, то есть интеллектуальное искусство, а второе — прикладное. Конечно, правила любой деятельности в некоторой степени являются умственными. Однако нам известны исключительно интеллектуальные виды деятельности. К таковым как раз и относится чтение, которое — наряду с письмом, научными исследованиями и созданием музыки — считается интеллектуальным искусством. В данном случае для практики более важно не только знать правила, но и понимать их.

Более важно, но — повторяюсь — не обязательно. Это скорее вопрос масштаба. Если вы хотите сформировать привычку к этой умственной деятельности, вам необходимо *некоторое* понимание правил чтения, но не требуется разбираться в них досконально. Если бы полное понимание было необходимо, вся эта книга стала бы сплошным обманом. Чтобы идеально понять правила чтения, нужно в совершенстве владеть грамматикой, риторикой и логикой. Наука о механике автомобиля лежит в основе правил вождения и ремонта, а упомянутые гуманитарные науки являются фундаментом правил гуманитарного искусства, управляя принципами чтения и письма.

Возможно, вы заметили, что иногда я говорю о чтении и письме как о гуманитарных науках, а иногда называю таковыми грамматику, риторику и логику. В первом случае я имею в виду действия, правила, выполнения которых помогают нам достичь успеха; во втором — сами правила, которые руководят этими действиями. Кроме того, мы знаем, что грамматику и логику иногда считают науками, а иногда — искусствами, и потому правила деятельности, предписанные

искусствами, мы можем понять только благодаря принципам, лежащим в их основе и изученным соответствующими науками.

Наша книга была бы в десять раз толще, если бы в ней излагались все науки, объясняющие правила чтения и письма. Если бы вы начали изучать эти науки исключительно ради понимания правил и формирования привычек, вы никогда не дошли бы до применения данных правил и привычек на практике. Именно так происходит со многими специалистами в области логики и грамматики, которые всю жизнь изучают свои науки. Они не учатся читать и писать. Именно поэтому курс логики как науки, даже если его сделать обязательным для всех студентов, не решит проблему. Я встречал множество студентов, которые посвятили не один год изучению логики как науки, но при этом не умели как следует читать и писать. По сути, они даже не знали правил чтения и письма, не говоря уже о привычке действовать по этим правилам.

Однако нам известно решение задачи. Мы начнем с правил — принципов, напрямую управляющих действиями, которые необходимо выполнять хорошему читателю. Я постараюсь сделать их максимально понятными при кратком рассмотрении, но не буду углубляться в тонкости и нюансы научной грамматики и логики. Достаточно и того, что вы будете знать: правила не исчерпываются описанием в данной книге, и чем больше вы будете знать об основных принципах, тем лучше будете их понимать. Возможно, если вы научитесь читать с помощью этой книги, то в дальнейшем сможете читать книги по грамматике, риторике и логике.

Я считаю, что это разумный процесс. В целом он не всегда таков, но для чтения подходит идеально. Если вы изначально не умеете хорошо читать, то не сможете этому научиться, приступив к процессу с освоения научных книг по грамматике и логике. Вы просто не сможете их как следует понять или применить на практике, формулируя соответствующие правила самостоятельно. Будьте честны сами с собой — и это позволит еще на старте избежать претензий по поводу результатов. Если мне приходится объяснять какое-то правило поверхностно или неточно — что иногда просто неизбежно, — я обязательно акцентирую на данном факте внимание своей аудитории.

Должен предупредить вас еще об одном моменте. С помощью этой книги вы не научитесь читать. Разве реально научиться водить машину только по инструкции к ней? Уверен, что вы осознаёте важность практики. Возможно, вы рассчитываете сразу перейти к делу и заняться чтением, как только узнаете правила. Если так, вы будете разочарованы. Я хочу предотвратить это, поскольку разочарование — прямой путь к отказу от цели.

Не стоит брать список правил в одну руку, а книгу для чтения — в другую, пытаясь сразу же читать так, будто вы уже овладели навыком. Это опасно для душевного равновесия, так же как и первая самостоятельная поездка в автомобиле с инструкцией по вождению в руках. В обоих случаях действие из неуклюжего, нескоординированного, трудоемкого и мучительного процесса становится плавным, грациозным, легким и приятным только после долгих часов практики. Если сразу ничего не получится, удовольствие от практики подтолкнет вас к следующей попытке. В

предисловии к книге Аарона Копленда^[20] «Что слушать в музыке» я прочел такие слова:

«Все авторы книг о понимании музыки единодушны в одном: нельзя увлечь человека искусством только на основе чтения книг о нем. Если вы хотите лучше понимать музыку, нужно слушать ее. Этого не заменит ничто. Все, что я хочу сказать в этой книге, касается опыта, который можно получить только вне ее чтения. Следовательно, вы лишь зря потратите время на данную книгу, если не имеете твердого намерения слушать гораздо больше музыки, чем раньше. Любой из нас, будь он профессионалом или любителем, постоянно стремится углубить собственное понимание этого искусства. Иногда книга может помочь. Но главный способ — слушать музыку — ничем заменить нельзя».

Замените слова в последнем предложении. Пусть «музыкой» станет «книга», а «слушание» «чтением», и вы без труда узнаете в словах мистера Копленда мой совет о применении правил, которые я собираюсь рассмотреть. Изучение правил полезно, но чтение книг — первостепенно.

Вы спросите: «Как я пойму во время чтения, что действую по правилам? Как определяю, что прилагаю достаточно усилий, чтобы не плыть по течению, читая пассивно и неаккуратно? По каким признакам я узнаю, что читаю более вдумчиво?»

²⁰ Аарон Копленд (1900—1990) — американский композитор, пианист, дирижер и педагог.

На эти вопросы есть множество ответов. С одной стороны, вы должны сами чувствовать прогресс, начиная понимать то, что вначале казалось недоступным. С другой стороны, зная правила, вы всегда можете сверять результат своего чтения, как сверяется сумма столбца чисел. Сколько шагов, предписываемых правилами, вы предприняли? Можно оценивать свои достижения с точки зрения точного следования методикам, продолжая оттачивать свои навыки и подниматься на должный уровень.

Самый явный признак того, что вы читаете правильно и эффективно, — это *усталость*. Настоящее чтение требует интенсивной работы ума. Я далеко не расслабленный человек, но раньше нередко обнаруживал, что читаю вяло и пассивно. Частенько я не мог читать более нескольких часов подряд, но за это время, как правило, удается прочесть немного. Обычно настоящее чтение — это тяжелая и медленная работа. Наверняка есть люди, читающие качественно и быстро, но я к таковым не отношусь. Тем более что сама по себе скорость неважна. Главный фактор — это активность. Пассивное чтение не приносит плодов. Оно использует мозг, как промокательную бумагу.

- 3 -

Руководствуясь собственными стандартами чтения, я считаю, что прочел немного. Безусловно, я получал нужную мне информацию из массы книг, но не всегда стремился к их пониманию. Некоторые книги я часто перечитывал, это было легче, чем читать впервые. Возможно, вы поймете мою мысль, если я скажу, что

сейчас читаю ради понимания в течение года не более десяти книг из числа тех, которые не открывал раньше. Времени у меня теперь существенно меньше, но эта работа была и остается для меня самой сложной. Я редко занимаюсь ею в мягком кресле своей гостиной, опасаясь чересчур расслабиться и уснуть. Я читаю за рабочим столом, почти всегда с карандашом и блокнотом.

Из этого следует еще один признак, по которому можно определить, действительно ли вы работаете над чтением. Помимо усталости должен существовать видимый результат интеллектуальной деятельности. Обычно людям свойственно основные процессы мышления выражать словами. Мы привыкли вербализировать собственные мысли, вопросы и суждения, которые возникают в процессе чтения. Читая, вы непременно думаете, а потому у вас всегда есть то, что можно выразить словами. Отчасти я считаю чтение медленным процессом, потому что веду дневник своих скромных интеллектуальных достижений. Я не могу перейти на следующую страницу, если не запишу мысль, которая пришла мне в голову при чтении текущей.

Некоторые люди так хорошо владеют памятью, что не нуждаются в записях. И все же это вопрос индивидуальных особенностей. Я считаю более эффективным не загружать память во время чтения и делать заметки на полях книги или в блокноте. Процесс работы памяти можно запустить позже, и, конечно, это необходимо. Но правильнее будет не смешивать ее с работой по пониманию замысла автора как главной цели чтения. Если вы похожи на меня — а не на тех, кто может читать и запоминать одновременно, — то сможете

определить, что читали активно, по объему своих записей.

Некоторым нравится делать заметки на обложке или последних страницах книг. Такие читатели, как и я, понимают, что данный способ позволяет, лишний раз не перечитывая текст, восстановить основные мысли автора, которые хотелось запомнить в процессе чтения книги. Из-за собственных подчеркиваний и заметок вы, вероятно, неохотно будете одалживать свои книги окружающим. Эти «заметки на полях» станут частью вашей интеллектуальной автобиографии, и, скорее всего, вам не захочется делиться ими ни с кем, кроме близких друзей. Но у меня, например, редко возникает желание так много рассказывать о себе даже друзьям. Тем не менее делать заметки при чтении очень важно, и вас не должны отпугивать возможные социальные последствия.

Если по той или иной причине вы относитесь с предубеждением к заметкам в книге, используйте блокнот. Тогда возникает проблема хранения этих записей для дальнейшего использования, при условии, что вы делаете достаточно заметок во время чтения. На мой взгляд, писать в книге наиболее эффективно и приятно при первом прочтении, хотя потом иногда приходится делать более подробные записи на отдельных листах бумаги. Эта процедура необходима, если вы создаете развернутое резюме книги.

Но какой бы способ в конечном итоге вы ни избрали, оценить себя как читателя можно, просмотрев собственные записи, сделанные в ходе чтения книги. Не забудьте, что количество заметок здесь не играет никакой роли. Есть разные виды чтения, и — соответственно — есть разные виды заметок. Только

прошу вас — не делайте свои заметки похожими на студенческие конспекты. В них отсутствует запись мыслей. В лучшем случае конспект оказывается добросовестно выполненной копией слов учителя. Позже он становится тем, что метко названо «легализованной шпаргалкой и школьным плагиатом». Именно поэтому, выбрасывая свои конспекты по окончании экзаменов, вы ничего полезного не теряете. Делать заметки вдумчиво так же сложно, как и вдумчиво читать. По сути, одно может быть проявлением второго, если записки, сделанные во время чтения, содержат настоящие мысли.

Каждое действие в процессе чтения требует своего движения мысли, а значит, записи, сделанные на разных стадиях процесса, должны отражать разные акты мышления. При попытке осознать всю структуру книги можно сделать несколько пробных набросков по основным ее частям, пока не появится целостная картина. Всевозможные схемы и диаграммы полезны для выделения основных мыслей. Делая заметки в книге, помните — всегда полезно подчеркивать ключевые слова и предложения по мере их появления в тексте. Более того, следует отмечать смежные значения, перечисляя отрывки, в которых ключевые слова используются в разных смыслах. Если автор противоречит сам себе, стоит отметить эти моменты, а также контекст, указывающий на очевидность противоречий.

Нет смысла дальше перечислять возможные типы заметок. В процессе чтения их будет множество. Моя мысль состоит в том, что вы можете определить эффективность собственной работы над текстом по записям, сопровождающим чтение какой-либо книги.

Попробую схематизировать процесс создания заметок. Приступив к чтению первых глав данной книги, я сделал бы краткий конспект, чтобы прояснить значение слов «чтение» и «обучение», а также выявить, как они коррелируют между собой и с другими понятиями.

Типы чтения:

- I. Ради развлечения.
- II. Ради познания.
 - A. Ради информации.
 - B. Ради понимания.

Типы обучения:

- I. Путем открытий: без учителя.
- II. Путем получения знаний от другого: с помощью учителя.
 - A. У одушевленных учителей: лекции; слушание.
 - B. У неодушевленных учителей: книги; чтение.

Таким образом, *чтение II (A и B) — это обучение II (B).*

Книги тоже бывают разных типов:

Типы книг:

- I. Пересказы и повторения содержания других книг.

II. Оригинальные сообщения.

Получается, что:

чтение II (А) ближе к книгам I.

чтение II (В) ближе к книгам II.

Подобная схема позволила бы мне изначально составить четкое представление о важных различиях, вводимых автором. Я бы периодически обращался к ней во время чтения, чтобы в процессе дальнейшей работы с текстом наблюдать за ее смысловым наполнением, добавлять различия и делать выводы из предпосылок, возникающих на основе этих различий. Например, отличие методов работы первичных и вторичных учителей коррелирует с основными различиями двух типов книг.

- 4 -

Мы с вами пока не готовы перейти к следующей части книги, в которой будут рассмотрены правила чтения. Если вы внимательно прочли оглавление, то знаете, что вас ждет впереди. Если вы похожи на многих известных мне читателей, то, скорее всего, вообще не обратили внимания на оглавление или в лучшем случае прочли его наискосок. Тем не менее оглавление — это аналог карты. Оно не менее полезно при первом прочтении книги, чем географическая карта для путешествия по незнакомой местности.

Допустим, вы снова просмотрели оглавление. И что же вы обнаружили? Все верно — в первой части книги, которую вы как раз дочитали, рассматривается вопрос о том, что такое чтение в целом. Ее вторая часть полностью посвящена правилам чтения. А в третьей изучается отношение чтения к другим аспектам жизни. (Об этом, кстати, написано и в предисловии.)

Вы могли даже догадаться, что в каждой главе, кроме первой, есть материалы, посвященные формулировке и описанию одного или нескольких правил чтения с соответствующими примерами из практики. Но по названиям глав нельзя определить, как эти правила делятся на группы и как группы соотносятся друг с другом. На самом деле данной проблеме будет посвящена первая глава следующей части. Здесь я могу сказать одно: различные группы правил соответствуют разным подходам к чтению книги:

- как к сложной структуре, имеющей некую целостность и упорядоченность,

- как к объекту с точки зрения изучения лингвистических элементов,

- как к предмету с точки зрения понимания возможного диалога автора и читателя.

Наконец, нам может быть интересно, какие еще существуют книги о чтении и как они связаны с данной книгой. Я уже рассказывал о книге И. Ричардса «Интерпретация в преподавании». В ней главным образом обсуждаются правила чтения второго типа и более фундаментально исследуются правила грамматики и логики. Профессор Тэнни из Корнелла, о котором я также упоминал в первой главе, написал книгу «Разумное чтение». Она тоже посвящена правилам

чтения второго типа, хотя определенное внимание уделяется в ней и третьему типу. Его книга содержит различные упражнения в чтении и сравнительно простые грамматические задания. Ни в одной из известных мне книг, посвященных данной проблематике, не рассматриваются правила первого типа чтения, а значит, ни в одной из них не идет речь о проблеме *прочтения всей книги*. Скорее можно говорить об интерпретации отрывков и отдельных текстов.

Кто-то скажет, что последние опубликованные книги по семантике также могут быть полезны. Насчет этого у меня есть сомнения, о причинах которых я уже говорил. Я почти уверен, что многие из этих трудов нужны и полезны, чтобы показать, как не надо читать книги. Руководствуясь их идеями, большинство книг вообще не стоит читать, особенно великие книги прошлого, или даже книги современных авторов, не прошедшие горнило семантического «очищения». На мой взгляд, это ошибочный подход, напоминающий предвзятое отношение суда к человеку, которого считают преступником. Мне кажется, всегда следует исходить из того, что автор доступен для понимания, если не доказано обратное. И уж совсем последнее дело — голословно винить его в написании бессмыслицы, требуя, чтобы он доказывал свою невиновность. Единственный способ определить «степень вины» автора заключается в том, чтобы приложить все усилия к его пониманию. Пока это не сделано, у вас нет права выносить окончательный приговор. Если бы вы сами создавали книги, то поняли бы, почему именно таким должно быть золотое правило общения с любым автором.

Часть II. Правила

Глава седьмая. От множества правил к единому навыку

- 1 -

На стадии обучения чтению вам придется читать книгу несколько раз. Минимум трижды, если книга заслуживает внимания.

Чтобы вас понапрасну не пугали такие требования, сразу замечу, что хороший читатель может одновременно прочесть книгу три раза. Это не обязательно означает «три раза подряд». Строго говоря, я имел в виду три способа чтения книги, которые следует применять каждый раз при желании прочесть книгу по-настоящему. Количество возможных прочтений с пользой отчасти зависит от самой книги, а отчасти — от ваших читательских качеств, гибкости ума и усердия.

Повторяю, читать тремя способами последовательно придется только в начале. Не набравшись опыта, трудно объединить множество шагов в единую отлаженную схему действий. На первых порах будет нелегко складывать различные аспекты деятельности, как фрагменты пазла, в одно целое. Каждый из них потребует исключительного внимания и усердия. Длительная практика даст свободу и легкость в их применении. Постепенно вы научитесь без усилий объединять эти способы в единое целое.

На самом деле я не сказал ничего нового о принципах освоения сложного навыка. Я просто хочу, чтобы вы осознали: учиться читать не менее сложно, чем учиться печатать на машинке или играть в теннис. Если вы вспомните, как терпеливо учились чему-то другому, то будете более снисходительны к своему наставнику, когда он наконец огласит длинный список правил чтения.

Психологи-исследователи уже давно разложили весь процесс обучения «по полочкам». Графики успеваемости, которые они нарисовали в результате бесчисленных лабораторных исследований всевозможных навыков, отображают темпы перехода с одного уровня на другой. И здесь я хотел бы обратить ваше внимание на две особенности.

Первая — так называемое «плато». В течение нескольких дней при отработке навыка скоростного печатания или изучения азбуки Морзе график фиксирует улучшение скорости и снижение количества ошибок. Затем внезапно кривая выравнивается. Несколько дней подряд учащийся не может ни на йоту продвинуться вперед. Усердная работа не обеспечивает каких-либо значительных достижений в скорости или точности. Правило, гласящее, что совершенство достигается упражнениями, не срабатывает. Затем, так же внезапно, учащийся покидает «плато» и снова начинает делать успехи. Так продолжается до наступления следующего периода «плато», иногда, правда, с менее ощутимой динамикой.

«Плато» возникают только на тех графиках успеваемости, которые отображают прогресс в освоении сложного навыка. По сути, чем более сложна осваиваемая деятельность, тем чаще возникают подобные периоды застоя. Однако психологи

обнаружили, что обучение в эти периоды продолжается, но происходит оно в скрытом виде, не проявляясь на практике. Понимание того факта, что «высшие компоненты» навыка формируются именно в такие моменты, представляет собой второй аспект, о котором я говорил выше. Совершенствуясь в освоении набора отдельных букв, учащийся повышает скорость и точность этого процесса. Но ему необходимо выработать устойчивую привычку набирать целиком слоги и слова, а позднее — и целые предложения.

На этапе перехода от низшего к высшему компоненту навыка кажется, что учащийся никак не продвигается вперед, поскольку он должен выработать определенное число «словесных единиц» для достижения успехов на этом уровне. Овладев достаточным количеством таких единиц, он делает новый рывок вверх, переходя к более сложному этапу. То, что вначале представляло собой множество отдельных действий — подбор каждой буквы, — становится в итоге одним сложным действием — компоновкой предложения. Идеальный навык формируется лишь тогда, когда учащийся достигает высшей структурной единицы деятельности. На старте обучения кажется, что навыков слишком много и их трудно объединить, но потом становится ясно, что в одном навыке гармонично сосуществуют все действия, ранее представлявшие разрозненными.

На мой взгляд, экспериментальные данные подтверждают то, что многим из нас известно по собственному опыту. Правда, при этом далеко не все понимают, что в период «плато» происходит обучение в скрытой форме. Если вы обучаетесь игре в теннис, то должны уметь подавать мяч, принимать его от

соперника, играть у сетки, в центре и на краю поля. Собранные вместе, эти умения составляют единый навык. Но сначала их нужно отработать отдельно, поскольку для каждого умения существует своя техника. Необходимо последовательно пройти от простых составляющих к более сложному целому, в котором отдельные умения объединятся в комплексный навык. Вы должны научиться переходить от одного действия к другому быстро и автоматически, не отвлекаясь от обдумывания стратегии игры.

То же самое относится и к вождению автомобиля. Сначала вы учитесь вращать руль, переключать передачи, нажимать на тормоз. Вы постепенно осваиваете все составляющие этой деятельности — и они в определенный момент становятся неразрывными в процессе вождения. Вы осознаете, что умеете водить, когда научитесь выполнять все эти действия не задумываясь.

Тот, кто имеет опыт приобретения сложного навыка, хорошо знает, что не следует бояться списка правил, которые необходимо запомнить в начале обучения. Он понимает, что не стоит волноваться по поводу огромного количества действий, которые нужно будет осваивать по отдельности — ведь затем их можно объединить. Понимание того, что в период «плато» обучение происходит в скрытой форме, помогает преодолеть разочарование. Более сложные навыки формируются, даже если их выполнение не сразу кажется эффективным.

Количество правил указывает на сложность формируемого навыка, а не на то, что навыков много. На стадии автоматического исполнения отдельные действия

объединяются в единый процесс. Если все они выполняются более или менее автоматически, значит, навык сформирован. Теперь вы можете одержать победу при игре в теннис или самостоятельно поехать на машине за город. Это важная отправная точка. Вначале учащийся обращает внимание на качество выполнения отдельных действий. Когда все начинает получаться в комплексе, можно переключаться на цель, которой служит обретенный навык.

- 2 -

То, что верно для тенниса или вождения, в полной мере относится и к чтению — не только к зачаточному уровню младшей школы, но и к высшему уровню чтения ради понимания. С моим утверждением согласится любой, кто понимает, что чтение — сложный вид деятельности. Я специально говорю об этом, чтобы вы не сочли требования к чтению чрезмерными или невыносимыми по сравнению с требованиями к другим видам деятельности.

Со временем вы мастерски овладеете каждым навыком и перестанете воспринимать разрозненно все правила и соответствующие действия. Вы станете выполнять работу в целом, не сомневаясь, что все компоненты сложатся сами. Вы уже не будете так сосредоточены на своих способностях читать и сможете всецело погрузиться в книгу.

Но на этапе обучения следует обращать внимание на отдельные правила, которые представляют собой три основные группы. Каждая из них соответствует одному из

способов чтения книги. Попробую объяснить, почему необходимы именно три прочтения.

В первую очередь вы должны усвоить то, что предлагается как знание. Затем необходимо решить, приемлемо ли для вас это знание. Иными словами, первая задача заключается в том, чтобы понять книгу, а вторая состоит в умении отнестись к ней *критически*. В дальнейшем вы не раз убедитесь, что они существенно различаются.

Процесс понимания тоже можно разделить на составляющие. Чтобы понять книгу, *сначала* необходимо научиться воспринимать ее как структурированное целое, а *затем* — как объект, обладающий комплексом языковых и смысловых единиц.

Таким образом, существуют три разных способа чтения.

I. Первый способ — *структурный*, или аналитический. При этом читатель движется от целого к частному.

II. Второй способ — *интерпретационный*, или синтетический. Здесь читатель движется от частного к целому.

III. Третий способ — *критический*, или оценочный. Читатель оценивает автора и решает, согласен ли с его точкой зрения.

Каждый из трех основных способов предполагает выполнение нескольких действий, а значит, учитывает несколько правил. Вы уже знакомы с тремя правилами второго способа чтения: 1) обнаруживать и интерпретировать самые важные *слова* в книге; 2) делать то же самое с наиболее важными *предложениями*, и 3)

аналогично поступать с *абзацами*, содержащими основные положения. Четвертое — и последнее — правило, о котором я еще не говорил, звучит так: вам необходимо узнать, какие задачи автор решил в этой книге, а с какими не справился.

Чтобы прочесть тот или иной текст первым способом, вы должны: 1) знать, какого рода книгу читаете, то есть понять ее основной предмет. Далее необходимо осознать: 2) в чем основной смысл книги; 3) на какие смысловые или структурные части она подразделяется, и 4) какие основные проблемы автор стремится решить. Этот способ тоже содержит четыре действия и четыре правила.

Обратите внимание, что части, выделенные вами в результате анализа целого при первом прочтении, не обязательно совпадут с теми частями, из которых вы будете формировать целостное представление при втором прочтении. В первом случае они станут комплексом факторов, характеризующих отношение автора к предмету или проблеме. Во втором — окажутся терминами, суждениями и силлогизмами, то есть мыслями, утверждениями и аргументами автора.

Третий способ чтения также предусматривает определенные шаги. Существует несколько общих правил формирования критического мнения и связанных с ними четырех важных действий. Правила третьего способа чтения объясняют, на что следует обратить внимание.

В этой главе я рассмотрю все правила в общем, а в следующих главах займусь их детальным анализом.

Если вы сразу хотите увидеть единый свод правил, перейдите к началу четырнадцатой главы.

Немного позже вы более глубоко поймете суть всего процесса, но сейчас я хочу показать, как сочетаются разные виды чтения, особенно два первых, в которых так или иначе речь идет о частном и целом. Зная, в чем заключается смысл книги в целом и каковы ее основные составляющие, всегда проще выделить основные термины и утверждения. Если вы смогли понять ключевые положения и аргументацию автора, вам легче будет выявить смысл его слов и основные структурные единицы.

При первом способе чтения в самом начале необходимо определить проблему или проблемы, которые автор стремится решить. Последним шагом во втором способе чтения должно стать понимание, решил ли автор свои задачи и на какие именно вопросы ему удалось найти ответы. Вы видите, что эти способы тесно взаимосвязаны и на завершающем этапе объединяются.

По мере развития навыка вы научитесь читать одновременно двумя способами. Чем лучше у вас это будет получаться, тем больше один способ будет содействовать применению другого. Но третий способ никогда не сможет сосуществовать двум другим. Даже самому опытному читателю приходится каким-то образом разделять первые два способа и третий. Понимание позиции автора всегда предшествует критике или оценке его текста.

Я встречал немало «читателей», которые начинали с третьего способа, иногда вообще игнорируя первый и второй. Они брали в руки книгу и вскоре уже уверенно рассказывали, что в ней не так. Их просто распирало от ощущения собственной значимости, а потому книга в их арсенале становилась всего лишь предлогом для

самолюбования. Едва ли таких людей можно назвать читателями. Скорее их правильнее будет причислить к тем, кто считает разговор поводом для самоутверждения и монолога. С этими людьми нет смысла разговаривать, слушать их обычно тоже не стоит.

Первые два способа чтения могут сочетаться, поскольку направлены на понимание книги. Третий же выделяется тем, что предполагает критику после того, как понимание произошло. Тем не менее объединение двух первых способов оставляет читателю возможность идентифицировать и разделить их в любой момент, что очень важно. Проверить свой способ чтения вы сумеете, разложив весь процесс на составляющие. Быть может, вам понадобится пересмотреть его — шаг за шагом, хотя к этому времени он будет восприниматься как единое целое, поскольку процесс чтения станет привычным занятием.

В связи с этим важно помнить, что различные правила всегда остаются автономными, даже когда в вашем понимании границы между ними стираются, образуя единый сложный навык. Если вы не сможете обращаться к каждому из этих правил по отдельности, это будет мешать процессу чтения в целом. Так, преподаватель английского языка, проверяя работу студента и объясняя свои пометки, всегда указывает на нарушение того или иного конкретного правила. Студент при этом должен вспоминать все правила, но в то же время преподаватель не хочет, чтобы его ученик на каждом шагу сверялся с их полным списком. Он хочет, чтобы умение хорошо писать вошло у студента в привычку, чтобы правила стали неотъемлемой частью

его интеллектуального багажа. То же самое касается и чтения.

- 3 -

Но остается еще одна трудность. Уметь читать книгу тремя способами недостаточно — важно научиться читать несколько связанных между собой книг, чтобы качественно освоить любую из них. Я не говорю о том, что следует научиться качественно «обрабатывать» любое сочетание книг. Речь идет только о взаимосвязанных книгах, которые объединены общим смыслом или касаются одних и тех же проблем. Если вы не умеете «взаимосвязано» читать такие книги, то, вероятно, не сможете как следует освоить ни одну из них. Авторы высказывают одну и ту же мысль, соглашаются друг с другом или спорят, но где гарантия, что вы понимаете хотя бы одного из них, не видя совпадений и расхождений в высказанных ими мнениях?

Здесь необходимо зафиксировать различие между *ограниченным* и *расширенным* чтением. Надеюсь, что эти слова не введут вас в заблуждение. Я не могу выразиться иначе. Ограниченным я называю чтение самой книги, без какой-либо связи с другими источниками. Расширенное чтение — это изучение книги в контексте других книг, связанных с ней общим смыслом. Иногда это всего лишь справочная литература, например словари, энциклопедии, альманахи. Иногда — второстепенные книги, то есть полезные комментарии и дайджесты. Порой контекстными становятся великие книги. Кроме того, такому чтению часто помогает соответствующий опыт, к которому мы обращаемся с целью понимания

книги. Он может быть как лабораторным, так и жизненным, приобретаемым ежедневно. Ограниченное и расширенное чтение обычно сочетаются в реальном процессе понимания или даже критики одной и той же книги.

Все, что я сказал о способности читать связанные между собой книги, особенно касается великих книг. В своих лекциях, посвященных вопросам образования, я часто ссылаюсь на них. Обычно после этого слушатели пишут мне с просьбой предоставить им список таких книг. Я рекомендую использовать список, опубликованный Американской библиотечной ассоциацией под названием «Западные классики», или список, изданный в колледже Сент-Джон в Аннаполисе, штат Мэриленд. Позже мои слушатели сообщают, что чтение этих книг оказывается для них крайне сложным процессом. Воодушевление, побудившее их найти данный список и начать читать, нередко сменяется безнадежным чувством бессилия.

Этому есть две причины. Первая, конечно, заключается в том, что они не умеют правильно читать. Но это еще не все. Вторая причина кроется в самомнении читателей — они убеждены, что смогут понять первую же выбранную книгу, не изучив другие, тесно с ней связанные.

Вероятно, они пытались прочесть «Записки Федералиста», не обратив внимания на «Статьи Конфедерации» и Конституцию. Или намеревались прочесть все это без размышлений ^[21] Монтескье «О духе

²¹ Шарль-Луи Монтескье (1689—1755) — французский писатель, философ и правовед.

законов», «Общественного договора» Руссо^[22] или эссе Джона Локка о гражданском правлении^[23].

Великие книги не только взаимосвязаны. Нельзя забывать, что они были написаны в определенной последовательности, которую необходимо учитывать в процессе чтения. Очевидно, что более поздний автор испытывал на себе влияние писателя-предшественника. Если вы сначала прочтете книгу более раннего автора, это поможет понять книгу, написанную позднее. Читать книги в их взаимосвязи и в хронологической последовательности — таково основное правило расширенного чтения.

Вспомогательные методики расширенного чтения я рассмотрю в четырнадцатой главе. А пока мы будем говорить только о правилах ограниченного чтения. Еще раз напоминаю, что нам необходимо ввести такое различие на период процесса обучения, с завершением которого это разделение автоматически исчезнет. Безусловно, в интеллектуальном багаже опытного читателя к тому моменту, когда он приступает к чтению какой-либо книги, уже хранится множество других книг, связанных с ней и соответствующих нужному опыту. Но сейчас вам следует обратить внимание на этапы чтения одной-единственной книги, как будто она представляет собой отдельный мир. Конечно, при этом я не призываю вас исключить собственный опыт из процесса понимания книги. Такой уровень расширения абсолютно необходим,

²² Жан-Жак Руссо (1712—1778) — французский писатель, философ, мыслитель, композитор.

²³ Имеется в виду книга «Два трактата о правлении», в которой Локк изложил свою концепцию социально-политического устройства, оказавшую влияние на формирование принципов американской государственности.

как мы увидим далее. В конце концов, невозможно погрузиться в мир книги, не учитывая весь свой предыдущий опыт.

Правила ограниченного чтения касаются не только книг, но и курсов лекций. Я уверен, что человек, способный полностью хорошо прочесть книгу, почерпнет из обычного курса лекций намного больше знаний, чем основная масса студентов при обучении в колледже и за его пределами. В целом эти два случая мало отличаются друг от друга, хотя прослушивание лекционного курса может потребовать большей степени умения запоминать или конспектировать. Здесь существует еще одна трудность. Вы можете прочесть книгу трижды, если хотите применить каждый способ чтения отдельно. С лекциями это просто невозможно. Их легко усвоит тот, кто имеет соответствующий опыт восприятия, — нетренированному же слушателю придется тяжело.

Поэтому, мне кажется, будет вполне разумно, если преподаватель перед приглашением на лекцию того или иного студента убедится, что тот способен прочесть книгу. Сегодня в колледжах и в системе образования для взрослых все устроено по-другому. Многие представляют себе курс лекций как ускоренный способ получить то, что не удастся прочесть в книгах. Но это вовсе не кратчайший путь. На самом деле он может вести в прямо противоположном направлении.

- 4 -

В применении всех этих правил есть одно ограничение, о котором вы уже могли догадаться. Я неоднократно подчеркивал, что их цель — помочь вам

прочитать книгу целиком. По крайней мере, основная цель. Будет ошибкой использовать эти правила преимущественно для чтения отрывков вне контекста. Нельзя научиться читать, уделяя книге пятнадцать минут в день, как написано в справочнике к «Классике Гарварда»^[24].

Дело не в том, что пятнадцати минут в день недостаточно, а в том, что не следует читать понемногу, как рекомендует справочник. На «Пятифутовой полке»^[25] можно отыскать множество великих книг, но среди них встречаются и вполне банальные произведения. В большинстве случаев тексты книг в этой серии опубликованы полностью, но иногда встречаются просто большие отрывки. Но никто не рекомендует изучить книгу полностью или прочесть какую-то ее часть. Следовательно, вам предлагается собрать немного нектара там, понюхать немного меда здесь. Прекрасно, но так вы станете обычной литературной бабочкой, а не опытным читателем.

Например, сегодня вы прочтете шесть страниц «Автобиографии» Бенджамина Франклина, завтра — одиннадцать страниц ранних стихов Мильтона^[26], а послезавтра — десять страниц из трактата Цицерона «О дружбе». Далее вы изучите восемь страниц Гамильтона

²⁴ Серия книг «Классика Harvard Business Review», в которую вошли лучшие статьи журнала Harvard Business Review.

²⁵ Неофициальное название литературной серии «Гарвардская классика», которая включает в себя 418 произведений мировой литературы, признанных фундаментом гуманитарного образования в США. Выбор книг был осуществлен доктором Чарльзом Элиотом, президентом Гарвардского университета.

²⁶ Джон Милтон (1608—1674) — английский поэт, политический деятель, мыслитель. Автор знаменитой поэмы «Потерянный рай».

из «Записок федералиста», затем заметки Эдмунда Бёрка^[27] на пятнадцати страницах и еще двенадцать страниц из «Эссе о неравенстве» Руссо. Единственное, чем в данном случае будет определяться последовательность вашего чтения, — это историческая связь между каким-либо отрывком и определенным днем недели. Но вряд ли разумно в выборе книг опираться лишь на календарь.

Отрывки слишком коротки для серьезных усилий в обучении чтению. Кроме того, их последовательность не позволяет прочувствовать целостность предлагаемой подборки или понять один отрывок в контексте другого. План чтения, предложенный «Классикой Гарварда», делает великие книги в такой же степени недоступными для понимания, как и самостоятельно выбранные курсы в колледже. Возможно, этот план был составлен в целях прославления доктора Элиота, отца-основателя системы обучения со свободным выбором предметов и литературной серии «Пятифутовая полка». В любом случае «Пятифутовая полка» представляет собой прекрасный пример того, что не надо делать, если мы хотим спасти свои мозги от пляски святого Витта^[28].

- 5 -

У наших правил чтения есть еще одно ограничение. Нас интересует только одна из целей чтения — а именно

²⁷ Эдмунд Бёрк (1729—1797) — английский парламентарий, политический деятель, публицист, идейный родоначальник британского консерватизма.

²⁸ Нервная болезнь, сопровождающаяся беспокойством и чрезмерным количеством произвольных некоординированных движений.

чтение ради обучения, а не ради развлечения. Эта цель в равной степени касается как читателя, так и автора. Объект нашего внимания — книги, предназначенные чему-то научить, направленные на передачу знаний. В первых главах я уже объяснил, в чем заключается основное различие между чтением ради познания и чтением ради развлечения, подчеркнув, что нас интересует именно первое. Теперь мы должны сделать следующий шаг и выделить два больших класса книг, которые отличаются целями авторов и возможностями удовлетворения интеллектуальных запросов читателей.

Это важно, поскольку наши правила касаются только одного типа книг и одной цели чтения.

Общепринятых стандартных названий этих классов книг не существует. Было бы слишком заманчиво назвать один из них поэзией или художественной литературой, а второй — нехудожественной или научной литературой. Но сегодня слово «поэзия», как правило, означает именно стихи, а не всю художественную литературу, которую когда-то еще называли беллетристикой. Аналогично понятие «научная литература» редко используется в отношении книг по истории и философии, хотя обе эти дисциплины предполагают передачу знаний. Если отвлечься от терминологии, то станет ясно, что разница заключается в намерении автора. Поэт или писатель занимается изящными искусствами, стремится доставить удовольствие или вызвать восторг с помощью прекрасных произведений так же, как музыкант или скульптор. Ученый или любой специалист в области *гуманитарных наук* стремится учить других, излагая истину.

Проблема обучения чтению художественной литературы не менее сложна, чем проблема обучения чтению ради познания. При этом они коренным образом отличаются. Правила, которые я вкратце перечислил и сейчас рассмотрю более подробно, относятся к чтению ради обучения, а не к эмоциональному наслаждению произведениями искусства. Правила чтения художественной литературы, безусловно, имеют свои особенности. Чтобы изложить и объяснить их подробно, придется написать еще одну толстую книгу.

В целом они, вероятно, весьма близки к трем классам правил чтения научных и исследовательских работ. Правила первого класса касаются анализа целого как единой структуры. За ними идут правила распознавания языковых и художественных элементов стихотворения или текста. Далее следует упомянуть правила составления критического мнения о качестве произведения, которые помогают развивать вкус и воспитывать разборчивость. Однако на этом аналогии заканчиваются, поскольку структуры рассказа и научного исследования сильно отличаются друг от друга, языковые элементы по-разному воздействуют на воображение и передают идеи, а оценочные критерии не совпадают. В одном случае анализу подвергается красота, в другом — истина.

Категория книг, предназначенных для наслаждения или развлечения, имеет столько же уровней качества, что и категория книг, призванных обучать. То, что мы называем «легким чтением», требует от нас такого же среднеразвитого навыка, как и сугубо информативные книги. Здесь не нужно почти никаких усилий для понимания. Мы можем читать рассказы в посредственном

журнале так же пассивно, как и статьи, размещенные на соседних страницах.

На полках магазинов нередко можно встретить книги, в которых повторяется или кратко излагается то, что лучше узнавать из первоисточника. Там же присутствует и второсортная поэзия. Я не имею в виду буквальный пересказ сюжета, поскольку все хорошие сюжеты уже многократно рассказаны. Скорее я говорю о прозе или стихах, которые не вызывают никаких новых чувств и не влияют на наше воображение. Однако прекрасной прозой и удивительными стихами по-настоящему богаты великие книги — оригинальные произведения, до уровня которых все время необходимо подниматься. Великая проза расширяет границы нашего понимания, а великая поэзия вдохновляет, помогает глубже осознавать гуманитарные ценности, делает нас более человечными.

В обоих видах литературы умения и активности в чтении требуют только те книги, которые нас превосходят. Все остальное мы можем читать пассивно, не будучи технически подготовленными. Таким образом, правила чтения художественной литературы в первую очередь призваны помочь нам в изучении великих произведений — эпических саг, пьес, романов и стихов. Кроме того, правила чтения ради обучения применимы преимущественно к великим историческим, научным и философским трудам.

Жаль, что оба комплекса этих правил нельзя должным образом рассмотреть в одной книге. Не потому что для грамотности необходимы оба вида чтения, а потому что лучший читатель обязан в равной степени

обладать обоими умениями. Две стороны искусства чтения взаимодополняют друг друга.

Мы редко читаем одним способом без применения второго. Книги практически никогда не бывают исключительно научными или художественными.

В величайших книгах часто сочетаются два основных измерения литературы. Диалог Платона «Республика»^[29] необходимо читать одновременно как пьесу и как интеллектуальную беседу. «Божественная комедия» Данте — это не только блистательная поэма, но и серьезное философское изыскание. Знание невозможно передать без чувственного и творческого сопровождения; а чувства и образы неизменно пронизаны мыслью.

Тем не менее эти два вида искусства чтения различаются. Будет ошибкой предполагать, что рассматриваемые здесь правила *в равной степени* применимы к поэзии и к науке. Строго говоря, они касаются только науки или книг, передающих знания. Мне известны два способа компенсации недостатков такого ограниченного взгляда на чтение. Первый призывает нас посвятить одну из последующих глав проблеме чтения художественной литературы.

Когда вы более подробно ознакомитесь с правилами чтения нехудожественных книг, я смогу вкратце в пятнадцатой главе рассказать вам об аналогичных правилах чтения художественной прозы и поэзии. Затем я пойду еще дальше и попробую обобщить все правила,

²⁹ В русскоязычной антологии название этого диалога часто звучит как «Государство, или О справедливости». Произведение входит в «Восьмую тетралогия» «Диалогов» Платона.

чтобы их можно было применить к любому чтению. Второй способ я вижу в том, чтобы порекомендовать вам книги о правильном чтении поэзии или художественной прозы. Некоторые из них я назову сейчас, а другие — в пятнадцатой главе.

Книги, посвященные оценке или критике поэзии, сами по себе научны. Они транслируют определенные знания, которые иногда называются литературной критикой. В целом эти книги подобны той, что вы сейчас читаете.

Данная книга предназначена для обучения искусству, а точнее — отдельному аспекту того же искусства чтения. И если эта книга поможет вам научиться читать любые научные книги, вы сможете без труда самостоятельно читать их и использовать полученные знания при чтении поэзии или беллетристики.

Одна из классических великих книг на эту тему — «Поэтика» Аристотеля. Из более поздних могу порекомендовать эссе Томаса Элиота^[30] и две книги И. Ричардса — «Принципы критики» и «Практическая критика».

Цикл критических эссе Эдгара Аллана По также заслуживает внимания, особенно статья «Принцип поэзии». Томас Гилби в своей аналитической работе «Поэтический опыт» прекрасно освещает предмет и способ поэтического выражения. Уильям Эмпсон в «Семи типах неоднозначности» особенно интересно

³⁰ Имеются в виду «Избранные эссе» (Selected Essays, 1932) Томаса Стернза Элиота (1888—1965), ставшие программными для влиятельного литературно-критического течения, известного в Великобритании как «кембриджская школа», а в США — как «новая критика».

рассказывает о принципах чтения лирической поэзии. А недавно увидела свет познавательная книга Гордона Геролда «Как читать художественную литературу». Если вы обратитесь к этим источникам, они откроют вам дорогу к другим, наверняка еще более ценным.

В целом вы найдете в этих книгах массу полезной информации — они содержат не только правила, но и множество практических примеров из литературы, поскольку здесь более, чем в науке, нужен проводник, который покажет, как нужно правильно читать, на собственном примере. Марк Ван Дорен недавно опубликовал свою новую книгу с простым названием «Шекспир». Это *его* личное прочтение шекспировских пьес. В ней нет правил чтения — только пример для подражания. Возможно, вы сами обнаружите правила, которыми он руководствовался, видя их в действии. И наконец, я хотел бы упомянуть еще одну книгу, поскольку в ней содержится аналогия между чтением художественной и научной литературы. «Поэзия и математика» Скотта Бьюкенена проводит параллели между структурой науки и формой художественной литературы.

- 6 -

Возможно, вы не согласитесь с моей точкой зрения и скажете, что я искусственно возвел барьер там, где его нет. Вы можете утверждать, что существует лишь один способ чтения для всех книг или — наоборот — что любую книгу можно читать самыми разными способами.

Я предвидел эти возражения еще в тот момент, когда утверждал, что многие книги имеют несколько

измерений, например художественное и научное. Я даже говорил, что большинство книг, особенно великих, можно читать обоими способами. Но это не значит, что два способа чтения следует смешивать или путать между собой. Мы не должны забывать о первоначальной цели чтения или о главном намерении автора при создании книги. Думаю, большинство авторов знают, кем они являются в первую очередь — поэтами или учеными. Безусловно, это знают и все великие писатели. Хороший читатель должен понимать, чего он прежде всего ждет от книги — знаний или наслаждения. Следовательно, выбрав книгу с аналогичным замыслом автора, он может легче добиться поставленной цели. В поисках знаний разумнее читать книги, главная цель которых — обучение. Если необходимы знания в какой-то конкретной сфере, лучше обратиться к книгам соответствующей тематики. Интересуясь астрономией, вряд ли стоит читать историю Рима.

Это не значит, что одну и ту же книгу нельзя читать разными способами и с разными целями. У автора может быть много намерений, хотя, на мой взгляд, одно из них всегда доминирует, диктуя общий характер книги. Книга, как мы уже говорили, может иметь два измерения — основное и второстепенное. Например, «Диалоги» Платона — это в первую очередь философия, и лишь затем — пьеса; «Божественная комедия» в первую очередь поэма, и только потом — философия. Читатель, в свою очередь, может с аналогичной позиции рассматривать любую книгу. При желании он может поменять местами намерения автора и читать «Диалоги» Платона как пьесы, а в «Божественной комедии» видеть прежде всего философский трактат. Здесь уместно будет провести параллели и с другими сферами. Музыкальное

произведение, задуманное как образец высокого искусства, можно использовать, чтобы убаюкать младенца. Стул, предназначенный для сидения, можно сделать музейным экспонатом и восхищаться его красотой.

Подобная двойственность целей и перемена позиций главного и второстепенного не влияет на основную мысль. Каким бы способом вы ни читали, какую бы цель ни ставили на первое место, вы должны знать, что делаете, и следовать правилам этой деятельности. Вы не совершите ошибку, если станете читать поэму как философский труд или научное исследование как поэзию. Главное — осознавать, какой именно способ вы применяете и как правильно им пользоваться. Тогда у вас не возникнет сомнений в правильности своего выбора и способа действий. Вы поймете, что правила имеют большое значение.

Однако в данном случае следует остерегаться двух возможных ошибок, которые я называю пуризмом^[31] и обскурантизмом^[32].

Пуризм в моей трактовке — это ошибочное предположение, будто книгу можно прочесть только одним способом. Но книги изначально неоднородны по своей природе, поскольку человеческий разум, с

³¹ Пуризм (лат. *purus* — «чистый») — преувеличенное стремление к чистоте и простоте литературного языка, к изгнанию из него любых посторонних элементов. В искусстве — поиск простых функциональных форм, способных объединить в себе эстетическую категорию с механическим рациональным миром.

³² Обскурантизм (лат. *obscurans* — «затемняющий») — враждебное отношение к просвещению, науке и прогрессу в целом; синоним слова «мракобесие». Часто этим термином выражают умонастроение, при котором вместо верности истине и ответственности перед ней предпочтение отдается тому, что уводит человека от истины, затемняет ее, делает неясной.

помощью которого мы читаем или пишем, подвластен чувствам и воображению. Он воздействует на эмоции, порождая многообразие литературных средств и форм.

Обскурантизм — это тоже, на мой взгляд, ошибочное предположение, будто все книги можно прочесть единственным способом. Здесь легко впасть в крайность и стать приверженцем эстетизации, когда человек рассматривает все книги как художественные, пренебрегая другими видами литературы и способами чтения. Вторая, не менее опасная крайность — это интеллектуализация, когда все книги человек рассматривает как учебные и видит в них только источник знаний. Обе ошибки очень метко описал одной-единственной строкой Джон Китс^[33]: «В прекрасном — правда, в правде — красота». То, что способно украсить торжественную оду, будет ложной посылкой в качестве принципа критики или ключа к чтению книг.

Я в достаточной мере предупредил вас о том, чего следует ожидать от правил, которые мы подробно рассмотрим в следующих главах. Думаю, вы распорядитесь ими правильно, потому что скоро сами поймете одну простую вещь — они вообще не работают вне собственной ограниченной области применения. Продавец сковородок редко предупреждает о том, что его товар не стоит использовать для охлаждения. Он знает, что вы и сами до этого додумаетесь.

Глава восьмая. Ориентируйтесь по названию

³³ Джон Китс (1795—1821) — английский поэт-романтик.

По одному только названию, такому как «Главная улица» или «Мидлтаун», трудно определить, какая из этих книг — учебник по социологии, а какая — художественное произведение. Даже прочитав их, вы можете не избавиться от сомнений до конца. В некоторых современных романах столько социологии, тогда как исследования социологов все чаще пугают обилием беллетристики. Неудивительно, что порой их трудно бывает различить. (Например, недавно объявили, что «Гроздь гнева»^[34] планируют включить в обязательную программу факультетов социологии некоторых колледжей.)

Как я уже сказал, книги можно читать разными способами. Легко понять, почему некоторые литературные критики называют романы Дос Пассоса или Стейнбека научными исследованиями или отрывками из политических речей, а также почему возникает искушение читать последнюю работу Фрейда о Моисее^[35] как романтическую историю. В таких случаях чаще всего «виноваты» сам автор и его книга.

Иногда у авторов бывают смешанные мотивы. Они тоже люди, которым не всегда удается гармонично сочетать разные желания.

³⁴ Роман классика американской литературы Джона Стейнбека, за который автор был удостоен Пулитцеровской премии. Сегодня входит во многие учебные программы школ и колледжей США. Действие романа происходит в годы Великой депрессии.

³⁵ Имеется в виду работа Зигмунда Фрейда «Моисей и монотеизм» (1939).

Если они сами путаются в собственных намерениях, то читателя точно нельзя винить в том, что он не знает, какие очки надевать для чтения. Даже лучшие правила чтения «не работают» в ситуации с плохими книгами — но они все-таки помогают понять, чем та или иная книга плоха.

Предлагаю обойти стороной довольно большую библиотеку современных книг, где перепутаны наука, вымысел и риторика. Ведь у нас есть огромное количество книг — великие произведения прошлого и хорошая современная литература, — которые идеально соответствуют намерениям своих авторов и заслуживают прочтения в первую очередь. В данной ситуации вполне уместно озвучить первое правило первого прочтения. Кратко оно звучит так: вы должны знать как можно раньше, какого типа книгу читаете, желательно еще до того, как начнете ее читать.

Необходимо точно знать, что вы читаете: художественное произведение — роман, пьесу, эпопею или стихи — или же вообще нехудожественный текст — книгу, предназначенную прежде всего для передачи знания. Представьте себе замешательство читателя, который усердно преодолевал все препятствия романа, думая, что читает философский труд, или медитировал над научным трактатом, словно это поэзия. У вас ничего не получится, ведь я попросил вас представить невозможное. В большинстве случаев люди знают, что за книгу будут читать, еще до начала ее изучения. Они выбрали книгу именно по данному признаку. Безусловно, это верный подход с точки зрения общего разделения книг на типы. Люди знают, чего хотят — развлечься или получить знания, а потому редко идут не к той полке.

К сожалению, есть и другие различия, которые не так просты и не так известны. Поскольку мы временно убрали из поля своего зрения художественную литературу, наша проблема сейчас касается второстепенных различий между научными книгами. Вопрос не в том, что книга чему-то учит, а в том, что она учит чему-то определенному. Информация и понимание, которые ждут читателя в исторической или философской книге, — это отнюдь не одно и то же. В книгах по физике и в литературе на темы нравственности рассматриваются разные проблемы — и для их решения авторы используют разные методы.

Нельзя читать такие различные книги одинаково. Конечно, правила их чтения не столь радикально отличаются друг от друга, как в случае поэзии и науки. Все эти книги имеют много общего. Их сфера — знания. Но они очень разные, и мы должны постоянно помнить об этом.

Должен признаться, что сейчас я чувствую себя продавцом, который только что убедил клиента в адекватности цены, но теперь обязан сообщить о дополнительном налоге с продаж. Энтузиазм клиента начинает угасать. Продавец профессионально сглаживает недовольство и затем вынужден сказать, что доставка товара возможна только через несколько недель. Если в этот момент покупатель не уйдет, продавцу просто повезло. Так и я — только что закончил убеждать вас в том, что следует учитывать некоторые различия, и сразу должен добавить: «Но есть и другие». Надеюсь, вы не хлопнете дверью. Обещаю, что классификация типов чтения скоро закончится. И случится это в данной главе.

Позвольте еще раз повторить правило: *вы должны как можно раньше знать, какого рода (нехудожественную) книгу читаете, желательно еще до того, как начнете ее читать.* Все понятно, кроме последней части. Как, спросите вы, читатель узнает, что за книга перед ним, пока не начнет ее изучать?

Осмелюсь напомнить, что у книги всегда есть название и, более того, обычно существуют подзаголовки, оглавление, предисловие или вступительное слово автора. Умолчу об аннотациях издательств. В конце концов, вдруг вам придется читать книгу, которая лишилась обложки.

Той части, которую принято называть титульными листами, обычно вполне хватает для классификации. Она включает в себя заголовок, подзаголовок, оглавление и предисловие. С их помощью автор сообщает, о чем пойдет речь. Не его вина, если вы не обратите на них внимания.

- 2 -

Существует огромное количество читателей, которые просто игнорируют подобные сигналы авторов. Таких людей значительно больше, чем вам может показаться. Если, конечно, вы не принадлежите к тем, у кого хватает честности признаться в таком невнимании. Я снова и снова вспоминаю своих студентов. Сколько раз я спрашивал их, о чем повествует та или иная книга, и предлагал ответить хотя бы в самых общих чертах. Как я понял, это наиболее удачный и почти необходимый способ начать дискуссию.

Однако многие студенты неспособны ответить на такой простой вопрос. Иногда они извиняются, говоря, что еще не дочитали книгу до конца и, следовательно, не знают. Это не оправдание, возражаю я. Вы видели заголовок? Просматривали оглавление? Прочли предисловие или введение? Нет, отвечают они. Титульные страницы книг напоминают тиканье часов — обычно его замечаешь только тогда, когда оно пропадает.

Читатели часто игнорируют заголовки и предисловия, поскольку не видят смысла в классификации книги. Они не следуют первому правилу, которое может оказать любому читателю реальную помощь. Разумеется, автор понимает, что читателю важно знать, какого рода книгу ему предлагают. Именно поэтому он берет на себя труд написать предисловие и обычно старается сделать название книги более или менее «говорящим». Эйнштейн и Инфельд в предисловии к «Эволюции физики» сообщают читателю, что «научную книгу, даже научно-популярную, не следует читать так же, как роман». Они, как и множество других авторов, составляют аналитически систематизированное оглавление, чтобы читатель мог детально представить структуру изложения текста. В любом случае названия глав помогают более полно раскрывать заголовок любой книги.

Читатель, который пренебрегает этими сведениями, сам виноват, если его ставит в тупик простой вопрос «Что это за книга?». Гарантирую — в дальнейшем он запутается еще сильнее. Если он не сможет ответить на подобный вопрос и никогда не задаст его себе, то

обязательно упустит массу других вопросов по содержанию книги и замыслу автора.

Недавно мы с мистером Хатчинсом на занятиях читали вместе с группой студентов две книги — Макиавелли и Фому Аквинского. Открывая обсуждение этих книг, мистер Хатчинс спросил у одного из студентов, который еще не закончил читать, относятся ли они к одному и тому же типу. Студент отказался отвечать, сославшись на то, что еще не дочитал. «Позвольте, — возразил мистер Хатчинс, — а как же заголовки?» Студент не заметил, что Макиавелли писал о «Государе», а святой Фома — «О правлении государей». Когда слово «государь» было написано на доске и подчеркнуто, студент легко догадался, что обе книги посвящены одной проблеме.

«Что же это за проблема? — настаивал мистер Хатчинс. — Что это за книги?»

Студент решил, что теперь *видит* ключ к ответу, и сказал, что прочел оба предисловия. «И как вам это помогло?» — спросил Хатчинс. «Макиавелли, — ответил студент, — написал для Лоренцо де Медичи небольшое руководство о том, как быть диктатором и преуспеть в управлении, а книга Фомы Аквинского написана для короля Кипра».

Мы не стали исправлять ошибку в его высказывании. Святой Фома никогда не пытался помочь тиранам в вопросах власти. И все-таки студент использовал одно слово, которое было правильным ответом на вопрос. Когда его спросили, что это за слово, он не смог ответить. Услышав, что это «руководство», он все равно не осознал значения собственных слов. Я спросил его, знает ли он в целом, что такое руководство.

Кулинарная книга — это руководство? Трактат о морали — руководство? Книга об искусстве сочинения поэзии — руководство? На все эти вопросы он ответил утвердительно.

Мы напомнили ему о том, как на предыдущих занятиях проводили различие между теоретическими и практическими книгами. «Точно, — сказал он с облегчением, — все это практические книги, которые объясняют, что следует делать, а не каково положение вещей». Еще через полчаса, когда к обсуждению присоединились другие студенты, мы, наконец, классифицировали обе книги как практические труды о политике. Оставшееся время мы посвятили тому, чтобы выяснить, одинаково ли понимали принципы политики оба автора и одинакова ли практическая польза от этих книг.

Я рассказываю эту историю не только для того, чтобы подкрепить примерами свое утверждение о всеобщем пренебрежении к названиям. Самые ясные заголовки, самые содержательные титульные листы не помогут классифицировать книгу, даже если вы их прочтете много раз, пока у вас не будет четкого представления о принципах этой классификации.

Вы не поймете, что объединяет «Начала» Евклида и «Психологию» Уильяма Джеймса, если не будете осознавать, что психология и геометрия относятся к теоретическим наукам. Вы сможете различить их только с помощью знания о существовании разных наук. Аналогично, читая «Политику» Аристотеля и «Богатство народов»^[36] Адама Смита, вы обнаружите в книгах

³⁶ В русском переводе книга имеет название «Исследование о природе и причинах

сходство или различие только в том случае, если знаете о сути обсуждаемой ими практической проблемы и представляете, какими вообще бывают практические проблемы.

По заголовкам группировать книги, как правило, намного проще. Всем понятно, что «Начала геометрии» Евклида, «Геометрия» Декарта и «Основания геометрии» Гилберта — это три математические книги, более или менее близкие друг другу по теме. Но так бывает не всегда. Непросто идентифицировать трактаты о политике по таким заголовкам, как «О граде Божиим» Блаженного Августина, «Левиафан» Гоббса и «Об общественном договоре» Руссо. Однако, внимательно изучив названия глав, можно увидеть, какая общая проблема объединяет эти книги.

Тем не менее недостаточно уметь группировать книги по типам. Для соблюдения этого правила чтения необходимо знать, что это за тип. По заголовку, титульным листам, даже по всей книге в целом вы его не определите, если не будете постоянно держать в голове категории, которые можно использовать для разумной классификации книг. И здесь вам понадобится знание основных типов научных книг.

Если вы читаете еженедельные литературные приложения, то знаете, что в них все новые книги классифицируются по категориям: художественная проза и поэзия, история и биография, философия и религия, наука и психология, экономика и социология, а также длинный список книг в разделе «разное». Эти категории весьма приблизительны, они не учитывают некоторые

базовые различия и порой объединяют книги, которые должны быть отнесены к разным типам.

И все же это лучше, чем таблички на полках некоторых книжных магазинов с надписью «философия, теология и новое мышление». Однако есть и более удачные примеры. Например, стандартная библиотечная схема классификации, как правило, более подробна, но нашим целям тоже не соответствует.

Итак, нам нужна схема, в которой книги систематизируются с точки зрения проблем чтения, а не с целью увеличения продаж или оптимизации места на полках.

Прежде всего предлагаю вам понять одно главное различие, а затем несколько второстепенных. Обещаю, что не стану мучить вас деталями, которые не особенно важны на вашем уровне чтения.

- 3 -

Главное различие состоит в пользе — теоретической или практической. Все употребляют слова «теоретический» и «практический», но мало кто понимает их значение. Поразительное упорство в этом вопросе проявляют твердолобые практики, которые не доверяют теоретикам, особенно если те представляют правительство. Для большинства людей «теоретический» означает «нереальный» и даже «эфемерный», а «практический» — работающий или приносящий немедленный доход. В этом есть доля истины. Практическое всегда каким-то образом работает, сразу или в перспективе. Теоретическое можно увидеть или понять. Если углубить это поверхностное различие,

получится разница между знанием и действием — две цели, которые может ставить перед собой автор.

Вы спросите, разве мы говорим не о книгах, которые передают знания? Как они могут быть связаны с действиями? Вы забыли, что разумное действие зависит от знания, которое можно применять разными способами. Такое знание не только помогает управлять природой или изобретать полезные машины — оно способно направлять поведение или действия человека в разных сферах. Наглядным примером является различие между чистой и прикладной наукой — их иногда не совсем точно называют наукой и технологией.

Некоторые преподаватели и авторы книг сосредоточены только на знании, которое должны передать. Конечно, они не отрицают его практического применения, как не считают это знание ценным только в чистом теоретическом виде. Они ограничиваются одним способом обучения, оставляя прочие на откуп тем, кого интересует нечто большее, чем чистое знание. Их волнуют проблемы человечества и способы решения этих проблем с помощью знаний. Они тоже передают миру свои знания, но всегда с акцентом на их применение.

Чтобы сделать знание практическим и пригодным для реализации, надо преобразовать его в правила деятельности, перейти от обладания фактами к пониманию дальнейших шагов. Подводя итоги, могу напомнить вам о различии, которое уже встречалось в этой книге, — между знанием *чего-то* и знанием *как*. Теоретические книги утверждают, *что существует некий объект или предмет, который является фактом*. Практические книги учат *делать то, что вы считаете важным*.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, — практическая, а не теоретическая. Любое «руководство», если выразиться словами вышеупомянутого студента, — это практическая книга. Таким образом, данная категория литературы включает в себя труды по всем искусствам, которыми можно овладеть, справочные материалы по любым направлениям — технике, медицине или кулинарии, — а также исследования в области общественных наук, имеющие отношение к экономическим, этическим или политическим проблемам.

Следует упомянуть еще об одной причине написания практических книг. Предназначение любой ораторской речи — политического выступления или проповеди — рассказать людям, как поступать в той или иной ситуации или относиться к чему бы то ни было. Любой, кто пишет о практических вещах, стремится не только дать совет — он хочет объяснить, как этому совету следовать. Таким образом, элемент риторики есть в любой проповеди. Он присутствует и в книгах, цель которых — помочь людям овладеть каким-нибудь искусством. Я, например, пытаюсь убедить вас приложить усилия, чтобы научиться читать.

Хотя все практические книги не чужды риторики — или, как мы говорим сегодня, некоторой доли агитации, — это не значит, что риторический тон всегда сопровождает практические тексты. Думаю, вам известна разница между политической речью и политическим трудом, экономической пропагандой и анализом экономических проблем. «Коммунистический манифест»^[37] — это агитация, но «Капитал»^[38] — это гораздо более глубокая книга.

³⁷ «Манифест коммунистической партии», работа Карла Маркса и Фридриха

Иногда можно распознать практическую книгу по названию. Если оно содержит слова Искусство... или Как..., то все сразу становится ясно. Если в названии присутствуют слова из практического лексикона, такие как экономика или политика, техника или бизнес, юриспруденция или медицина, книгу также можно быстро классифицировать. Есть и другие признаки. Однажды я спросил студента, может ли он по заголовкам двух книг Джона Локка определить, какая из них практическая, а какая — теоретическая. Заголовки были такие: Опыт о человеческом разумении и Опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления. Студент догадался и ответил правильно, что проблемы правления — практические, а анализ понимания — теоретический.

Более того, он пошел еще дальше и сказал, что читал предисловие Локка к книге о понимании. В этом тексте Локк достаточно полно объяснил замысел своей книги как исследования «происхождения, достоверности и степени распространения человеческого знания». Эта формулировка напомнила заголовки книги о правлении, но с одним важным отличием. В одном случае Локк говорил о достоверности, или правдивости знания, а в другом — о цели правления. На этом основании студент заключил, что вопросы достоверности чего-либо относятся к теории, а вопросы о целях и предназначении — к практике.

У нашего студента было несколько способов определить тип книги, которую он читал, и могу

Энгельса.

³⁸ Фундаментальный труд Карла Маркса по политической экономии.

добавить, что он умел читать лучше многих. Позвольте на этом примере дать вам общий совет. Начните с «диагностики» книги по заголовку и титульным листам. Если этого недостаточно, придется полагаться на «подсказки» из основного текста. Вы сможете довольно быстро классифицировать книгу, если начнете обращать внимание на слова и держать в уме список основных категорий.

Практическая книга быстро выдаст свое предназначение по частому употреблению таких слов, как «следует», «должен», «хорошо», «плохо», «цели» и «средства». Таким книгам свойственны утверждения типа «что-то следует сделать» или «это правильный способ что-то сделать», или «такое-то средство лучше другого для достижения этой цели». Напротив, в теоретической книге вы встретите выражение «является», а не «должен». Цель теоретической книги — показать, что изучаемый предмет является верным, и это подтверждается определенными фактами. Но в ней не будет указаний на то, как можно что-либо изменить.

Перед тем как переходить к дальнейшей классификации теоретических книг, позвольте вас предостеречь. Не думайте, что это так же просто, как отличить чай от кофе. Я назвал лишь некоторые признаки — и вы можете начать их применять. Стремитесь точнее понимать, на чем основано различие между теорией и практикой, — и вы лучше сможете использовать эти признаки.

Вы научитесь не доверять названиям и, конечно, заголовкам. Вы обнаружите поистине удивительные вещи. Например, мы знаем, что экономика в первую очередь — это практическая сфера, но при желании

можно собрать целую библиотеку чисто теоретических экономических книг. Вы найдете авторов, которые не видят разницы между теорией и практикой. Вы встретите романистов, которые не отличают беллетристику от социологии. Вы познакомитесь с книгами, которые отчасти относятся к одному типу, а отчасти — к другому, например с «Этикой» Спинозы. И все же вашим преимуществом как читателя будет возможность определить способ подхода автора к своей задаче, что действительно требует умения отличать теорию от практики.

- 4 -

Вы уже знакомы с разделением теоретических книг на исторические, научные и философские. Все, кроме преподавателей этих предметов, пусть и поверхностно, но понимают, в чем заключается разница между ними. Трудности начинаются лишь тогда, когда вы пытаетесь уточнить очевидное и максимально акцентировать внимание на различиях. Я не хочу, чтобы вы запутались, как упомянутые мной преподаватели, а потому постараюсь не давать определений истории, науки или философии. Для классификации теоретических книг нам хватит общего представления.

Если речь в книге идет об истории, заголовка бывает достаточно. Если слово «история» отсутствует в заголовке, на титульных листах вам сообщат, что данная книга — о событиях прошлого. Это могут быть как античные времена, так и события, происходившие совсем недавно. Помните школьника, который описал процесс изучения арифметики часто повторяемым вопросом

«Сколько будет?» Историю можно охарактеризовать вопросом «И что было дальше?». История — это знание о конкретных ситуациях или фактах, которые не только существовали в прошлом, но и подвергались изменениям с течением времени. Историк повествует об этих событиях, нередко добавляя в свой рассказ личные комментарии или собственный взгляд на значимость происходящего.

Для науки прошлое менее важно. Она рассматривает то, что может случиться в любое время и в любом месте. Всем известно, что ученые ищут закономерности и обобщения. Они хотят понять, что происходит в большинстве случаев или в каждой отдельной ситуации, в отличие от историков, которых интересуют события прошлого, зафиксированные в определенное время в определенном месте.

Заголовок позволяет нам определить, в какой степени связана данная книга с той или иной наукой. Слово «наука» тоже иногда используется, но чаще упоминается все-таки название предмета: психология, геология или физика. Далее необходимо понять, относится ли этот предмет к естественным наукам, таким как геология, или к философским — как метафизика. Проблема возникает в менее очевидных случаях, например с физикой и психологией, которые в разные времена считались «своими» как среди ученых, занимающихся естественными науками, так и среди философов. Сами слова «философия» и «наука» используются по-разному. Аристотель назвал свою «Физику» научным трактатом, хотя с современной точки зрения она считается философской; Ньютон озаглавил свой великий труд «Математические начала натуральной

философии», хотя для нас это исключительно научный шедевр.

Философия близка к науке и отличается от истории тем, что занимается скорее общими истинами, чем пересказом конкретных событий. Но философы и ученые задают разные вопросы и используют разные методы в поисках ответов.

Если вы хотите разобраться в этом вопросе глубже, рекомендую прочесть книгу «Степени знания» Жака Маритена, в которой излагается метод и цель современной науки, а также предлагается подробное описание сферы применения и сути философии. Только современный писатель может компетентно говорить на эту тему, поскольку лишь за последние сто лет мы полностью осознали весь комплекс отличий и взаимосвязей между философией и наукой. А Жак Маритен — один из немногих современных писателей, кому удалось отдать должное и науке, и философии.

Но как быть, если заголовки и титульные листы не всегда помогают отличить научную книгу от философской? Предлагаю один критерий, который, на мой взгляд, всегда эффективен, хотя для того, чтобы воспользоваться им, придется прочесть много книг. Если в теоретической книге идет речь о чем-то, что выходит за рамки вашей повседневной жизни, это научная книга. Если нет — философская.

Приведу пример. «Две новые науки» Галилея требуют от вас отчетливо представить или своими глазами увидеть в лаборатории опыт с наклонной плоскостью. В «Оптике» Ньютона описаны опыты, которые проводились в темной комнате с призмами, зеркалами и специально направляемыми лучами света.

Особый опыт, на который ссылается автор, мог быть получен и вне лаборатории. Вам для приобретения подобного опыта пришлось бы изрядно потрудиться. Судите сами: в своем «Происхождении видов» Дарвин рассказывает о многолетних практических наблюдениях, но при этом приводит в своей работе факты, которые могут проверить другие исследователи. Однако их нельзя подтвердить в условиях обычной повседневной жизни.

Философская книга, как правило, не ссылается на факты и наблюдения, лежащие за пределами опыта обычного человека. Философ обращается к повседневному опыту, чтобы проверить или аргументировать свои слова. «Опыт о человеческом разумении» Локка — это философская работа по психологии, тогда как труды Фрейда сугубо научны. Локк обо всем говорит с точки зрения вашего интеллектуального опыта. Фрейд может подтвердить свои идеи только собственными наблюдениями в клинических условиях в кабинете психоаналитика. Большинство людей не имеют об этом ни малейшего представления, а если даже имеют, то это далеко не уровень знаний профессионального психоаналитика.

Различие, которое я предложил, признается повсеместно, когда мы говорим, что наука по сути экспериментальна или зависит от скрупулезных наблюдений и поисков, а философия — это скорее «размышления на диване». В таком противопоставлении нет предубеждения. Есть проблемы, которые, сидя на диване, может решать человек, способный размышлять о них в свете общечеловеческого опыта. Есть и такие проблемы, которые невозможно решить подобным способом, каким бы удобным ни был диван. Для них требуются практические наблюдения — эксперименты

или исследования, которые позволят опыту выйти за рамки повседневного. Здесь нужен особый подход.

Я не хочу сказать, что философ — это только мыслитель, а ученый — только исследователь. Оба должны и наблюдать, и мыслить, но они мыслят о разных способах наблюдения. Один занимается особыми наблюдениями, в особых условиях, пока не находит нужного решения. Второй может полагаться на свой обычный опыт.

Разница методов всегда проявляется в философских и научных книгах. Именно она позволяет определить, что за книгу вы читаете. Если вы поймете, к какому опыту обращается автор, излагая свои мысли, то узнаете, научная это книга или философская. Правила расширенного чтения научных книг более сложны. Возможно, вам потребуется увидеть описываемый в книге опыт или отправиться в музей, если вы не сможете в нужной степени представить то, что никогда не наблюдали, и что автор преподносит как основу своих самых важных выводов.

Научные и философские книги отличаются не только условиями расширенного чтения. Правила ограниченного чтения применяются к ним тоже по-разному. Ученые и философы мыслят неодинаково и используют разные способы аргументации. Вы должны уметь выделять термины и утверждения, составляющие их аргументацию. Поэтому так важно знать, какую книгу вы читаете.

Это касается и истории. Исторические тексты отличаются от научных и философских. Историк по-другому аргументирует и толкует факты. Более того, большинство исторических книг имеют

повествовательный характер. А повесть — это повесть. И неважно, правда в ней или художественный вымысел. Историк должен писать художественно, то есть следовать канонам создания хорошей прозы. Значит, правила ограниченного чтения исторических книг сложнее, чем аналогичные правила для научной и философской литературы, поскольку вам нужно научиться сочетать способы чтения научных книг, поэзии и беллетристики.

- 5 -

Итак, мы с вами пришли к одному интересному выводу. Историческая литература представляет трудность для ограниченного чтения, потому что в ней особым образом соединяются два способа написания текстов. Научные книги нелегки для расширенного чтения, поскольку читатель должен каким-то образом следить за рассказом об особом опыте. Конечно, это не единственная трудность при ограниченном или расширенном чтении. С другими мы столкнемся позже. Но пока в данном контексте философия может показаться нам самым простым чтением. Однако это верно лишь в том смысле, что освоение правил чтения научных работ само по себе ведет к освоению философских книг.

Вы можете возразить, что от всех этих бесконечных различий между различиями мало пользы тем, кто хочет научиться читать. Думаю, что могу опровергнуть ваше мнение, хотя пройдет немало времени, прежде чем вы убедитесь окончательно в моей правоте. Во-первых, для начала напомню, что вы уже признали смысл в разграничении поэзии и науки. Вы поняли, что

невозможно одинаково читать художественную прозу и книгу по геометрии. Одни и те же правила неприменимы к разным видам нехудожественных книг, например исторических и философских.

Во-вторых, позвольте обратить ваше внимание на очевидный факт. Если вы зайдете в класс, в котором преподаватель читает лекцию или ведет занятие, то довольно скоро определите, какой предмет является темой урока: история, наука или философия. Вам поможет манера изложения преподавателя, используемые им слова и аргументы, а также тип проблемы, которую он рассматривает. И если вы собираетесь внимательно слушать урок, для вас важно знать предмет. К счастью, большинство из нас сообразительнее того студента, который полсеместра просидел на лекциях по философии, не зная, что курс истории, на который он записался, читают в другой аудитории.

Способы обучения разным предметам различаются между собой. Это известно любому преподавателю. Разница методов и предметов сказывается и в том, что философу обычно проще учить студентов, которые ранее не слушали лекции других философов, тогда как ученый будет рад тем студентам, которые уже получили азы знаний у его коллег. Философам в целом труднее учиться друг у друга, чем ученым. Я говорю о таких общеизвестных фактах, чтобы показать, почему неизбежны различия в преподавании философии и науки.

Итак, если существует различие в методах преподавания, должно быть соответствующее различие и в способах обучения. Деятельность студента тем или

иным образом должна отвечать деятельности учителя. Отношения между книгами и читателями аналогичны отношениям между одушевленными преподавателями и их студентами. Таким образом, если книги различаются по типу знаний, которые в них содержатся, то они обучают нас разными способами. Если мы хотим учиться, то должны уметь читать каждый тип книг надлежащим способом.

Посвятив целую главу изложению своей точки зрения, сейчас я вас обрадую. Возможно, вам будет приятно узнать, что в следующих главах при рассмотрении оставшихся правил чтения я буду говорить обо всех книгах, передающих знания, которые мы читаем ради информации и ради понимания, так, будто они принадлежат к одному типу. Они действительно являются книгами одного типа в самом общем понимании и относятся скорее к нехудожественной литературе. Потому прежде, чем вы начнете учиться применять правила чтения к различным типам нехудожественной литературы, необходимо будет понять и освоить их в самом общем виде.

Классификация станет более ясной лишь после того, как вы поймете правила в целом. А потому я постараюсь отложить рассмотрение второстепенных типов до четырнадцатой главы. К этому времени вы изучите все правила чтения и поймете, как их применять к любой книге, несущей знание. Затем можно будет поговорить о том, как различия, рассмотренные нами в этой главе, влияют на правила чтения в целом.

Когда мы закончим, вы лучше поймете, почему первое правило первого прочтения любой книги категорично требует знать, какого типа эта книга.

Надеюсь, что у вас это получится, поскольку я уверен — опытный читатель способен к тонкой дифференциации.

Глава девятая. Разглядите «скелет»

- 1 -

У каждой книги есть свой «скелет в шкафу», а точнее — между страницами. Ваша задача — его найти. Книга попадает к вам, если можно так сказать, с плотью на костях и в одежде. Она полностью готова к выходу в свет. Я не прошу вас быть грубыми и безжалостными. Вам не придется раздевать ее или обнажать кости, чтобы увидеть скрытый жесткий каркас. Но в процессе чтения вы должны «просвечивать» книгу «рентгеновским» взглядом, поскольку важнейшая часть первого восприятия книги — это определение ее структуры.

Вы знаете, как яростно некоторые люди не приемлют вивисекцию. Есть и те, кто не менее горячо протестует против любого анализа. Им просто не нравится что-либо расчленять, даже если режущим инструментом выступает ум. Они чувствуют, что анализ что-то разрушает. Особенно часто это бывает с произведениями искусства. Когда вы пытаетесь показать такому человеку внутреннюю структуру, сочетание элементов, способ их соединения, он реагирует так, словно вы только что убили стихи или музыкальное произведение.

Поэтому я использовал метафору с рентгеном. Живой организм не пострадает, подвергнувшись такому исследованию. Пациент даже не почувствует вмешательства — и в то же время врач изучит строение

его тела. У него появляется наглядная общая «карта». Никто не сомневается в пользе такого знания для дальнейших манипуляций с живым организмом.

Таким же образом вы можете проникнуть сквозь «подвижную» поверхность книги к ее «скелету». Увидеть, как соединяются ее части, понять, как они подогнаны друг к другу, проследить общую связующую нить. Это можно сделать без малейшей угрозы жизнеспособности книги. Не стоит опасаться, что Шалтай-Болтай рассыплется и его невозможно будет собрать. Весь механизм может продолжать работать, пока вы изучаете устройство его деталей.

Этот урок я усвоил еще будучи студентом. Как и множество моих ровесников, я полагал, что умею писать стихи. Возможно, даже считал себя поэтом. Видимо, поэтому я так резко отреагировал на слова преподавателя английской литературы. Тот убеждал нас, что можно в одном предложении выразить структурную единицу каждого стихотворения, а затем составить каталог его содержания в прозе, перечислив по порядку все составляющие.

Проделать подобное с «Адонаис» Шелли или одой Китса казалось мне едва ли не нанесением тяжелых увечий. Такое хладнокровное «расчленение» убьет всю поэзию, думал я. Но я проделал эту работу, провел необходимый анализ — и год спустя с удивлением обнаружил обратное. Такая тактика чтения не разрушает стихи. Напротив, благодаря обретенному в результате анализа пониманию стихи становились похожими на живой организм. Вместо размытого пятна стихотворение выглядело грациозным и подвижным реальным существом.

Таков был мой первый урок чтения. Из него я почерпнул два принципа — второе и третье правила чтения любой книги. Да, я сознательно употребил слово «любой». Эти правила в равной степени можно отнести к науке, поэзии и нехудожественной литературе. Конечно, они будут по-разному применяться к разным книгам. Единица романа не равна единице политического труда; в той же степени не равны составляющие одного типа или одинаково упорядоченные. Но каждая заслуживающая внимания книга имеет свою структуру. Лишенная подобной организации, она становится беспорядочной и бессмысленной. Такая книга не особо пригодна для чтения, как и все плохие книги.

- 2 -

Я изложу эти два правила как можно проще. Затем поясню и проиллюстрирую их.

Итак, первое правило, которое мы рассмотрели в предыдущей главе, звучит следующим образом: *классифицируйте книгу по типу и предмету.*

Второе правило — я говорю «второе», потому что хочу сохранить нумерацию четырех правил первого способа чтения — требует от нас: *передавайте целостную суть книги в одном предложении или максимум в нескольких (в рамках краткого абзаца).*

Таким образом, вы должны уметь рассказать, о чем повествует книга, в максимально сжатом виде. Обратите внимание, что это действие не аналогично причислению книги к какому-то типу. Вас могут сбить с толку слова «о чем». С одной стороны, книга написана об определенном предмете, который в ней рассматривается определенным

образом. Зная этот предмет, вы понимаете, какого типа книга перед вами. Но есть и еще одно, более повседневное значение слов «о чем». Мы спрашиваем «О чем ты думаешь?» Точно так же нас может интересовать, о чем думает и говорит автор. Чтобы выяснить, о чем книга, необходимо определить ее *тему* или *основную мысль*.

Думаю, все согласятся, что книга — это произведение искусства. Более того, чем она лучше как книга и как произведение искусства, тем более изящна и глубока ее целостная структура. Это также справедливо для музыки, живописи, литературы и драматургии. Данная закономерность прослеживается и в отношении книг, передающих знания. Однако недостаточно просто принять этот факт — необходимо четко осознать, что такое целостность. Мне известен только один способ проверить собственное понимание. Вы должны уметь несколькими словами объяснить себе или кому-нибудь, что такое целостность. При этом — прошу — не удовлетворяйтесь «ощущением целостности», которое не можете выразить. Студент, который говорит «я знаю, но не могу сказать», обманывает только самого себя.

Пришло время сформулировать наше третье правило, которое звучит так: *перечислите основные части книги, покажите, как они организованы в одно целое, в каком порядке расположены относительно друг друга и всей книги.*

Обоснование этого правила лежит на поверхности. Элементарное произведение искусства на первый взгляд не имеет составляющих. Но это не так. Ни одна из осязаемых материальных вещей, известных человеку, не является абсолютно простой, равно как и творения,

созданные руками человека. Все они представляют собой сложные объекты, которые будут совершенно непонятны, если вы будете знать о них только то, что это единое целое. Необходимо понимать, что эти объекты всегда представляют собой совокупности и организованные структуры, а не собрания разнородных частей. Если бы части не сочетались органично, целое не было бы целым. Строго говоря, вместо него существовала бы просто некая разномастная коллекция.

Думаю, вам хорошо известна разница между грудой кирпичей и домом, который можно из них построить. Вы также знаете разницу между одним домом и целым жилым кварталом. Книга — это, по сути, отдельный дом, коттедж с массой комнат разного размера, расположенных на разных этажах, имеющих различный дизайн интерьеров и выполняющих различные функции. Отчасти эти комнаты не связаны между собой. Каждая имеет свою форму и внутреннюю отделку. Но их соединяют двери и арки, коридоры и лестницы. Следовательно, их отдельные функции влияют на содержание всего дома. Иначе этот дом будет просто непригоден для жизни.

Архитектурная аналогия почти идеальна. В хорошей книге, как и в хорошем доме, все части упорядочены. Основные части в некотором смысле даже независимы. Как мы увидим, они могут иметь собственную внутреннюю структуру. Но при этом обязательно связаны с другими составляющими функционально, иначе просто не смогут вносить свой вклад в качество книги.

Как дома могут быть более или менее удобными для жизни, так и книги можно назвать более или менее удобными для чтения. Наиболее удобочитаемая книга —

это архитектурное достижение автора. Лучшие книги, как правило, имеют четкую и очевидную структуру. Хотя они обычно более сложно организованы, чем слабые книги, эта сложность каким-то образом создает удивительную простоту, текст оказывается идеально гармоничным, упорядоченным и единым.

Это еще один из доводов в пользу чтения великих книг. Мало того — посредственные книги обычно более скучны. И все же, чтобы хорошо их прочесть — насколько это возможно, — необходимо обнаружить в них внутренний план. Лучше, если автор сам четко понимает структуру своей книги. Но даже если эта книга представляет собой единое, сложное и неделимое пространство, план все равно должен быть, и ваша задача — его обнаружить.

- 3 -

Вернемся ко второму правилу, которое требует определить целостную структуру книги. Несколько иллюстраций к данному правилу помогут вам успешно применять его на практике. Начну с известного случая. Многие наверняка читали в школе «Одиссею» Гомера. И, безусловно, многие знают историю Одиссея, который десять лет возвращался на родину после Троянской войны, в то время как дома ждала его верная жена Пенелопа, осаждаемая поклонниками. В изложении Гомера это тщательно выписанная история, с множеством захватывающих приключений на суше и на море, насыщенная разнообразными эпизодами и нюансами. Как и любая качественная история, она обладает единством действия и непрерывностью

основной нити сюжета, связывающей все ее составные части.

Аристотель в своей «Поэтике» утверждает, что это признак хорошего рассказа, романа или пьесы. При этом он показывает, как всю «Одиссею» можно пересказать несколькими фразами.

Человек много лет не может попасть домой; под бдительным надзором Нептуна он остается в изгнании. Тем временем его дом находится в плачевном состоянии; враги пользуются его имуществом и строят козни против его сына. Наконец сквозь бури и штормы он прибывает на родину; заводит разные знакомства; собственноручно расправляется с врагами и избавляется от угрозы, одержав победу.

«Это, — говорит Аристотель, — суть сюжета; все остальное — эпизоды».

Познакомившись с сюжетом таким не совсем обычным для вас образом, проанализировав степень единства всего повествования, вы можете разместить все составляющие по своим местам. Возможно, вы захотите проделать это с несколькими романами, которые когда-то читали. Попробуйте с этой целью обратиться к таким великим книгам, как «Том Джонс», «Преступление и наказание» или «Улисс». Однажды, когда мистер Клифтон Фейдимен^[39] был в Чикаго, мы с моим коллегой, профессором Хатчинсом, попросили его провести в нашей группе дискуссию об «Истории Тома Джонса, найденыша» Филдинга. В своем выступлении он сократил сюжет до известной формулы: парень встречает девушку, парень хочет быть с девушкой, парень

³⁹ Американский литературный критик и радиоведущий.

добивается благосклонности девушки. Это сюжет любой романтической истории. Студенты согласились с его мнением — в мире действительно существует очень мало сюжетов. Разница между хорошей и плохой художественной прозой со схожей фабулой состоит именно в том, что с ней делает автор и как он умеет «нарядить» голый скелет.

Следующая иллюстрация подходит нам больше, поскольку относится к нехудожественной литературе. Возьмем первые шесть глав этой книги. Надеюсь, к этому времени вы их уже прочли. Можете ли вы рассмотреть их как завершенное целое и передать суть прочитанного? Если бы этот вопрос задали мне, я бы ответил следующим образом. Это книга о природе чтения в целом, о различных видах чтения и о том, как искусство чтения связано с искусством обучения в колледже и вне его стен. Таким образом, автор этой книги — то есть я — рассматривает серьезные последствия пренебрежительного отношения к чтению для системы современного образования и предлагает следующее решение: заменить книги одушевленными учителями, если студенты могут самостоятельно научиться читать.

Так я вижу суть своего текста в двух предложениях. Но не рискну просить вас перечитать еще раз первые шесть глав, чтобы проверить мою правоту.

Иногда автор любезно информирует нас о сути книги прямо на титульном листе. В восемнадцатом веке писатели составляли подробные заголовки, сообщая читателям, о чем говорится в книге. Возьмем, например, заголовок книги Джереми Кольера, английского богослова, обличавшего непристойность комедий эпохи Реставрации гораздо более обоснованно, чем сегодня

Католический легион^[40] обличает фильмы. Итак, читаем «Краткий обзор аморальности и нечестивости английского театра, подкрепленный выдержками из античных авторов». Из него мы узнаём, что Кольер в своей книге рассказывает о множестве вопиющих случаев оскорбления общественной морали и обосновывает свое заявление цитатами из текстов античных писателей, которые были полностью согласны с Платоном в том, что театр развращает молодежь. Там же автор утверждает, что театральные представления — это дьявольское искушение плоти, подкрепляя свое мнение высказываниями основателей церкви.

Иногда автор раскрывает свой замысел в предисловии. В этом отношении нехудожественная литература отличается от художественной. Ученому или философу нет резона держать вас в напряжении. Чем меньше такое напряжение, тем больше вероятность, что вы дочитаете книгу до конца. Нехудожественная книга, как и газетная статья, может содержать четкое резюме в первом абзаце.

Не будьте чрезмерно горды и не отвергайте помощь автора, если он ее предлагает. Но при этом не полагайтесь полностью на предисловие. Лучшие намерения авторов порой оборачиваются полным провалом для читателей. Руководствуйтесь схемой автора, но всегда помните, что поиск сути — обязанность

⁴⁰ Национальный легион приличия, созданный в 1933 г. американской католической церковью. Выступает в защиту благопристойности. Основная цель — выявление нежелательных с точки зрения морали кинофильмов и борьба с их появлением на экранах. В XX в. имел большое влияние на киноиндустрию, зачастую решая прокатную судьбу картин. Сегодня влияние утрачено, усилия организации сконцентрированы на административной работе и академических исследованиях.

читателя, так же как ее наличие — обязанность автора. Чтобы честно выполнить эту задачу, необходимо прочесть книгу полностью.

В первом абзаце книги Геродота по истории греко-персидской войны содержится идеальное резюме всей книги. Звучит оно так: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы произошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Для читателя это хорошее начало. В нем лаконично сообщается, о чем речь в книге. Но не следует на этом останавливаться. После прочтения всех девяти частей вы, вероятно, сочтете нужным расширить это сообщение, чтобы отдать должное всей книге. Возможно, в своем изложении сути вы захотите упомянуть персидских королей — Кира, Дария и Ксеркса, греческих героев Саламина и Фермопил, а также основные события — переправу через Геллеспонт и решающие сражения.

Прочие захватывающие подробности, которыми Геродот щедро сыплет в своем повествовании, можно не упоминать в сюжете. Обратите внимание, что суть истории — это одна фабула, что роднит ее с художественной литературой. Отчасти это я имел в виду в последней главе, когда говорил, что история — это сочетание науки и поэзии. С точки зрения сути это правило чтения расшифровывается одинаково в истории и художественной прозе. Но есть и другие правила, которые требуют одинакового анализа в истории, науке и философии.

Еще несколько примеров — и достаточно. Сначала обратимся к практической книге. «Этика» Аристотеля — это исследование природы человеческого счастья и анализ условий, при которых счастье можно обрести или утратить, с указанием того, каким должно быть поведение и мышление человека, чтобы стать счастливым или избежать несчастной судьбы. При этом основной акцент делается на развитии добродетелей — нравственных и интеллектуальных, хотя и прочие блага также признаются, например богатство, здоровье, друзья и справедливое общество.

Следующая практическая книга — «Богатство народов» Адама Смита. В ней на помощь читателю приходит изложение самим автором «плана работы» в самом начале повествования. Но оно занимает несколько страниц. Более кратко суть данной книги можно передать так: это исследование источников народного богатства в любой экономической системе, построенное на разделении труда, с учетом оплачиваемых усилий, возвращаемого в капитал дохода и арендной платы за землю как основных факторов формирования цен на товары. В нем рассматриваются различные способы более или менее прибыльного использования капитала, а также связь происхождения и использования денег с накоплением и применением капитала. Автор проводит исследование того, как происходит формирование богатства у разных народов в разных условиях. В книге сравниваются несколько политэкономических систем и приводятся аргументы в пользу свободной торговли. Если читатель уловил суть «Богатства народов», а также «Капитала» Карла Маркса, то он легко увидит связь между двумя наиболее влиятельными книгами современности.

«Происхождение видов» Дарвина дает нам прекрасный пример целостной структуры теоретической научной книги. Я бы передал ее так: это описание разнообразного мира животных на протяжении бесчисленных поколений и анализ причин возникновения новых видов флоры и фауны. Книга рассказывает как об эволюции одомашненных животных, так и об эволюции различных представителей животного мира в естественных условиях. Автор пытается понять, как борьба за выживание и естественный отбор способствуют сохранению вида. Он утверждает, что вид — это не постоянная и неизменная группа, а всего лишь переходная форма к более стабильному физиологическому статусу. Свою точку зрения автор отстаивает, приводя такие примеры, как найденные учеными вымершие животные и географическое распределение ареалов животных. При этом он активно использует постулаты сравнительной эмбриологии и анатомии. Описание сегодня может показаться вам многословным, но в девятнадцатом веке эта книга была пищей для ума, которую не так просто было переварить.

И наконец, я возьму «Опыт о человеческом разумении» Локка как пример теоретической философской книги. Возможно, из прошлой главы вы помните, что Локк сам составил резюме к собственной работе как «исследование происхождения, достоверности и степени распространения человеческого знания, а также оснований и степени убеждения, мнения и согласия». Не буду спорить со столь прекрасным авторским изложением плана. Добавлю лишь две второстепенные характеристики, затрагивающие первую и третью части «Опыта»: автор показывает, что не существует врожденных мыслей, а все человеческое

знание приобретается из опыта; также он рассматривает язык как средство выражения мыслей, возможности его применения и наиболее распространенные злоупотребления, возникающие при этом.

Я бы хотел обратить ваше внимание на две особенности. Первая из них заключается в том, что мы никогда не знаем, как часто авторы, особенно хорошие, будут помогать нам в составлении планов книг. Несмотря на этот факт, большинство студентов полностью теряются, когда их просят вкратце рассказать, о чем повествует та или иная книга. Отчасти это может быть связано с общей неспособностью хорошо изъясняться по-английски. Отчасти — с пренебрежением именно этим правилом чтения. Но подобная ситуация, безусловно, показывает, что студенты обращают так же мало внимания на предисловие автора, как и на заголовок книги. Думаю, мы имеем право сделать вывод, что такое отсутствие вдумчивого отношения к литературе свойственно не только студентам, но и большинству читателей любого возраста. Подобные читатели, если их вообще можно так назвать, похоже, воспринимают книгу так, как, по мнению Уильяма Джеймса^[41], младенец воспринимает мир: нечто объемное, невнятное и расплывчатое.

Вторая особенность, о которой я хотел бы сказать, — это мой аргумент в свою защиту. Пожалуйста, не воспринимайте примеры резюме, которые я привел выше, как единственную и исчерпывающую формулировку сущности книги. Суть можно передать по-разному. В этом вопросе нет простого критерия

⁴¹ Уильям Джеймс (1842—1910) — американский философ и психолог, один из основателей теории прагматизма и функционализма.

правильности. Конечно, чем более емким, лаконичным, всесторонним и точным будет изложение, тем оно лучше. Но другие варианты тоже имеют право на существование.

Я часто описывал суть книги, выступая наперекор мнению автора и не принося ему за это извинений. Ваше изложение точно так же может не совпадать с моим. В конце концов, читатели могут воспринимать по-разному одну и ту же книгу. Неудивительно, что это отразится на изложении сути книги. Но данный факт еще ничего не значит. Читатели разные — но книга одна, а потому всегда можно объективно проверить точность и достоверность любых утверждений о ней.

- 4 -

Теперь мы можем перейти к другому структурному правилу, которое требует от нас изложения основных частей книги упорядоченно и с учетом их взаимосвязи. Это третье правило тесно связано со вторым, которое мы только что рассмотрели. Возможно, вы уже заметили, как в удачно изложенной сути книги отражены основные части, составляющие целое. Нельзя постичь целое, не видя его частей. Однако верно и то, что, не видя организации частей, невозможно всесторонне понять целое.

В ответ на это вы можете спросить, почему я предлагаю использовать два правила вместо одного. Прежде всего из-за удобства. Единую сложную структуру проще воспринимать в два этапа. Второе правило акцентирует ваше внимание на целостности, а третье — на сложном устройстве книги. Есть и еще одна причина

такого разделения. Основные части книги можно увидеть в тот момент, когда вы поймете ее сущность. Но обычно они сами по себе имеют сложное внутреннее устройство, которое тоже требует дополнительных усилий. Поэтому третье правило предполагает не только перечисление, но и комплексное восприятие частей текста как второстепенных объектов — единых и сложно организованных.

Могу написать формулу действия в соответствии с третьим правилом. Итак, это формула, а значит, она указывает направление в целом. Как вы помните, согласно второму правилу, мы говорили: книга посвящена такой-то теме. Затем можем продолжить так: 1) автор реализовал свой замысел в пяти основных частях; в первой части речь идет о том-то, во второй — еще о чем-то и так далее; 2) первая из основных частей содержит три раздела, из которых в первом рассматривается X , во втором — Y , а в третьем — Z . Затем аналогичным образом мы анализируем каждый из трех разделов, а также все разделы других основных частей; 3) в первом разделе первой части автор делает четыре утверждения, первое из которых A , второе B , третье C и четвертое D . Затем мы таким же образом анализируем все остальные разделы.

Испугались? Не вижу причины. Столько всего сделать, скажете вы, и уже при первом чтении книги! Это же займет целую вечность. Если вам так кажется, то все мои предупреждения не принесли пользы. Изложенное в виде холодной и строгой формулы, правило выглядит так, словно требует от вас невозможного. Но вы забыли, что для хорошего читателя все эти действия привычны, а значит, просты и естественны. Он может во время чтения ничего не записывать вовсе и даже обойтись без

вспомогательных вербальных конструкций. Но если такого читателя попросить рассказать о структуре книги, его ответ будет примерно соответствовать моей формуле.

Слово «примерно» должно избавить вас от тревожных сомнений. Хорошее правило всегда описывает идеальный способ действия. Но человек может владеть и не совсем идеальным навыком. Он может быть добросовестным практиком, применяя правило в «приблизительном» виде. Я же дал идеальную формулу. Если вы хотя бы просто приблизитесь к тому, что требуется в идеале, — этого будет вполне достаточно. Даже отточив собственное мастерство, вы не всегда будете читать все книги с одинаковым усилием. Вы просто не захотите этого и не сочтете нужным применять все свое умение в отношении некоторых книг.

Я старался максимально приблизиться к идеальному выполнению этого правила только при чтении относительно небольшого количества книг. Но чаще всего я довольствовался весьма общим представлением о структуре книги. Следуя моему примеру, вы обнаружите, что степень приближения к идеалу зависит от характера книги и цели чтения. Несмотря на такое непостоянство, правило остается неизменным. Вы должны уметь применять его, независимо от того, будете ли вы следовать ему неукоснительно.

Непривлекательность нашей формулы определения порядка и взаимосвязи частей книги можно компенсировать несколькими иллюстрациями этого правила в действии. К сожалению, его проиллюстрировать сложнее, чем все предыдущие правила, имеющие отношение к изложению сути текста.

Все-таки суть можно передать одним-двумя предложениями, максимум — коротким абзацем. Но когда речь идет об объемной и сложной книге, точное перечисление ее основных частей, разделов и *подразделов* до мельчайших структурных единиц займет не одну страницу.

Кстати, некоторые великие средневековые комментарии к трудам Аристотеля длиннее, чем сами оригиналы. Конечно, они содержат не только структурный анализ, но и толкование каждого предложения автора. То же самое относится и к некоторым современным комментариям, например к «Критике чистого разума» Канта. Предлагаю вам заглянуть в подобные комментарии, если вы хотите увидеть пример идеального выполнения этого правила. Фома Аквинский начинает каждый раздел своего комментария великолепным объяснением мыслей, высказанных Аристотелем в этой части книги. При этом он всегда четко фиксирует место каждой части в структуре целого текста, особенно относительно предыдущих и последующих фрагментов.

Хотя, возможно, лучше совсем не читать мастерски составленные комментарии. Начинающего читателя может угнетать их совершенство. Он будет чувствовать себя новичком-альпинистом у подножия Эвереста. Пример слабого и поверхностного анализа вдохновит его сильнее, хотя, конечно же, принесет меньше пользы. Нет ничего страшного в том, чтобы позволить какому-нибудь силачу взять вашу повозку на буксир. Но все-таки лучше как следует смазать ее колеса, прежде чем вы решитесь самостоятельно взять в руки поводья.

Иллюстрировать это правило трудно. Я должен выбрать то, что с относительно высокой вероятностью читали все. Иначе вы не сможете извлечь пользу из примера моего анализа. Следовательно, возьмем для начала первые шесть глав этой книги. Должен сразу вас предупредить, что эта книга не очень хороша. Я бы не отнес ее автора к великим мыслителям. Структура книги довольно нечеткая. Разделение на главы не соответствует общему принципу. Деление глав на разделы часто беспорядочно и прерывается бессвязными отступлениями. Вам может показаться, что это легкая книга, но анализ говорит о том, что она не очень удобочитаема.

Ниже приведен анализ первых шести глав, составляющих Часть I, в виде единого целого.

Книга (то есть собственно Часть I) делится на три основные части.

А. В первой части речь идет о природе и типах чтения, а также о роли чтения в образовании.

В. Во второй части рассматривается несостоятельность современного образования в области чтения.

С. В третьей части предпринимается попытка показать, как можно исправить нынешнюю ситуацию в образовании.

Первая часть (А) делится на следующие пункты:

— в первом рассматриваются разные виды и уровни способности к чтению;

— во втором речь идет об основных различиях между чтением ради развлечения и чтением ради обучения;

— в третьем проводится различие между чтением ради информации и чтением ради понимания;

— в четвертом рассматривается связь последнего различия с активным и пассивным чтением;

— в пятом дается определение тому виду чтения, который будет рассмотрен как получение сообщений, передающих знания;

— в шестом анализируется взаимосвязь чтения и обучения, а также изучается разница между обучением путем открытия и обучением у кого-либо;

— в седьмом идет речь о взаимосвязи между книгами и учителями, определяется различие между одушевленными и неодушевленными учителями и утверждается, что чтение — это обучение у неодушевленных учителей;

— в восьмом рассматривается различие между основными и второстепенными учителями, как одушевленными, так и неодушевленными, и великие книги, содержащие оригинальное сообщение, признаются основными учителями.

Вторая часть (В) делится на следующие пункты:

— в первом рассматриваются примеры из профессионального опыта автора, свидетельствующие о неумении студентов читать книги;

— во втором речь идет об отношении чтения к таким умениям, как письмо и владение устным словом, в контексте недостатков современного образования;

— в третьем сообщаются результаты исследований в области образования, демонстрирующие отсутствие необходимых умений у выпускников наших учебных заведений;

— в четвертом собраны свидетельства других людей, в частности книгоиздателей, подтверждающие результаты вышеупомянутых исследований;

— в пятом делается попытка объяснить причины несостоятельности школ.

Третья часть (С) делится на следующие пункты:

— в первом доказываемся, что для овладения любым искусством или навыком необходимо действовать по правилам;

— во втором идет речь о том, как искусством чтения могут овладеть те, кому это не удалось сделать в школе;

— в третьем высказывается предположение, что, научившись читать, можно компенсировать недостаток образования;

— в четвертом выражается надежда на то, что будут приняты серьезные меры для реформирования системы образования, если люди благодаря умению читать поймут, каким оно должно быть.

В первом пункте первой части высказываются такие утверждения: 1) читатели этой книги должны уметь читать в одном смысле этого слова, но могут не обладать умением читать другими способами; 2) люди обладают разными способностями к чтению, в зависимости от врожденных качеств и образования; 3) большинство людей не представляют, из чего состоит искусство чтения.

И так далее, и тому подобное.

На этом я останавлиюсь — вы сами видите, сколько страниц я потратил бы, продолжая скрупулезно выполнять эту задачу. Мне пришлось бы перечислить все мысли, высказанные во всех пунктах всех основных частей. Вы наверняка заметили, что я назвал три основных этапа анализа, соответствующие трем частям формулы, которую дал вам несколькими страницами ранее. Первая — это определение основных частей; вторая — деление их по пунктам; третья — перечисление основных мыслей каждого пункта. Я уже выполнил первые два этапа анализа, но еще не приступил к третьему.

Просмотрев еще раз те шесть глав, которые я анализировал, вы обнаружите, что они не так хорошо структурированы, упорядочены и ясны, как я их представил в процессе своего анализа. Некоторые мысли выглядят «отдельными». Некоторые главы пересекаются по смыслу друг с другом, рассматривая при этом одну и ту же мысль или тему. Из-за таких недостатков я и называл свою книгу не очень хорошей. Если вы попытаетесь завершить начатый мной анализ, то сами в этом убедитесь.

Я мог бы привести еще несколько примеров использования этого правила, если бы не пытался тщательно выполнять процедуру. Возьмем Конституцию США. Это интересный и полезный документ, который к тому же очень хорошо структурирован. Вы с легкостью выделите его основные части. Они достаточно четко определены, хотя потребуются небольшой анализ для того, чтобы их увидеть. Предлагаю выделить следующие части:

Первая — Преамбула, в которой излагается цель Конституции.

Вторая — Статья первая, в которой речь идет о законодательной власти.

Третья — Статья вторая, в которой рассматривается деятельность исполнительной власти.

Четвертая — Статья третья, в которой рассматривается деятельность судебной власти.

Пятая — Статья четвертая, в которой идет речь об отношении между правительством и федеральными органами управления.

Шестая — Статьи пятая, шестая и седьмая, в которых рассматриваются поправки к Конституции, ее статус верховного закона страны и условия ее ратификации.

Седьмая — Первые десять поправок, составляющих Билль о правах.

Восьмая — Остальные поправки, появившиеся за период от момента принятия Конституции до наших дней.

Постараюсь максимально кратко привести еще один пример. Ранее я уже излагал суть «Этики» Аристотеля. Теперь хотел бы в общих чертах представить ее структуру. Целое здесь делится на шесть основных частей. В первой части рассматривается как жизненная цель и сопоставляется с прочими материальными благами. Во второй изучается природа действия под влиянием свободного выбора и ее связь с формированием добродетелей и пороков; в третьей рассматриваются разные добродетели и пороки — нравственные и интеллектуальные. В четвертой речь идет о тех нравственных состояниях, которые не являются ни благими, ни порочными. Пятая становится размышлением о дружбе; а в последней, шестой, рассматривается феномен удовольствия и завершается исследование человеческого счастья, начатое в первой части.

Эти части явно не совпадают по структуре с десятью томами «Этики». Первая часть соответствует первому тому; вторая часть — второму и первой половине третьего; следующая, третья, часть охватывает текст с середины третьего тома до конца шестого; а об удовольствии Аристотель рассуждает в конце седьмого тома и в начале десятого.

Все это я написал с одной целью — показать вам, что необязательно следовать видимой структуре книги и пристально следить за делением на главы. Конечно, эта структура может быть лучше, чем ваша схема, но так бывает — поверьте — не всегда; в любом случае ваша задача — выработать собственный план. Автор составил такой план для себя, чтобы написать полезную книгу. Вы

должны составить свой, чтобы хорошо ее прочитать. Если бы автор был идеальным писателем, а вы — идеальным читателем, ваши планы обязательно бы совпали. Но один из вас — так уж заведено — непременно далек от совершенства, а значит, расхождения неизбежны.

Все-таки прошу вас не игнорировать названия глав и подпункты, выделенные автором. Они призваны вам помочь, так же как заголовки и титульные листы. Но вы должны сделать их ориентирами для собственных действий, а не просто пассивно полагаться на их присутствие. Авторы нечасто радуют нас идеальными планами, но в великих книгах планы, как правило, существеннее, чем кажется изначально. Поверхностное впечатление обманчиво. Чтобы обнаружить настоящую структуру, необходимо заглянуть глубже.

- 6 -

Два правила чтения, которые мы рассмотрели, в некоторой степени напоминают правила сочинения текстов. Более того, они, безусловно, таковыми являются. Письмо и чтение дополняют друг друга так же, как учеба и преподавание. Если бы авторы и преподаватели не структурировали свои сообщения, не объединяли и не упорядочивали их части, то не было бы смысла направлять читателей или слушателей на поиск сути и структуры целого.

Хотя в обоих случаях существуют взаимные правила, применяются они не всегда одинаково. Читатель стремится обнаружить скелет, скрытый в книге. Автор начинает с него и стремится его замаскировать.

Его цель — задрапировать этот скелет любыми художественными способами, нарастив плоть на голые кости. Хороший писатель не станет мистифицировать читателя, маскируя хлипкий скелет фиговыми листьями. Суставы не должны быть видны из-за слабости плоти, но их можно обнаружить — и движение частей тела укажет на эти важные сочленения.

Несколько лет назад я совершил поучительную ошибку. Я написал книгу в форме схемы. Будучи увлеченным важностью структуры, я перепутал искусство сочинения с искусством чтения. Набросав структуру книги, я опубликовал ее. Естественно, она показалась отвратительной большинству уважающих себя читателей, которые думали, что смогут проделать свою работу, если я проделаю свою. По их реакции я понял, что предложил им читать книгу, которую не написал. Писатели должны писать книги, предоставляя составление комментариев читателям.

Подводя промежуточные итоги, хочу напомнить вам один старый афоризм о том, что любое произведение должно быть целостным, понятным и связным. Это основы хорошей литературы. Правила, рассмотренные в данной главе, относятся к литературе, которая полностью соответствует упомянутому афоризму. Если книга целостна, мы можем выделить ее суть. Если она написана понятно и связно, мы можем разделить ее на части в строгом порядке. Четкость схемы является индикатором ясности книги. Связное изложение держится на упорядоченности частей.

Добавлю, что эти два правила можно применять при чтении любой нехудожественной литературы — как всей книги, так и определенной ее части. Если выбранная

часть является относительно независимым сложным целым, для качественного прочтения потребуется выявить ее суть и структуру. Существует значительная разница между книгами, передающими знания, с одной стороны, и поэзией, пьесами или романами — с другой. В первом случае части целого, как правило, более автономны. Студент, который должен был прочесть весь текст романа, но утверждает, что «прочел достаточно, чтобы уловить смысл», сам не понимает, о чем говорит. Если роман хоть немного заслуживает внимания, его смысл заключен в каждом слове произведения, а потому не может быть обнаружен до завершения чтения. Однако общий смысл «Этики» Аристотеля или «Происхождения видов» Дарвина вполне можно уловить, прочтя внимательно несколько частей книги.

- 7 -

Уже достаточно давно, так что вы могли и забыть, я упоминал заключительное — четвертое правило, очень важное для первого прочтения книги. Его можно прокомментировать кратко. Оно не требует подробного объяснения и совсем не нуждается в иллюстрациях. Это правило повторяет в немного иной форме то, что вы уже делали, применяя второе и третье правила. Но такое повторение полезно, поскольку позволяет взглянуть на целое и его части в новом свете.

Согласно четвертому правилу, вам следует выяснить, какие проблемы затрагивает автор. Безусловно, в большей степени это относится к великим книгам. Мы помним, что великая книга всегда содержит оригинальное сообщение — автор начинает с

рассмотрения проблемы, заканчивая ее решением. Проблема — это вопрос. Книга содержит один или несколько ответов.

Писатель может и не озвучить свои вопросы. Он также вправе умолчать об ответах, которые являются результатом его труда. Но задача читателя в любом случае, а особенно при отсутствии этих вопросов, ответов и каких-либо подсказок, — самостоятельно и максимально точно сформулировать проблему. Вы должны уметь определять главную проблему книги, а далее уже выделять второстепенные, если ключевой вопрос имеет сложную структуру. Вы должны уметь слышать все вопросы автора и располагать их в разумном порядке. Какие из них основные, а какие — второстепенные? Какие требуют немедленного ответа?

Вы видите, что четвертое правило в некотором смысле дублирует работу, которую вы уже проделали, определяя суть и структуру книги. И все же оно помогает вам осуществить эту задачу. Иными словами, выполнение данного правила полезно в сочетании с применением двух других.

К тому же, если вам известны вопросы, которые *может задавать кто угодно и о чем угодно*, вы станете настоящим специалистом по выявлению проблем автора. Эти вопросы можно сформулировать кратко. Существует ли нечто? Что это такое? Почему оно возникло, при каких условиях может существовать и почему существует? Какой цели оно служит? Каковы последствия его существования? Каковы его характерные свойства и отличительные черты? Как оно связано с другими вещами подобного или иного рода? Как оно проявляется? *Все это теоретические вопросы. Следующие будут*

практическими. Какие цели преследуются? Какие средства используются для достижения целей? Что необходимо сделать, чтобы достичь определенной цели, и в какой последовательности? Что следует сделать или что предпочтительнее сделать? При каких условиях? В какой ситуации лучше сделать это, чем то?

Таков далеко не исчерпывающий, но наиболее востребованный и аналитически выверенный список необходимых вопросов. Именно они становятся нашими верными проводниками в поисках теоретических и практических знаний. Они помогают обнаруживать проблемы, которые автор стремится решить в своей книге.

Теперь, выполнив все четыре правила, описанные в прочитанных вами к этому моменту главах, вы можете на какое-то время отложить книгу, облегченно вздохнуть и сказать: «Вот и завершилось мое первое прочтение».

Глава десятая. Найдите общий язык

- 1 -

Итак, к чему мы пришли?

Мы увидели, что хорошая книга заслуживает трех прочтений, которые выполняются последовательно и сознательно в период, когда мы учимся читать. Но опытный читатель выполняет эти действия уже без усилий — одновременно и бессознательно. Мы выяснили, что существует четыре правила первого, или аналитического, чтения, а именно: 1) классифицировать книгу по типу и предмету; 2) как можно более лаконично изложить ее суть; 3) определить основные части книги,

их порядок и взаимосвязь; 4) выделить проблему или проблемы, которые автор стремится решить.

Теперь вы готовы перейти ко второму прочтению и его четырем правилам. Вы уже немного знакомы с первым из них, упоминавшимся мною во второй главе: найти ключевые слова, используемые автором, и выяснить, как он их употребляет. Мы с вами проверили это правило на практике, перечислив всевозможные значения таких слов, как «чтение» и «учеба». Если в любом контексте вы точно понимаете, что я имел в виду, используя эти слова, значит, мы с вами нашли общий язык.

Как правило, люди почти всегда находят общий язык на завершающей стадии любых успешных деловых переговоров. Остается только поставить подпись в указанном месте. Однако при чтении книги обретение общего с автором языка, то есть идентичное понимание терминов, — это первая стадия интерпретации. Если читатель не найдет общего языка с автором, передача знаний не состоится. Термин, как вы вскоре увидите, — это основная единица сообщаемого знания.

Вы наверняка догадались, что термин — это не слово, по крайней мере, не обычное слово без прочих признаков. Если бы понятия «термин» и «слово» совпадали, то, отыскав в книге ключевые слова, вы бы мгновенно узнали всю ее терминологию. Но у слова, особенно ключевого, может быть масса значений. Если автор использует его в одном значении, а читатель воспринимает в другом, между ними происходит обмен словами, но общий язык не находится. Там, где остается место неоднозначности, общение отсутствует. Или остается недопонимание.

Вчитайтесь в слово «коммуникация», то есть «общение». Его корень связан со словом «общий». Мы говорим об общении, когда у людей есть что-то общее. Мы вспоминаем о коммуникации, видя стремление одного человека поделиться чем-то с другим: знанием, решением, чувствами. Она успешна только тогда, когда между людьми возникает нечто общее — некое единое знание.

Если же в общении возникает недосказанность, собеседников объединяют только слова, которые один человек говорит или пишет, а другой — слушает или читает. Общих понятий у писателя и читателя в такой ситуации просто не может быть. Чтобы коммуникация успешно состоялась, обе стороны должны использовать одни и те же слова в одном и том же значении. Когда это случается — происходит настоящее чудо общения, два человека начинают мыслить одинаково.

Термин можно определить как однозначное слово. Это не вполне точно, ведь, строго говоря, таких слов не существует. Мне следовало бы сказать, что термин — это слово, употребляемое в определенном значении. В словаре содержится огромное количество слов. Практически все они имеют массу разных значений. Проверьте и убедитесь сами в справедливости сказанного мной, если считаете, что у данного правила есть масса исключений. Однако многозначное слово может быть использовано в определенном значении. Когда нам с вами как писателю и читателю удастся какое-то время использовать определенное слово в единственном значении, то именно на этот период мы находим общий язык. Например, я полагаю, что мы с вами нашли общий язык по поводу чтения и учебы.

Термины невозможно отыскать в словарях, хотя там содержится материал для их создания. Термины возникают лишь в процессе коммуникации, когда автор стремится избежать двусмысленности, а читатель помогает ему, стараясь следовать его правилам в использовании слов. Конечно, здесь существует множество уровней успеха. Поиск общего языка — это идеал, к которому должны стремиться писатель и читатель, одно из основных достижений в искусстве письма и чтения. А потому термины можно считать художественным, мастерским употреблением слов с целью передачи знаний.

А теперь позвольте немного изменить формулировку этого правила. Изначально оно звучало так: найдите ключевые слова и определите, как автор их использует.

Сейчас я могу сказать более точно и изящно: *выделите ключевые слова и с их помощью найдите общий язык с автором.* Обратите внимание, что правило состоит из двух частей. Первый шаг — найти слова, которые играют важную роль. Второй — определить их точное значение в этом тексте.

Таково первое правило второго — интерпретирующего — способа чтения. Остальные правила, которые мы рассмотрим в следующей главе, сходны с ним в одном важном аспекте. Они тоже предполагают две стадии: этап, связанный с языком как таковым, и выход за пределы языка — к мысли, которая стоит за ним.

Если бы язык был чистым и идеальным средством передачи мысли, эти два этапа совпадали бы друг с другом. Если бы каждое слово имело лишь одно значение, а неоднозначность была запрещена, то есть

каждое слово представляло собой идеальный термин, язык был бы ясным и прозрачным. Читатель видел бы мысли автора через его слова. В таком случае необходимость во втором типе чтения не появилась бы вообще. *Интерпретация была бы не нужна.*

Но вы знаете, что на самом деле это не так. Не стоит горевать по этому поводу, не стоит имитировать невозможные схемы идеального языка, как пытался делать философ и математик Лейбниц и некоторые его последователи. Единственное, что мы можем сделать — это получить от использования и знания языка максимум пользы, то есть применять его как можно более искусно.

Поскольку язык — это несовершенный инструмент, иногда он препятствует коммуникации. Правила интерпретирующего чтения направлены на преодоление такого препятствия. Можно надеяться, что хороший писатель сделает все возможное, чтобы достучаться до нас через все языковые барьеры и препоны, но нельзя рассчитывать, что он реализует это полностью. По сути, у нас есть шанс встретиться на полпути. Задача читателя — усердно пробивать тоннель со своей стороны. Шанс на встречу посредством языка зависит от желания читателя и писателя двигаться друг к другу. Разве увенчается успехом преподавание без взаимного желания учиться и учить? Автор, каким бы мастером он ни был, тоже не может организовать коммуникацию без желания со стороны читателей. Такая взаимность основывается на очевидном факте: правила хорошего чтения и сочинения в принципе совпадают. В ином случае мастерство чтения и письма не объединяло бы людей, сколько бы усилий они ни прилагали. Так, люди, которые прокладывают тоннель с противоположных сторон горы, встретятся

только при условии, что их расчеты основаны на одних и тех же инженерных законах.

Вы заметили, что все правила интерпретирующего чтения состоят из двух этапов. Я немного отвлекусь от технических аналогий, чтобы объяснить их связь. Пожалуй, это можно сравнить с двумя главными шагами, которые предпринимает сыщик при поиске убийцы. Из всех предметов, которые окружают место преступления, он должен выбрать те, которые сочтет уликами. Затем он должен использовать эти улики в погоне за преступником. Интерпретация книги чем-то напоминает работу сыщика. Поиск ключевых слов в некотором смысле похож на поиск улик. Обретение общего языка с их помощью — это погоня за мыслью автора.

Углубляясь в детали, хочу сказать, что эти правила имеют грамматический и логический аспекты. Грамматический этап связан со словами. Логический — с их значением, а точнее, с терминами. С точки зрения коммуникации оба этапа абсолютно необходимы. Если язык используется бездумно — коммуникация невозможна. А мысли или знания нельзя передать без языка. Грамматика и логика как прикладные науки напрямую касаются вопросов взаимосвязи языка и мысли.

Поэтому я говорил и продолжаю настаивать на том, что мастерство чтения и письма постигается через гуманитарные науки, особенно через грамматику и логику.

Вопрос языка и мысли — особенно в части различия между словами и терминами — настолько важен, что я рискну повториться, но при этом проверю, насколько вы поняли мою основную мысль. Она состоит в том, что

одно слово может быть носителем нескольких терминов. Приведу схематичную иллюстрацию. В данной книге слово «чтение» употребляется в различных смыслах. Возьмем три из них: 1) чтение как получение удовольствия; 2) чтение как получение информации; 3) чтение как достижение понимания.

Теперь обозначим слово «чтение» буквой *X*, а три его значения — буквами *a*, *b* и *c*. *Xa*, *Xb* и *Xc* не являются тремя разными словами, ведь *X* остается неизменным в трех случаях. Но они становятся тремя терминами, конечно, при условии, что мы с вами знаем, в каком из значений каждый раз употребляется *X*. Если я где-то написал *Xa*, а вы прочли *Xb*, то мы пишем и читаем одно слово, но разными способами. Неоднозначность препятствует коммуникации. Только воспринимая идентично одно и то же слово, мы обретаем общность мыслей. Мы не можем встретиться в точке *X*. Наша точка — только в *Xa*, *Xb* и *Xc*. Так мы находим общий язык.

- 2 -

Надеюсь, теперь вы готовы рассмотреть правило, которое требует от читателя определиться с терминами. Как он подходит к этому первому этапу? Как находит в книге ключевые слова?

Можно быть уверенным лишь в одном. Не все слова, используемые автором, являются ключевыми. Более того, можете быть уверены, что таких слов — большинство. Только те слова, которые автор использует особым образом, важны для него и для читателей. Конечно, это понятие относительное. Слова могут быть более или менее важными. Нас волнует только тот факт, что

некоторые слова в книге важнее прочих. В этом процессе опасны крайности, когда автор использует слова так же, как и первый встречный на улице. Но чаще он использует их корректно — так, как обычные люди в обычной речи, а потому у читателя не возникнет трудностей. Он знаком с их многозначностью и привык к вариативности смыслов в зависимости от контекста.

Например, слово «чтение» встречается в прекрасной книге сэра Артура Эддингтона «Природа физического мира». Он говорит о «чтении показателей» счетчиков научных приборов, используя при этом слово «чтение» в одном из привычных для нас значений. Для автора это не специальное слово. Он подразумевает стандартное употребление данного слова, чтобы передать свою мысль читателю. Даже в случае использования фразы «чтение природы» он наверняка будет уверен, что читатель заметит сдвиг к другому, понятному для нас смыслу слова. Читатель, не способный на это, вряд ли сможет общаться с друзьями или заниматься своей работой.

Но слово «причина» сэр Артур не может употреблять так же легко. Да, это слово из повседневного лексикона, но автор использует его в определенном смысле, рассматривая теорию причинности. Понимание этого слова играет роль, важную для автора и читателя. По той же причине слово «чтение» является ключевым в нашей книге. Нам не подходит его обыденное использование.

Повторяю, что чаще всего автор использует большинство слов, которые встречаются в разговорной речи, в различных смыслах, полагаясь на контекст. Знание этого факта должно помочь вам в выделении

более важных слов. Тут существует один критерий. Вы должны помнить, что в разные времена и в разных условиях одни и те же слова не всегда были одинаково привычными. Современный автор, такой как Эддингтон или я, употребляет большинство слов в нынешнем значении, и вы это знаете, поскольку живете сегодня. Но при чтении великих книг прошлого задача выделения слов может усложниться, ведь автор использовал их в контексте своего времени, понятном его современникам, но не нам. Если книга переведена с иностранного языка, это дополнительно усложняет задачу.

Итак, вы сами видите, что исключение повседневных слов может быть весьма приблизительным. Однако не подлежит сомнению, что большинство слов в книге можно прочесть по аналогии со словами, которые мы употребляем в разговоре с друзьями. Возьмите любую страницу любой книги и посчитайте слова, которые мы употребляем в диалоге с друзьями: все предлоги, союзы, а также большинство глаголов, существительных и прилагательных. Применительно к данной главе могу сказать, что здесь до сих пор нам встречались лишь несколько ключевых слов: «коммуникация», «слово», «важность», «термин» и «неоднозначность». Из них, конечно же, наиболее значимо слово «термин». Все остальные являются ключевыми в его контексте, по отношению к нему.

Нельзя выделить ключевые слова, не приложив усилий к пониманию отрывка, в котором они встречаются. Эта ситуация несколько парадоксальна. Если вам понятен отрывок, то, конечно, вы знаете, какие слова в нем являются ключевыми. Если вы его усвоили не полностью, то, скорее всего, вам непонятно, в каком значении автор употребил некоторые слова. Они

продолжают беспокоить вас, мешая ясному восприятию. Очень вероятно, что это именно те слова, которые автор употребил в особенном смысле. Посудите сами — вряд ли вас вывели бы из равновесия слова, использованные автором в обыденном значении.

Для вас как для читателя наиболее важные слова — те, в отношении которых вы испытываете затруднения. Как я уже сказал, возможно, именно они являются ключевыми и для самого автора. А может, и нет.

Если важные для автора слова не вызывают у вас трудностей, скорее всего, вы их поняли совершенно правильно. В этом случае вы уже нашли общий язык с автором. Дальнейшие усилия следует прилагать, только если у вас это не получилось.

- 3 -

До сих пор мы двигались от обратного, исключая из сферы своего внимания обычные слова. Мы руководствовались тем, что ключевыми следует считать лишь те слова, которые не являются для нас обыденными. Из-за этого они могут вызывать затруднения. Но есть ли другой способ определения ключевых слов? Есть ли положительные признаки, указывающие на них?

Могу предложить несколько таких признаков. Первый и наиболее очевидный — это явный акцент автора на определенных словах, что достигается различными способами. Автор может использовать типографские средства — кавычки или курсив, чтобы выделить нужное слово. Может прямо в тексте рассматривать его значения и смысл. Может, наконец,

подчеркнуть это слово, дав ему свое конкретное определение.

Никто не осилит Евклида без знания слов «точка», «прямая», «плоскость», «угол», «фигура», «параллель» и прочих ключевых понятий. Эти слова обозначают геометрические единицы, которым Евклид сам дает определение. Есть и другие важные слова: «равно», «целое» и «часть», но они не обозначают ничего конкретного. Вы знаете, что они важны, поскольку присутствуют в аксиомах. Евклид помогает вам, четко определяя свои основные положения в самом начале. Поэтому вы легко можете догадаться, что термины, которые составляют эти положения, являются основными. Возможно, данные слова не вызовут у вас затруднений, поскольку относятся к разговорной речи и Евклид употребляет их в том же значении.

Если бы все авторы писали так, как Евклид, читать было бы гораздо проще, скажете вы. К сожалению, это невозможно, хотя кто-то считает, что любой предмет можно представить в геометрическом изложении. Не буду объяснять, почему этот метод изложения и доказательства, идеально работающий в математике, неприменим к другим областям знаний. Для наших целей достаточно отметить общность в каждом способе изложения. Каждая область знания имеет собственный специальный словарный запас. Евклид говорит о своем с самого начала. Это свойственно и таким авторам, как Ньютон или Галилей, которые излагают материал «геометрическим» способом. В книгах, написанных иначе или на другие темы, специальный словарный запас предстоит открывать читателю самостоятельно.

Если автор не указывает на эти слова сам, читатель может их обнаружить с помощью собственного предварительного знания предмета. Если он что-то знает о биологии или экономике, перед тем как читать Чарльза Дарвина или Адама Смита, то, конечно, сможет увидеть путь к выделению специальных слов. Тут могут помочь различные этапы первого чтения. Если вы знаете, какого типа книга, о чем она в целом и каковы ее основные части, будет гораздо легче выделить специальный словарный запас из массива обычных слов. Название книги, внутренние заголовки и предисловие также могут быть очень полезны.

Теперь вы знаете, что слово «богатство» является термином для Адама Смита, а «вид» — для Чарльза Дарвина. А поскольку один термин влечет за собой другой, вы таким способом волей-неволей обнаружите и другие специальные слова. Вскоре вы сможете составить список ключевых слов, употребляемых Адамом Смитом: труд, капитал, земля, зарплата, прибыль, аренда, товар, цена, биржа, продуктивный, непродуктивный, деньги и так далее. А в книге Дарвина вы ни за что не пропустите слова: разновидность, ген, отбор, выживание, адаптация, гибрид, создание.

Если в той или иной конкретной области знания у вас уже существует сформированный специальный словарный запас, задача по поиску ключевых слов в книге на данную тему будет относительно простой. Вы сможете находить их *положительно*, будучи знакомым с предметом, или *отрицательно*, зная, что данное слово — термин, поскольку оно не относится к обыденным. К сожалению, во многих сферах терминология еще не разработана как следует.

Философы предпочитают издавать собственные словари. И любят наделять обычные слова новыми функциями. Конечно, при этом не все авторы употребляют их в одинаковом смысле. Но от этого такие слова не теряют роли терминов, используемых для рассмотрения определенных проблем. Нередко философы создают новые слова или берут слова из обыденной речи, превращая их в термины. Последний способ может сильно запутать читателя, который уверен, что знает значение такого слова, и поэтому воспринимает его как обыденное.

Таким образом, признаком ключевого слова является то, что автор из-за его смысла и толкования вступает в настоящую полемику с другими философами. Если автор горячо объясняет вам, как то или иное слово используют другие и почему он решил использовать его иначе, можете не сомневаться — для него это слово имеет крайне важное значение.

Я сделал упор на терминологию, но ее не следует понимать слишком узко. Особый словарный запас автора предлагает нам относительно небольшой набор слов, выражающих его основные мысли и ведущие понятия. Такие слова обычно являются фундаментом проделанного анализа. Если перед вами книга автора оригинального сообщения — скорее всего, некоторые из этих слов будут использованы совершенно особым способом. В любом случае все значимые слова вы легко идентифицируете и поймете, что они имеют *для автора* наибольший вес. Поэтому *для вас* как для читателя они тоже должны стать ключевыми. Однако для вас в тексте всегда должно оставаться важным и любое другое слово, значение которого вам пока неясно.

Проблема большинства читателей в том, что он и просто не обращают должного внимания на слова, а потому не понимают причины своих затруднений. Они не разделяют эти слова на понятные и не вполне понятные. Все предложенные мной способы будут бесполезны, если сознательно не прилагать усилия к поиску ключевых слов, значение которых в роли терминов требуется выяснить. Читатель, который не обдумывает или как минимум не отмечает непонятные ему слова, рискует так же, как и водитель, который едет на красный свет, не снижая скорости, в надежде, что затор перед светофором исчезнет сам собою при его появлении.

Если вы читаете книгу, которая может расширить границы вашего понимания, логично предположить, что не все ее слова будут вам одинаково ясны. Если вы будете считать их обычными, примерно одинаково понятными словами, как в газетной статье, то помешаете своим первым шагам к интерпретирующему чтению. С таким же успехом можно читать развлекательную газету — книга не принесет понимания, если к нему не стремиться.

Я знаю, как глубока у большинства из нас привычка к пассивному чтению. Главная ошибка пассивного читателя — невнимание к словам, из-за чего он не находит общий язык с автором. Несколько лет назад мы вместе с Малкольмом Шарпом, профессором юридического факультета Чикагского университета, провели специальный курс для студентов, которые планируют изучать юриспруденцию. Наши основные цели

были очевидны — научить студентов читать и писать. Юристу необходимы эти навыки. Преподаватели юридического факультета опасались, что на колледжи в этом вопросе не всегда можно рассчитывать. Наш опыт общения со студентами, которые пришли на первый курс, показал, что эти опасения небеспочвенны.

Вскоре мы обнаружили, как пассивно они читают. Программа предусматривала занятия по второму опыту Джона Локка «О гражданском правлении». У студентов в запасе было несколько недель, чтобы прочитать около сотни страниц. Класс собрался. Нас с мистером Шарпом интересовали относительно простые наводящие вопросы о взглядах Локка на правительство, о взаимосвязи естественных и гражданских прав, о природе свободы и так далее. Студенты отвечали, но по ответам я мог бы заподозрить, что они совсем не знакомы с Локком. То же самое они могли бы рассказать, не открывая обсуждаемую нами книгу.

Как вы думаете, эти студенты читали Локка? Они уверяли, что да. Мы даже предположили, что они по ошибке прочли первый опыт вместо второго. Но, похоже, ошибки не было. Единственное, что нам оставалось — доказать очевидное: даже просмотрев все страницы, книгу они *не читали*. Я вышел к доске и попросил студентов называть наиболее важные слова из книги. Это могли быть ключевые слова для самого Локка или те слова, которые им было трудно понять. Сначала никто не отвечал. Только после того, как я написал на доске слова «естественный», «гражданский», «собственность» и «равенство», они слегка оживились. Наконец, мы составили весьма внушительный список, который

включал «свободу», «деспотизм», «согласие» (тех, кем правят), «права», «справедливость» и прочие термины.

Перед тем как продолжить обсуждение, я спросил, насколько незнакомы студентам эти слова. Нет, все это вполне знакомые и обыденные слова, удивились они. Один студент заметил, что некоторые из них встречаются в Декларации независимости. Там в форме очевидной истины утверждается, что все люди созданы *равными* и наделены определенными неотчуждаемыми *правами*, что *справедливая* власть правительства следует из *согласия* управляемых. После этого студенты обнаружили и другие слова — «деспотизм», «узурпация» и «свобода», — которые, по их мнению, Локк и отцы-основатели^[42] использовали подобным образом.

Таков был наш ключ к поиску терминов. Мы согласились, что авторы Декларации и создатели Конституции обеспечили этим словам высокую популярность в традиции американской политической дискуссии. Мистер Шарп добавил, что многие из них наверняка читали опыт Локка и следовали его терминологии. Как же употреблял эти слова сам Локк? Что они означали, не в целом, не в обыденной речи, а в политической теории Локка и в текстах великих американских документов, возможно, созданных под его влиянием?

Я снова вышел к доске, чтобы записать предложенные ими значения слов. Но вариантов было немного, и почти никто не предлагал сразу несколько

⁴² Группа американских политических деятелей (среди которых были и будущие президенты), сыгравших ключевую роль в основании США, создании Конституции и Декларации независимости страны. Наиболее известны среди них Д. Вашингтон, Т. Джефферсон, Д. Адамс, А. Гамильтон, Б. Франклин, Д. Мэдисон.

версий. Студенты почти не замечали принципиально важной многозначности ключевых слов. Мы с мистером Шарпом перечислили значения всех этих слов — несколько вариантов для каждого. Противопоставляя значения слов «естественный» и «гражданский», мы пытались показать студентам, как Локк различает *естественное* и *гражданское* равенство, *естественную* и *гражданскую* свободу, а также *естественные* и *гражданские* права.

В конце урока я еще раз спросил, по-прежнему ли они убеждены в том, что читали книгу. Несколько смущенные, они признали, что не были знакомы с текстом. Конечно, они прочли книгу так же, как газету или учебник — пассивно, не обращая внимания на слова и их значения. Чтобы понять Локка так, как поняли они при подготовке к занятию, можно было не читать его вовсе. Перед нами сидели будущие юристы, которые не знали смысла ключевых слов Декларации независимости и преамбулы к Конституции.

Эту историю я привел не случайно: пока читатель не откажется от пассивного чтения, он будет свято убежден в том, что понимает значение всех слов, особенно если ключевые слова книги совпадают со словами из разговорной речи. Если бы эти студенты развили в себе навык активного чтения, то выделили бы упомянутые мной слова самостоятельно. В первую очередь, они бы знали, что данные слова не только встречаются в разговорной речи, но и входят в специальный словарь политической теории. Учитывая этот факт, далее они бы поинтересовались их специальным значением. Кроме того, они смогли бы выяснить, что Локк употребляет эти слова в нескольких

смыслах. Тогда они сами осознали бы необходимость найти общий язык с автором.

Добавлю, что урок был усвоен. Впоследствии с этими же студентами мы прочли более сложные книги, чем опыт Локка. Они приходили на занятия подготовленными к дискуссии, поскольку выделяли все ключевые слова, выявляя их по сдвигам в значении. Более того, студенты начинали получать удовольствие от нового опыта — активного чтения книги. Оно пришло несколько поздно, но наши ученики с благодарностью признавали, что лучше позже, чем никогда.

- 5 -

Помните, что поиск ключевых слов — это только начало дела. Вы всего лишь отмечаете места в тексте, с которыми придется поработать. Есть и другой этап в применении первого правила интерпретирующего чтения. И сейчас мы к нему перейдем. Предположим, вы выделили слова, которые вас интересуют. Что дальше?

Существует два основных варианта. Автор использует эти слова всегда в одном и том же значении или — наоборот — в нескольких, и тогда смысл меняется в зависимости от контекста. В первом случае слово идентично одному термину. Хороший пример использования ключевых слов с единственным значением можно найти у Евклида. Во втором случае мы говорим о нескольких терминах. Это более частый случай, иллюстрацией к которому могут стать слова в опыте Локка.

В свете этих вариантов ваши действия таковы. Сначала попытайтесь определить, сколько значений

имеет интересующее вас слово. Если таких значений несколько, подумайте, связаны ли они между собой и каким образом. Наконец, отметьте места, где данное слово употребляется в том или ином значении, и посмотрите, позволяет ли контекст зафиксировать изменение значения. Это позволит проследить за чередованием значений нужного слова с гибкостью, соответствующей динамике авторской мысли.

Теперь я могу предположить, что вам все ясно, кроме главного. Как, собственно, определять эти значения? На данный вопрос у меня имеется только один ответ. Боюсь, что вам он не очень понравится. Однако терпение и практика помогут убедить вас в обратном. Дело в том, что следует определять значение непонятого слова с помощью всех остальных слов в контексте, который не вызывает у вас сомнений. Способ именно таков, каким бы запутанным он ни казался.

В качестве наглядной иллюстрации этого тезиса предлагаю рассмотреть определение. Определение состоит из слов. Если вы не понимаете ни одного из этих слов, то, безусловно, не поймете и значения того слова, к которому данное определение относится. Слово «точка» — одно из ключевых понятий в геометрии. Вы полагаете, что понимаете его значение, но Евклид требует использования этого слова только в одном значении — в собственной трактовке. Он четко объясняет, что имеет в виду: «Точка — это то, что нельзя поделить на части».

Каким образом это поможет вам найти общий язык с Евклидом? По его мнению, вы довольно точно понимаете значение любого слова в предложении. Вы знаете, что части составляют единое целое, а слова «то» и «что» идентифицируют называемый предмет как определенную

единицу. Вам также может быть известно, что материальных предметов без составляющих не бывает, а значит, точка, о которой говорит Евклид, не может быть материальной.

Данная иллюстрация типична для процесса поиска значений. Поймите, что вы оперируете уже известными значениями. Ведь если бы каждое слово требовало разъяснения, мы вообще ничему не смогли бы дать определение. Если бы каждое слово в книге было вам совсем незнакомо, будто она написана на иностранном языке, вы не продвинулись бы вперед ни на шаг.

Полагаю, именно это имеют в виду люди, когда называют текст какой-либо книги китайской грамотой. Они просто не пытаются его понять. Большинство слов в любой книге на английском языке известны вам. Они окружают плотным кольцом другие слова — новые, специальные или вызывающие у вас затруднение — и становятся контекстом для интерпретации слов. У читателя с этого момента имеются все материалы для эффективной работы.

Не буду делать вид, что это легкая работа, но настаиваю на том, что она выполнима. Иначе никто вообще не читал бы книги ради понимания. Тот факт, что книга может обеспечить вам новое понимание или создать условия для внутреннего озарения, говорит о том, что она содержит слова, которые не сразу будут понятны вам. Если бы разум человека пасовал перед такой задачей, тот вид чтения, о котором мы говорим, был бы вообще невозможен. Что помогало бы переходить от слабого понимания к полноценному освоению текста путем самостоятельной работы с книгой?

Если это возможно — *а это так*, — то единственное правильное решение я уже описал выше. Обладая в начале чтения пониманием определенных частей текста, вы можете использовать арсенал имеющихся у вас средств для интерпретации более сложных слов. Когда вы достигнете успеха, ваш уровень понимания повысится и вплотную приблизится к авторскому.

Здесь не существует готового метода. Процесс напоминает складывание пазла методом проб и ошибок. Чем больше деталей вы собрали, тем легче расположить оставшиеся. Книга попадает к вам с большим количеством уже «расставленных» слов. Слово в определенном месте — это термин. Он выявляется по значению, которое вы понимаете так же, как и автор. Оставшиеся слова нужно расставить по местам. Для этого их можно попробовать по-разному сочетать. Чем лучше вы изучите картину, которую до понимания этого слова осознавали не полностью, тем проще будет ее дополнить, создав термины из оставшихся слов.

Конечно, в процессе этой работы вы будете допускать ошибки. Как только вам покажется, что слово расположено верно, вы поймете, что значение уже совсем другого слова требует от вас серии «перестановок». Ошибки будут исправляться, поскольку без этого картина останется незавершенной. Получив нужный опыт работы по поиску общего языка, вы вскоре сможете проверять себя сами. Вам будет абсолютно ясно, где вы ошиблись, а где нет. Вы не будете тешить себя иллюзиями там, где это не соответствует действительности.

Сравнивая книгу с пазлом, я сделал отнюдь не универсальное допущение. Конечно, в хорошем пазле все

детали совпадают, и картину можно сложить идеально. Это верно и в отношении идеальной книги. Но таких книг мало. В зависимости от того, насколько они хороши, термины могут быть корректно подобраны и объединены так, чтобы читатель мог продуктивно их интерпретировать. Поделюсь секретом: плохую книгу всегда менее удобно читать — все правила в этом случае перестают действовать, и читатель отовсюду начинает получать доказательства слабого уровня изучаемого текста. Если автор употребляет слова двусмысленно, становится еще более сложно определить, что именно он хотел сказать. Можно только понять, что он не совсем четко выразился.

Вы спросите, разве автор, который использует слова в нескольких значениях, не выражается двусмысленно? И разве я не говорил, что авторам свойственно использовать слова в нескольких значениях, особенно ключевые?

На второй вопрос я отвечу «да», а на первый — «нет». Использовать слово двусмысленно — значит употреблять его в нескольких смыслах, не разделяя их при этом. (Например, я мог использовать слово «важный» в этой главе неоднозначно, то есть не всегда уточняя, для кого именно важный — для вас или для автора). Писатель, поступающий подобным образом, не определяет термины, которые может найти читатель. Но различая смыслы важных слов, автор позволяет читателю правильно понимать установленную им терминологию.

Не забывайте, что одно слово может включать несколько терминов. Хороший способ запомнить это — провести различие между специальным *словарем* автора

и его аналитической *терминологией*. Выписав ключевые слова в одну колонку, а их различные значения — в другую, вы увидите связь между словарем и терминологией.

- 6 -

Однако остаются еще кое-какие сложности. Слово, имеющее несколько разных значений, можно употребить как в одном значении, так и в нескольких. Возьмем для примера слово «чтение». В некоторых случаях я обозначал им чтение любой книги. Иногда я имел в виду чтение книг для обучения, а не для развлечения. Кроме того, я неоднократно упоминал чтение ради понимания, а не ради информации.

Давайте вспомним пройденный материал. Обозначим три разных значения слова буквами *Ха*, *Хь* и *Хс* — и увидим, что первый случай употребления — это *Хabc*, второй — *Хьс*, а третий — *Хс*. Иными словами, если все три значения связаны, одним и тем же словом можно обозначить либо их все, либо некоторые из них, либо только одно. Поскольку каждый случай употребления является определенным, слово используется как термин.

Кроме того, существует проблема синонимов. Вам, конечно, известно, что синонимы — это слова, имеющие одинаковое или очень близкое значение. Пара синонимов — это полная противоположность одному слову, употребляемому в двух разных значениях. Синонимы — это два слова, употребляемые в одном и том же смысле. Значит, один и тот же термин может быть выражен двумя или более синонимами.

Мы можем символически обозначить это следующим образом. Пусть X и Y — два разных слова, например «понимание» и «озарение». Обозначим буквой a их общее значение, то есть понимание. Тогда Xa и Ya обозначают один термин, хотя и разными словами. Когда я говорю о чтении «ради понимания» и чтении «ради озарения», то имею в виду один и тот же вид чтения, потому что обе фразы имеют идентичный смысл. Слова отличаются, но вы как читатель видите здесь лишь один термин.

Важность этого очевидна. Если вы считали, что с каждым изменением слова автор меняет его термин, то большой ошибкой было бы думать о подобной неизменности в случае с каждым употреблением одного и того же слова. Учитывайте это, когда будете заносить словарь и терминологию автора в разные колонки. Вы обнаружите два вида связи. С одной стороны, одно слово не может быть связано с несколькими терминами. С другой — один термин может быть связан с несколькими словами.

В целом причиной этого феномена является соотношение природы языка и мысли. Словарь — это собрание случаев употребления слов. Он показывает, как многие используют одно и то же слово для обозначения разных вещей и разные слова — для обозначения одного и того же смысла. Задача читателя — понять, как автор обращается со словами в любом месте книги. Иногда в этом хорошо помогает словарь, но если писатель хоть немного отклоняется от традиционного словоупотребления, читателю остается рассчитывать только на себя.

Третье и последнее — это проблема словосочетаний. Как известно, это группа слов, которая не выражает завершённую мысль, в отличие от предложения. Если словосочетание — это единица, то есть целое, которое может быть подлежащим или сказуемым в предложении, то его можно сравнить с конкретным словом. Оно так же, как и слово, может обозначать нечто, рассматриваемое определённым образом.

Следовательно, термин может быть выражен как словом, так и словосочетанием. Все связи, существующие между словами, также касаются терминов и словосочетаний. Два словосочетания могут обозначать одинаковые термины, а одно словосочетание — один термин, в зависимости от употребления слов, из которых они состоят.

Как правило, в целом словосочетания менее двусмысленны, чем слова. В этих лексических группах каждое слово существует в контексте других, а отдельные слова часто имеют ограниченное значение. Поэтому писатели с готовностью заменяют словосочетания отдельными словами, чтобы читатель максимально точно уловил их значение.

Здесь достаточно одного примера. Чтобы вы нашли со мной общий язык, я заменяю словосочетание «чтение ради понимания» одним словом — «чтение». Для пущей надёжности я могу сделать то же самое в отношении ещё более развернутого словосочетания: «процесс перехода от меньшего понимания к большему путем взаимодействия с книгой». Оно содержит только один термин — обозначение типа чтения, о котором я пытаюсь говорить. Но этот термин можно сформулировать

по-разному: одним словом, коротким словосочетанием или длинным словосочетанием.

Возможно, это самая сложная глава из тех, что вы уже прочли на данный момент. Для меня она была самой сложной в написании. Думаю, мне известна причина. Правило чтения, которое мы рассматривали, не может быть полностью понятным без множества грамматических и логических пояснений, затрагивающих разного рода слова и термины.

Уверяю вас, что я коснулся этой темы весьма поверхностно, не вдаваясь в подробности. Чтобы должным образом обсудить эти вопросы, нужна не одна глава. Я затронул лишь несколько наиболее существенных тем. Надеюсь, этого было достаточно, чтобы вы могли с пользой применять это правило на данном этапе. Чем больше вы будете практиковаться, тем больше будете осознавать реальную сложность этой задачи. Вы захотите узнать что-то о буквальном и переносном значении слов, о различии между абстрактными и конкретными понятиями, между именами собственными и нарицательными. Вас заинтересует тема определений в целом: разница между определением слов и определением предметов. Вы захотите понять, почему некоторым словам нельзя дать определение, но они имеют конкретное значение и так далее, до бесконечности. Вы заинтересуетесь «эмоциональным использованием слов», призванных пробуждать эмоции, призывать к действию или изменению точки зрения, и его отличием от функциональной передачи знаний.

Если практическое освоение данной темы вызовет у вас дальнейший интерес, вы сможете его удовлетворить, читая книги на соответствующие темы. Уверяю, вы

получите больше пользы от этих книг, поскольку будете подходить к их изучению с вопросами, возникшими в ходе личного опыта чтения. Изучение грамматики и логики — наук, на которых основаны правила интерпретации, — полезно только тогда, когда вы можете применить их на практике.

Глава одиннадцатая. Каковы утверждения?

←—————→
- 1 -

В коммерции, как и в мире книг, принято не только достигать соглашений, то есть находить общий язык, но и делать предложения. Продавец или покупатель понимают предложение как определенного рода заявку, оферту или контракт. В честных деловых отношениях тот, кто делает предложение, заявляет о своих намерениях действовать определенным образом. Для успешных переговоров одной только честности недостаточно. Поэтому предложение должно быть понятным и, конечно, заманчивым. Тогда есть шанс договориться.

Предложение в книге, представляющее собой выражение суждения автора на какую-то тему, — это тоже своего рода декларация или утверждение. В нем автор утверждает, если считает что-то истинным, и отрицает, считая нечто ложным. Для него это нечто является конкретным фактом. Предложение такого рода — декларация знания, а не намерений. Автор может заявить о своих намерениях сразу, в предисловии. В нехудожественной книге он обычно обещает чему-то нас

научить. Чтобы выяснить, сдержит ли автор слово, необходимо определить, каковы его утверждения.

В чтении все происходит прямо противоположным образом по сравнению с бизнесом. Бизнесмены достигают соглашения, то есть находят общий язык, после того, как ознакомились с предложением. А читатель должен сначала найти общий язык с автором и только потом узнать, что он предлагает и какие утверждения делает. Поэтому первое правило интерпретации касается слов и терминов, а второе, которое мы сейчас рассмотрим, — предложений и утверждений.

Есть и третье правило интерпретации, неразрывно связанное со вторым. Автор может честно декларировать свою позицию относительно конкретных фактов или знаний. Обычно мы ему в этом доверяем. Но честности недостаточно. Если нас интересует не только личность самого автора, нам мало знать, какова его точка зрения. Если его утверждения не обоснованы, они представляют собой не более чем выражение мнения. Если нас интересует предмет книги, а не только автор, кроме сути его утверждений нам требуется мотивированное обоснование.

Таким образом, третье правило связано с разного рода аргументацией. Существует множество способов аргументации и защиты своей точки зрения. В зависимости от ситуации они позволяют либо полностью доказать свою правоту, либо неуверенно обосновать вероятность. Любой аргумент состоит из ряда утверждений, связанных друг с другом определенным образом. То-то является верным из-за того-то. Слово «из-за» обозначает причину.

На присутствие аргументов указывают другие слова, обозначающие связь между утверждениями, например: «если... то...»; или «поскольку... следовательно...»; или «из... следует, что...». Такие фразы уже встречались вам в предыдущих главах. Если мышление, говорил я, — это применение разума для получения знаний и если мы используем разум для получения знания только двумя способами: обучаясь у кого-то или исследуя что-то, значит, процесс мышления всегда осуществляется в ходе первого или второго из этих видов деятельности.

Аргумент — это всегда набор утверждений. Некоторые из них содержат основания или причины для выводов. Таким образом, аргументация займет абзац или как минимум несколько предложений. Предпосылки или принципы аргументации не всегда содержатся в начале текста, но, как правило, являются источником вывода. Если аргумент верен, то вывод следует из предпосылок. При этом он не обязательно правдив, поскольку некоторые или все предпосылки могут быть ложными.

Думаю, вы уже заметили кое-что в последовательности этих трех правил. Мы переходим от терминов к утверждениям, а затем — к аргументам, продвигаясь от слов (и словосочетаний) к предложениям, а от предложений — к абзацам.

Когда грамматику еще преподавали в школах, с этими единицами были знакомы все. Школьнику известно, что абзац — это последовательность предложений. Анализируя последние десять лет своей работы со студентами, я сомневаюсь, что это простое знание сегодня является общеизвестным. Такое впечатление, что студенты не способны писать или

разговаривать предложениями и абзацами. В состоянии ли они идентифицировать их в книге?

Более того, вы заметите, что теперь мы продвигаемся от более простых к более сложным единицам. Наименьший значимый элемент книги — это, конечно, слово. Утверждение, что книга состоит из слов, верное, но недостаточное. Она в той же мере состоит из совокупностей слов и совокупностей предложений, воспринимаемых как одно целое. Активный читатель внимателен в равной степени и к словам, и к предложениям с абзацами, потому что нет иного способа поиска авторской терминологии, утверждений и аргументации.

При использовании второго, или интерпретирующего, вида чтения движение происходит в противоположном направлении по сравнению с первым, или структурирующим, типом чтения. Тогда мы двигались от книги как единого целого к ее основным частям, а затем — к их составляющим. Как можно предположить, в результате таких двунаправленных движений и происходит нужная встреча. Основные части книги и даже их подразделы содержат множество утверждений и, как правило, несколько аргументов. Но если вы продолжите делить книгу на составляющие, в конце концов придется сказать: «В этой части автор высказывает следующие мысли». Каждая из этих мыслей наверняка будет утверждением, а некоторые вместе взятые могут представлять собой аргументацию.

Таким образом, два процесса, которые мы назвали первым и вторым видом чтения, имеют точку соприкосновения. Деля книгу на части, вы доходите до уровня утверждений и аргументации. Переходя к

аргументам, вы выясняете, каким образом они состоят из утверждений и терминов. Завершив процесс двух видов чтения, вы можете сказать, что знаете содержание книги.

- 2 -

Следует отметить еще одну особенность правил, которые мы рассмотрим в этой главе. Как и в случае с правилом о словах и терминах, здесь мы тоже имеем дело с корреляцией языка и мышления. Предложения и абзацы — это грамматические единицы. Утверждения и аргументы — это логические единицы, или единицы мышления и знания.

Если вы помните, какой была наша основная проблема в последней главе, то будете готовы столкнуться с подобным затруднением и здесь. Поскольку язык не является идеальным средством выражения мысли, одно слово может иметь много значений, а два или более слов — одно конкретное значение, — мы понимаем сложность взаимосвязи *словаря* и *терминологии* автора. Одно слово может представлять собой несколько терминов, а один термин может быть выражен несколькими словами.

Математики любую идеальную связь, например как в случае с пуговицами и петлями хорошо сшитого пальто, называют взаимнооднозначным соответствием. Для каждой петли есть пуговица, и наоборот. Но дело в том, что слова и термины не совпадают идеально. Самая серьезная ошибка, которую можно допустить в применении этих правил, — считать, что между элементами языка, мысли или знания существуют взаимно-однозначные соответствия.

Позвольте продемонстрировать это на примере предложений и утверждений. Не всякое предложение в книге содержит утверждение. Во-первых, в некоторых предложениях содержатся вопросы. Они констатируют наличие проблем, но не предлагают варианты ответов. Утверждения — это ответы на вопросы. Своего рода декларация знаний или мнения. Поэтому мы называем соответствующие предложения повествовательными или утвердительными. Наличие вопросов делает их вопросительными. Есть предложения, выражающие желания или намерения. Они сообщают о целях автора, но не передают знания, которые он стремится изложить.

Более того, не все утвердительные предложения можно прочесть как содержащие одно утверждение. На это есть, по меньшей мере, две причины. Первая: слова многозначны и могут употребляться в разных смыслах. Следовательно, одно и то же предложение может содержать разные утверждения в случае изменения терминов, обозначенных тем или иным словом. Предложение «чтение — это учеба», безусловно, простое. Но если в одном случае я понимаю «учебу» как получение информации, а в другом — как расширение границ понимания, то смысл утверждения меняется, поскольку меняются термины. При этом формулировка остается той же.

Вторая причина заключается в том, что не все предложения просты до такой степени, как «чтение — это учеба». Возможно, из курса младшей школы вы помните разницу между простыми и сложными предложениями, если вашему поколению посчастливилось это изучать. Когда слова употребляются однозначно, простое предложение обычно содержит единственное утверждение. Но даже если слова

сложносочиненного предложения употребляются в одном значении, оно содержит, как правило, два или несколько утверждений. Вы, конечно, помните, что сложносочиненное предложение — это совокупность предложений, связанных словами «и», «если... то», «не только... но и». Не всегда легко провести грань между длинным сложносочиненным предложением и коротким абзацем. Сложносочиненное предложение может содержать ряд утверждений в форме аргумента.

Труднее всего интерпретировать сложноподчиненные предложения. Безусловно, они всегда содержат несколько утверждений, каким-то образом связанных между собой. Но сложноподчиненное предложение может содержать одно или несколько утверждений. Рассмотрим в качестве примера интересное предложение из «Государя» Макиавелли:

«Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти; ибо вполне возможно внушить страх без ненависти; чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин».

Грамматически это *одно* предложение, одновременно и сложносочиненное, и сложноподчиненное. Точка с запятой и слово «ибо» указывают на главное разделение, которое делает предложение сложносочиненным. Первое утверждение состоит в том, что государь должен каким-то образом внушать страх.

Со слова «ибо» начинается сложноподчиненное предложение. Его можно сделать независимым,

например, в такой форме: «причина чему-то в том, что он может внушить» и так далее. Это сложноподчиненное предложение содержит, по меньшей мере, два утверждения: 1) причина, по которой государь должен внушать страх, состоит в том, что вполне возможно внушить страх без ненависти; 2) можно избежать ненависти, только воздерживаясь от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин.

Теперь вы видите, почему так важно разделять утверждения в длинных сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. Чтобы высказать свое мнение в ответ на слова Макиавелли, вы должны сначала понять, что он сказал. Но он поместил три высказывания в одно предложение. Вы можете не согласиться с одним из них и принять остальные. Можете решить, что Макиавелли не прав, рекомендуя государю запугивание на любом основании, но при этом признаете удачной мысль, что государю не следует внушать ненависть вместе со страхом, а также согласитесь с тем, что не посягать на собственность и женщин — необходимое условие для отсутствия ненависти. Не выделив разные высказывания в сложном предложении, нельзя судить о том, что сказал автор.

Адвокаты прекрасно это знают. Им приходится тщательно изучать все предложения, чтобы точно понимать, что именно утверждает истец и отрицает ответчик. Предложение «Джон Доу подписал договор аренды 24 марта» выглядит простым, но все же содержит несколько фактов, один из которых может быть истинным, а остальные — ложными. Возможно, Джон Доу подписал договор аренды, но не 24 марта — и это может иметь значение. Одним словом, даже грамматически

простое предложение иногда содержит более одного утверждения.

- 3 -

Я в достаточной мере изложил свой взгляд на различие между предложениями и утверждениями. Они не совпадают, как уже упомянутые мной пуговицы с петлями. Благодаря своей многозначности или сложности одно предложение может содержать несколько утверждений, а конкретное утверждение может быть выражено одним или двумя разными предложениями. Если вы разобрались в синонимичном употреблении слов и словосочетаний, то без труда поймете, что я имею в виду одно и то же, когда говорю: «Процесс обучения и процесс получения образования коррелируют между собой» и «Передача и прием сообщения — это взаимосвязанные процессы».

Теперь я заканчиваю объяснять грамматические и логические нюансы и перехожу к правилам. В этой главе, как и в предыдущей, сложно поставить точку в объяснениях. Будем исходить из того, что в школе вы все же как-то учили грамматику. Если так, то теперь вы видите, почему синтаксический анализ предложений, в частности, не был пустой тратой времени, выдуманной учителями-ретроградами, чтобы остудить ваш юношеский пыл. Все это полезно для развития навыков письма и чтения.

На самом деле даже необходимо. Невозможно работать с терминами, утверждениями и аргументами как с элементами мышления, пока вы не освоите все нюансы и тонкости языка. До тех пор пока слова, предложения и

абзацы остаются неясными и неизученными, они представляют собой скорее непреодолимый барьер, нежели эффективное средство коммуникации. Вы будете читать слова, но не получите знания.

А теперь перейдем к правилам.

Первое правило, которое вы должны помнить по предыдущей главе: *выделите ключевые слова и найдите общий язык с автором.*

Второе: *отметьте наиболее важные предложения в книге и определите утверждения, которые они содержат.*

Третье: *найдите или сформулируйте основные аргументы книги, выявляя их в совокупностях предложений.* Позже вы увидите, почему в формулировке этого правила я не использую слово «абзацы».

Вы уже познакомились со вторым и третьим правилами. В предыдущих главах мы рассматривали предложение «чтение — это учеба» как важное, поскольку оно хорошо выражает основное соотношение, изучаемое нами на страницах этой книги. Также нам удалось выделить несколько аргументов — доказательство того, что великие книги наиболее удобочитаемы. А еще мы убедились в том, что в учебных заведениях плохо преподают искусство чтения и письма.

Теперь наша задача — понять, как действовать дальше согласно этим правилам. Каким образом находить наиболее важные предложения в книге? И на что

опираться в ходе их интерпретации, чтобы выявить утверждения, которые содержатся в этих предложениях?

И снова акцент делается на слове *важное*. *Фраза* о том, что в книге относительно мало важных предложений, не означает, что не нужно обращать внимание на остальные. Разумеется, необходимо понимать все предложения. Но большинство из них, как и в ситуации со словами, не вызовут у вас затруднений. *Для вас* как для читателя важными предложениями становятся те, которые требуют усилий при их понимании, поскольку на первый взгляд они не совсем ясны. Вы понимаете их ровно настолько, чтобы осознавать потребность в дальнейших интеллектуальных усилиях. Это не обязательно предложения, которые наиболее важны *для автора*, но они с большой вероятностью могут быть таковыми. Дело в том, что максимальные затруднения чаще всего вызывают именно ключевые утверждения автора.

С точки зрения самого автора, наиболее важны предложения, заключающие в себе те утверждения, на которых основана аргументация. Книга — это всегда что-то гораздо большее, чем просто аргумент или даже серия аргументов. Автор может объяснять, как пришел к своему мнению, или рассказывать, почему его позиция имеет серьезное значение. Он может анализировать слова собственного текста, комментировать работы коллег по перу, пускаться во всевозможные второстепенные рассуждения. Но при этом суть сообщения автора заключается в его утвердительных или отрицательных высказываниях и соответствующей им аргументации. Следовательно, чтобы понять его мысли, вам нужно видеть главные предложения.

Некоторые авторы идут вам навстречу. Они сами акцентируют ваше внимание на таких предложениях. Например, говорят прямо, что определенное предложение содержит важную мысль, или используют типографские средства, чтобы его как-то выделить. Конечно, если вы будете дремать во время чтения, вам ничего не поможет. Я знаю огромное количество студентов, которые не обращали внимания даже на подобные знаки. Вместо того чтобы остановиться и внимательно изучить выделенные особым образом важные предложения, они просто читали дальше. При этом бессознательно они ощущали, что автор не просто стремится помочь — он приглашает их выполнить некую интеллектуальную работу там, где это особенно необходимо.

Есть книги, в которых основные утверждения излагаются в специально выделенном для этого месте в структуре повествования. Опять же, самым ярким примером здесь становятся книги Евклида. Он не только излагает свои определения, постулаты и аксиомы — то есть главные утверждения — в начале книги, но и скрупулезно выделяет каждое утверждение, требующее доказательства. Вы можете не понять сути его утверждений. Можете не уследить за аргументацией. Но имея глаза, вряд ли сможете упустить важные предложения или группы предложений с необходимыми доказательствами. Автор уже проделал эту работу за вас.

«Сумма теологии» Фомы Аквинского — это еще одна книга, в которой способ изложения значительно упрощает поиск важных предложений. Она построена на вопросах. Каждый раздел предваряется соответствующим вопросом. В нем есть множество указаний на ответ, который святой Фома стремится обосновать. Кроме того,

он тут же приводит целый ряд возражений против своего ответа. На начало аргументации указывают слова «Я отвечаю, что». В этом случае нет оправданий тем, кто не нашел в этой книге важные предложения, содержащие и предпосылки, и выводы. Однако эта книга — темный лес для студентов, воспринимающих текст так, будто в нем все одинаково важно. Обычно это означает, что для них все одинаково неважно.

- 4 -

За исключением книг, стиль или формат которых обращает внимание читателя на пассажи, больше всего требующие интерпретации, выявление важных предложений — это работа читателя. Могу предложить несколько отличных способов. Об одном из них я уже говорил. Если читатель хорошо чувствует разницу между понятными и непонятными пассажами, вероятно, он легко сможет найти наиболее значимые предложения. Надеюсь, вы начинаете понимать, как полезно в процессе чтения недоумевать — и осознавать этот факт. С удивления начинается мудрость. Человек начинает новый этап обучения с помощью книг и природы. Если вы никогда не спросите себя о значении того или иного отрывка в тексте, книга не даст вам нового понимания.

Еще один ключ к поиску важных предложений — это слова, из которых они состоят. Если вы уже выделили ключевые слова, они должны привести вас к предложениям, заслуживающим дальнейшего внимания. Таким образом, первый шаг интерпретирующего чтения готовит вас ко второму. Но возможно и обратное. Иногда вы можете найти некоторые слова только после того, как

задумались над значением предложения. То, что я изложил эти правила в фиксированном порядке, вовсе не означает, что вы обязаны ему следовать. Из терминов состоят утверждения. Утверждения содержат термины. Если вы знаете термины, обозначенные словами, то найдете утверждение в предложении. Если вам непонятно утверждение, значит, оно содержит термины.

На этом этапе мы получаем еще один ключ к поиску главных утверждений. Они должны иметь отношение к основным аргументам книги и представлять собой предпосылки или выводы. Если вы обнаружили предложения, образующие последовательность, которая имеет начало и конец, значит, вы «нащупали» важные предложения.

Я сказал «последовательность, которая имеет начало и конец». Любой аргумент, выражаемый словами, требует пространства для изложения. Как правило, большего, чем одно предложение. Вы можете произнести любое предложение на одном дыхании, но в аргументации всегда присутствуют паузы. Вам нужно сначала сказать одно, затем другое, третье — и так до бесконечности. Аргумент имеет начало, продолжение и конец. Это движение мысли. Оно может начинаться с вывода, продвигаясь к предпосылкам. Или же, начавшись с фактов и причин, — наоборот, будет вести вас к соответствующему выводу.

Тем не менее ключ не поможет, если не знать, как им пользоваться. Вы должны распознать аргумент во время чтения. Несмотря на некоторый печальный опыт преподавания, я все же верю, что человеческий разум обычно воспринимает аргументы так же хорошо, как глаз — цветовую гамму. Конечно, глаза не будут видеть, если

их не открыть, а разум не будет следить за аргументацией, если его не пробудить. Сегодня я уже без сомнений сообщаю студентам о своем разочаровании, когда вижу, что они просто спят, читая книгу или слушая лекцию.

Несколько лет назад мы с мистером Хатчинсом начали читать книги с новой группой студентов. До начала наших занятий они практически не учились чтению и прочли очень мало. Одной из первых книг для совместного чтения стал Лукреций. Мы думали, что его книга «О природе вещей» заинтересует наших неопитов. Ведь, прежде всего, сегодня почти все студенты — заядлые материалисты. А произведение Лукреция представляет собой серьезное изложение материалистической позиции. Это самое фундаментальное свидетельство мировоззрения древнегреческих атомистов^[43].

Так как студенты были начинающими читателями (хотя большинство из них училось в колледже), мы читали книги медленно, примерно по тридцать страниц за один раз. И даже тогда им было трудно решить, какие слова выделить и какие предложения подчеркнуть: им казалось, что все написанное Лукрецием имеет одинаковое значение. Тогда мистер Хатчинс предложил полезное упражнение: выписать из прочитанной части книги только выводы, к которым пришел Лукреций, или выводы, которые он намеревался доказать в следующей, еще не изученной нами части. «Не пишите, — попросил

⁴³ Одно из течений в древнегреческой философии V–IV вв. до н. э.

Натурфилософская и физическая теория, согласно которой все материальные вещи состоят из химически неделимых частиц — атомов. Наиболее яркие представители и сторонники — Демокрит, Левкипп, Лукреций, Платон, Эпикур. Среди последователей — Г. Галилей, П. Гассенди.

мистер Хатчинс, — что Лукреций думал о богах или женщинах, не пишите, что вы думаете о нем самом. Нам нужна только аргументация, а для этого необходимо обнаружить выводы».

Основным аргументом в отрывке, который предстояло прочесть нашим студентам, была попытка показать, что атомы различаются только формой, размером, весом и скоростью движения. У них нет никаких других качеств — ни цвета, ни запаха, ни текстуры. Все свойства вещей, которые мы ощущаем, исключительно субъективны — они принадлежат и присущи нам.

Эти выводы можно было записать в нескольких предложениях. Но студенты включили туда самые разные утверждения. Они не сумели обнаружить выводы среди всего остального материала отнюдь не из-за отсутствия логического мышления. Конечно, они легко могли проследить за развитием аргументации, суть которой им уже объяснили. Но они все еще не научились читать так, чтобы обнаруживать эту аргументацию самостоятельно. Когда это делал мистер Хатчинс, они видели, каким образом записанные на доске утверждения образуют тот или иной аргумент, понимали разницу между предпосылками — причинами или фактами — и выводами. Было очевидно, что им нужно учиться читать, а не обосновывать.

Повторяю, нам не пришлось учить студентов логике или подробно объяснять, что такое аргумент. Они узнавали аргумент, записанный на доске, но не умели найти его в книге. Им еще предстояло научиться читать активно, выделять важные предложения и наблюдать

связи, установленные автором. Читая Лукреция, как газету, они, разумеется, не делали ничего подобного.

- 5 -

Предположим, что вы уже нашли ключевые предложения. Правило требует следующего шага. Теперь необходимо обнаружить в них те самые утверждения. Другими словами, узнать, что означает каждое из этих предложений. Термины можно найти, определив значение слова в данном контексте. Утверждения распознают таким же образом, интерпретируя слова — особенно ключевые, — из которых состоит предложение.

Безусловно, это нельзя сделать без минимального знания грамматики. Вы должны понимать, какую роль играют прилагательные и наречия, как употребляются глаголы с существительными, как модификация различных частей речи ограничивает или расширяет их смысл и значение. Вы должны уметь производить синтаксический анализ предложения. Напоминаю, я руководствуюсь мнением, что вы уже знакомы с грамматикой. Уверен, так оно и есть, хотя кое-какие нюансы могли немного стереться из памяти от недостатка практики в азах искусства чтения.

Есть только два различия между поиском терминов, которые обозначают слова, и поиском утверждений в предложениях. Начнем с того, что во втором случае всегда шире контекст. Вы включаете в него все окружающие предложения, используете все окружающие слова, чтобы истолковать какое-то совершенно определенное слово. В обоих случаях вы движетесь от

того, что уже понимаете, к постепенному осознанию того, что на первый взгляд сочли непонятным.

Второе различие состоит в том, что сложные предложения обычно содержат более одного утверждения. Вы не закончите интерпретацию важного предложения, пока не выделите из него все различные, пусть и взаимосвязанные, утверждения. Этот навык легко развить. Возьмите несколько сложных предложений из данной книги и постарайтесь передать своими словами каждое утверждение, которое они содержат. Пронумеруйте их. Установите связь между ними.

«Передать своими словами»! Это лучший из известных мне способов проверить, насколько вы поняли те или иные утверждения. Если в ответ на просьбу объяснить, что имел в виду автор в конкретном предложении, вы ограничитесь его повторением в несколько измененном порядке, не исключено, что вы его не поняли. В идеале вы должны уметь сказать то же самое совершенно другими словами. Конечно, к идеалу можно только приблизиться. Но если вы не можете отойти от слов автора, значит, вы восприняли только слова, а не мысли или знания. Вам известны слова, но не мысли этого автора. Он стремился передать знание, а вы заполучили только фразы.

Тест, который я предложил, применим и к процессу перевода с иностранного языка на английский. Если вы не можете передать по-английски смысл французского предложения, значит, вы не поняли его значения. Такой перевод осуществляется исключительно на вербальном уровне. В этом случае, даже составив грамотное предложение на английском, вы не будете знать, что пытался сообщить автор французской фразы. Я прочел

массу переводов, которые свидетельствуют как раз о таком неведении.

Однако пересказ, то есть перевод предложения с английского на английский, не является исключительно вербальным. Новое предложение, которое вы составили, — это не буквальная копия оригинала. Если быть точным, оно соответствует только мысли. Поэтому такие «переводы» — лучший способ проверить, уловили вы смысл или просто проглотили слова. Я много раз испробовал его на студентах. Этот способ никогда не подводит и позволяет выявить дефекты понимания. Студент, который заявляет, что понял мысль автора, но при этом способен лишь повторить его предложение, не распознает то же самое утверждение в другой формулировке.

В процессе чтения автор и сам может высказывать одно и то же утверждение разными словами. Читатель, который не понял его, вероятно, будет рассматривать аналогичные предложения как разные утверждения. Представьте себе человека, который не знает, что « $2 + 2 = 4$ » и « $4 - 2 = 2$ » — это разные записи одного арифметического равенства: четыре — это два раза по два, а два — половина от четырех.

Вы решите, что этот человек просто не понял суть данного примера. Тот же вывод напрашивается и в случае, когда любой, кто неспособен определить эквивалентные формулировки одного и того же утверждения или составить подобную формулировку самостоятельно, вдруг заявляет, что понял смысл предложения.

Такие замечания имеют отношение и к проблеме чтения двух книг по одному предмету. Разные авторы

нередко говорят одно и то же различными словами или, наоборот, описывают несхожие предметы одинаковыми словами. Читатель, который за тонкостями языка не видит терминов и утверждений, никогда не сможет сравнить взаимосвязанные книги. Из-за вербальных противоречий он подумает, что авторы не согласны друг с другом, или упустит фактические различия из-за внешней схожести формулировок. Скажу больше: человек, не способный подобным образом читать две взаимосвязанные книги, не сможет их прочесть и по отдельности.

Существует еще один способ проверить, насколько вы поняли смысл прочитанного предложения. Можете ли вы рассказать о собственном опыте, связанном каким-либо образом с утверждением автора? Можете ли привести пример по теме высказывания? Представить аналогичный случай порой бывает лучше, чем рассказать о реальном. Если вы не в состоянии проиллюстрировать утверждение с помощью воображения или опыта, вы не вполне поняли смысл.

Не все утверждения одинаково подходят для такой проверки. Иногда, чтобы понять некоторые научные высказывания, требуется проведение специальных опытов в лабораторных условиях. Мы вернемся к этому вопросу позже, в ходе изучения процесса чтения научных книг. Но основная мысль ясна. Утверждения не могут существовать в вакууме. Они связаны с миром, в котором мы живем. Будучи не в состоянии показать, что знакомы с реальными или возможными фактами, связанными с утверждением, вы *играете словами*, а не оперируете мыслями и знаниями.

Приведу один пример. Ключевое утверждение метафизики формулируется следующей фразой: «Нечто действует только тогда, когда оно реально». Сколько же студентов с видом самодовольных мудрецов повторяли мне эти слова! Добившись совершенства в воспроизведении данной цитаты, они считали, что тем самым выполнили все свои обязанности передо мной и наукой. Но обман был слишком очевиден. Сначала я просил их передать это утверждение другими словами. И редко слышал в ответ, что, если чего-то не существует, то оно не может ни на что повлиять. А это и есть наиболее очевидная интерпретация — по крайней мере, для тех, кто понял смысл изначального предложения.

Не получив пересказа, я просил их проиллюстрировать утверждение. Если бы кто-то сказал мне, что люди не избегают чего-то только из-за его вероятности — например, бейсбольный матч не переносят из-за возможных ливней, — я бы убедился, что он понял данное утверждение.

Проблему «буквализма» можно определить как плохую привычку использовать определенные слова без учета мыслей, которые они передают, и опыта, на который они опираются. Это всего лишь игра словами. Как показывают предложенные мной два способа проверки, «буквализм» — это неизбежная ошибка тех, кто не интерпретирует прочитанное. Такие люди никогда не выходят за пределы слов. Прочитанным они владеют в виде заученных формулировок, которые могут цитировать бессмысленно и бесконечно. Странно, но одна из претензий, которые прогрессивные педагоги любят предъявлять гуманитарным наукам, — это как раз склонность к буквализму, в то время как факты ясно показывают, что эта склонность есть результат

пренебрежения чтением, арифметикой и письмом в том самом прогрессивном образовании. Порочный буквализм — то есть неумение читать на фоне незнания грамматики и логики — лишний раз доказывает, что недостаток такого обучения приводит к зависимости от слов, а не к осмысленному владению ими.

- 6 -

Мы уделили утверждениям достаточно времени. Теперь давайте перейдем к третьему правилу, которое требует от читателя работы с группами предложений. Я уже говорил, что у меня есть причина не формулировать третье правило как поиск ключевых абзацев. Дело в том, что между писателями не существует никаких договоренностей по поводу того, как должен выглядеть правильный абзац. У некоторых великих писателей, например Монтеня и Локка, абзацы очень длинные; у других, как у Макиавелли и Гоббса, они относительно коротки. В последнее время под влиянием газетно-журнального стиля многие авторы склонны сокращать абзацы, чтобы ускорить и облегчить процесс чтения. Должен признаться, что в процессе написания этой книги я часто разбивал на два абзаца то, что по смыслу было единым, так как отовсюду слышал, что читатели любят короткие абзацы. Полагаю, что этот все-таки оказался длинноват. Но если бы я решил потворствовать читателю, то начал бы следующий абзац словами «У некоторых великих писателей...».

Вопрос не только в длине. Проблема кроется во взаимоотношениях языка и мышления. Логическая единица, согласно третьему правилу ставшая центром

внимания, — это аргумент, то есть совокупность утверждений, одни из которых содержат предпосылки, необходимые для существования других. Данная логическая единица не совпадает с какой-либо известной нам письменной единицей в таком смысле, как термины совпадают со словами и словосочетаниями, а утверждения — с предложениями. Аргумент, как мы уже видели, можно изложить в одном сложном предложении или же в нескольких предложениях, составляющих часть абзаца. Иногда аргумент совпадает с абзацем, а иногда — занимает несколько абзацев.

Но это еще не все. Любая книга содержит массу абзацев, не содержащих вообще никаких аргументов. Они состоят из предложений, в которых подробно излагаются факты или сообщается, как эти факты были получены. Если предложения являются второстепенными, то есть представляют собой отступления от темы или примечания, то и абзацы становятся таковыми.

Исходя из вышесказанного, я предлагаю следующее правило: *если это возможно, найдите в книге те абзацы, которые содержат ее основные аргументы. Если аргументы изложены по-другому, попробуйте построить их, используя при этом предложения из разных абзацев. В процессе этой работы вы сможете сформировать совокупность предложений, содержащих утверждения, из которых и состоит нужный вам аргумент.*

После определения ключевых предложений строить такие абзацы относительно легко. Для этого есть разные способы. Можно действительно выписывать в блокнот утверждения, которые в совокупности образуют аргумент. Или же на полях книги рядом с важными

предложениями указывать порядковые номера, позволяющие выстраивать нужную последовательность.

Авторы иногда помогают читателям в поиске аргументов. Хорошие авторы стремятся открывать, а не прятать свои мысли. Но даже они делают это по-разному. Евклид, Галилей и Ньютон (авторы, пишущие в «геометрическом» или «математическом» стиле) в этом отношении близки к идеалу: единицей аргументации у них выступает отдельный абзац. За исключением Евклида, практически никто не делает каждый абзац аргументом. В книгах, посвященных исследованиям, далеким от математической области, принято излагать два или более аргумента в одном и том же абзаце или, наоборот, чрезмерно растягивать их описание.

Чем объемнее книга, тем более рассеяна информация в ее абзацах. Часто для того, чтобы найти предложения, которые можно объединить в один аргумент, приходится просматривать каждый абзац главы. Я знаю книги, в которых такой поиск либо вообще напрасен, либо быстро вызывает разочарование.

В хорошей книге обычно по мере изложения аргументов подводятся соответствующие итоги. Если автор сводит воедино всю аргументацию в конце главы или подраздела, нужно просмотреть предыдущие страницы в поисках материала, который он включил в резюме. Так, в «Происхождении видов» Дарвин кратко излагает все свои аргументы в последней главе, которая называется «Краткое повторение и заключение». Читатель, который добросовестно работал на протяжении всей книги, заслуживает помощи. Тому же, кто не работал, она и не пригодится.

Еще одно различие между хорошим и плохим автором — это пропуск «логических шагов» в построении своей аргументации. Иногда их можно опустить без последствий, если отсутствующие положения относятся к области общеизвестного. Но бывает так, что подобные лакуны вводят читателя в заблуждение. Иногда авторы делают это намеренно. Всем известна одна из самых распространенных уловок ораторов или агитаторов — недоговорить о том, что очень важно в аргументации, но может быть поставлено под сомнение, если его все же высказать. И хотя мы не ожидаем таких приемов от честного автора, чья цель — чему-то нас научить, разумное правило внимательного чтения требует прояснять каждый шаг аргументации.

Какова бы ни была книга, обязанность читателя остается неизменной. Если книга содержит аргументы, вы должны выяснить и вкратце сформулировать их суть. Любой хороший аргумент можно изложить сжато. Конечно, иногда они базируются друг на друге. Например, когда в ходе тщательного анализа требуется доказать что-то одно, чтобы приступить к доказательству следующего, которое, в свою очередь, будет использовано в качестве основания для дальнейших выводов. И все же единица обоснования — это один аргумент. Умея их находить, вы вряд ли пропустите более крупные последовательности.

Все это хорошо, скажете вы. Но если мы не знаем структуру аргумента на уровне специалистов в области логики, как мы можем рассчитывать на успех, пытаюсь найти их в книге или, еще хуже, выстраивая их самостоятельно, если автор не изложил аргумент в одном абзаце?

На мой взгляд, вы вовсе не должны разбираться в аргументах, как «специалисты в области логики». В мире таких относительно мало — хорошо это или плохо. Большинство книг, несущих знания, содержат аргументы. Они адресованы обычному читателю, а не гению логики.

Например, я не верю, что для чтения основной массы книг требуется какое-то особенное знание логики. Повторюсь: природа разума такова, что если в процессе чтения он работает, воспринимает язык автора и выделяет утверждения, то обязательно заметит и аргументы.

Однако есть несколько нюансов, которые могут пригодиться вам при выполнении третьего правила. Прежде всего, помните, что каждый аргумент должен состоять из ряда утверждений, которые, в свою очередь, содержат основания. Именно эти основания позволяют нам принимать вывод, предложенный автором. Если вы сначала обнаружили вывод — ищите основания. Если сначала нашли предпосылки — ищите, к чему они ведут.

Далее следует научиться различать два типа аргументов, первые из которых указывают на один или несколько фактов как на основания для обобщения, а вторые содержат ряд общих утверждений, позволяющих сделать дальнейшее обобщение. Такие общие утверждения чаще всего называют очевидными, или аксиомами. Степень истинности подобных утверждений становится известна нам, как только мы начинаем понимать терминологию. При этом мы прежде всего опираемся на свой личный опыт.

Например, вы прекрасно понимаете, что такое *физическое* целое и что такое быть частью такого целого. Вы знаете, что целое больше, чем любая из его

частей. Благодаря пониманию этих трех терминов — целое, часть и больше — вы сразу распознаете верное утверждение. Далее требуется сделать самый важный шаг в установлении истины — ограничить значение слова «целое» признаком *физическое*. Утверждение, что целое больше, чем часть, не является верным для всех целых. Но если употреблять эти слова в ограниченном смысле, получаются термины, взаимосвязанные определенным образом. Так становится понятной известная аксиома, которую признают истинной уже много веков.

Иногда такие утверждения называют тавтологией. Название мало что меняет — оно только показывает ваше отношение к утверждению, истинность которого очевидна без доказательств. Мы имеем в виду то умозаключение, которое основано на вашем личном опыте. Общеизвестные истины называют тавтологиями — и в этом часто заметен оттенок презрения к тривиальности или подозрения в надувательстве, словно кто-то достает кроликов из шляпы. Вы вкладываете в высказывание правду, определяя ее своими словами, а затем вытаскиваете ее на всеобщее обозрение с притворным удивлением. Имейте в виду, что это не так. Ограничить значение слова — не означает дать определение вещи. Целое и части — это вещи, а не слова. Мы не давали им определения. По сути, это невозможно. Мы только ограничили свои слова таким образом, что они стали обозначать определенную вещь, с которой мы знакомы. После этого мы осознали, что хорошо знакомы с объектом, обозначенным этими ограниченными словами.

В научной литературе соблюдается различие между доказательством какого-либо утверждения путем обоснования и его подтверждением при помощи

проведения практического опыта. Галилей в книге «Две новые науки» говорит о том, что получил окончательное доказательство своей теории благодаря проведенным опытам, которые математически подтвердили его идею. А в заключительной главе своей книги великий физиолог Гарвей^[44] пишет: «Благодаря разуму и опыту мы выяснили, что кровь при сокращении желудочков проходит сквозь легкие и сердце и разносится по всему телу». Следовательно, свое утверждение можно подкреплять как доказательством, основанным на прочих истинах, так и предоставлением результатов опыта. Иногда можно использовать только один способ.

Внимательно наблюдайте за ходом мысли автора — что он говорит, что намерен доказать, какими способами хочет это сделать. Автор может честно сказать, каковы его допущения, или же не менее честно предоставить вам искать их самостоятельно. Безусловно, все доказать нельзя, как невозможно всему на свете дать определение. Если бы пришлось доказывать каждое утверждение, ни одно доказательство не имело бы начала. Для убеждения необходимы аксиомы или утверждения, основанные на непосредственном опыте. Пригодятся также допущения и постулаты. А доказанные утверждения можно использовать как основания для дальнейших доказательств.

- 7 -

Эти три правила чтения — о терминах, утверждениях и аргументах — можно собрать воедино в

⁴⁴ Уильям Гарвей (1578—1657) — английский медик, основоположник физиологии и эмбриологии.

четвертом и последнем правиле. Оно касается заключительного шага во втором прочтении книги. Более того, это правило логично связывает второе прочтение с первым.

Вероятно, вы помните, что финальным этапом первого прочтения книги становится выявление основных проблем, которые стремится решить автор. Теперь, когда вы уже нашли с ним общий язык, обнаружили все его утверждения и аргументы, пришло время проверить собственные выводы с помощью следующих вопросов. Вы знаете, какие проблемы автор *пытался* решить в своей книге? В чем он преуспел, а в чем потерпел поражение? Столкнулся ли он с новыми проблемами в процессе решения поставленных задач? Догадывается ли о нерешенных проблемах, и если да, то о каких? Хороший писатель, как и хороший читатель, должен знать, была ли решена проблема, хотя сейчас я понимаю, что читателю не так стыдно признавать неудачу.

Ответив на эти вопросы, вы сами почувствуете, что поняли книгу. Если вы начинали читать именно ту книгу, уровень которой превосходил ваш собственный опыт, значит, вы имели возможность чему-то научиться, пройдя долгий и интересный путь ее изучения. Более того, теперь вы сможете завершить чтение этой книги с максимальной пользой.

Третья и последняя стадия прочтения будет относительно легкой. Ваши глаза были открыты, разум бодрствовал, но рот оставался на замке. До этого момента вы шли за автором. Теперь же у вас появился шанс поспорить с автором и выразить свое мнение.

Глава двенадцатая. Этикет интеллектуальной беседы

— —
- 1 -

Итак, чего же мы достигли?

В конце предыдущей главы я уже сказал, что мы с вами проделали долгий путь. Мы узнали, что первое прочтение книги требует от нас анализа ее структуры. Мы освоили четыре ключевых правила второго интерпретирующего чтения. Теперь мы умеем:

— найти общий язык с автором, интерпретируя его ключевые слова;

— распознать главные утверждения автора, выделив среди них наиболее важные;

— обнаружить аргументы автора или построить их из совокупностей предложений;

— определить, какие проблемы автор решил, а какие нет; в последнем случае выяснить, известно ли автору о нерешенной проблеме.

Обладая этими навыками, мы готовы перейти к третьему способу чтения той же самой книги. Именно он станет наградой за все предпринятые усилия.

Чтение книги чем-то напоминает разговор. Возможно, вы так не считаете, поскольку видите, что все время говорит автор, а вы лишь внимаете ему. В этом случае необходимо переосмыслить и осознать свои возможности и обязанности читателя.

На самом деле последнее слово всегда остается за читателем. Сначала высказывается автор, а затем наступает очередь читателя. Разговор между книгой и читателем происходит своим чередом, каждая сторона говорит по очереди, не перебивая. Если читатель недисциплинирован и невежлив, то конструктивный диалог, конечно же, не состоится. Ведь автор не может защищаться. Он не может сказать вам со страниц книги: «Постой, дай мне закончить, а потом начинай спорить». Он не может возразить, что читатель неверно истолковал его мысль.

Обычно разговор людей, имеющих разные мнения, удачен только в том случае, если участники достойно себя ведут. Я говорю не только о стандартных приличиях, принятых в обществе. Существует и так называемый интеллектуальный этикет, который тоже требует соблюдения. Без него разговор больше похож на пустые пререкания, чем на конструктивную дискуссию. Конечно, я исхожу из того, что обсуждение касается серьезных вопросов. В этом случае важно достойное поведение участников. Иначе дискуссия не имеет смысла. В конструктивном обсуждении всегда что-то познается.

То, что верно для обычного разговора, еще более применимо к нестандартной ситуации, когда книга разговаривает с читателем, а читатель отвечает. Мы будем считать само собой разумеющимся, что автор в достаточной мере корректен по отношению к читателю. Как правило, авторы великих книг достойно проводят свою часть дискуссии. Как может читатель соответствовать их уровню? Что он должен сказать, чтобы не сбиться с намеченного пути?

У читателя есть обязанность и возможность ответить автору. Возможность очевидна — ведь читателю ничто не может помешать вынести свой вердикт. Обязанность же определяется самой сутью отношений между книгами и читателями.

Если книга предназначена для передачи знаний, цель автора состоит в том, чтобы научить чему-либо своего читателя. Он постарался это сделать. Предпринял попытку убедить читателя в чем-то. Его усилия могут увенчаться успехом только в том случае, если читатель в конце концов скажет: «Я научился. Вы убедили меня. Да, это совершенно верно. А это — маловероятно». Но даже если читатель не поддался убеждению, ему следует уважать намерения и усилия автора. Он должен отплатить взвешенным суждением человеку, создавшему книгу. Если он не готов сказать «я согласен», то должен как минимум иметь основания для подобной позиции или для того, чтобы составить свое мнение немного позже.

Я утверждаю только то, что хорошая книга заслуживает активного прочтения. Процесс чтения не исчерпывается пониманием написанного. Он должен завершаться формированием собственного критического мнения. Пассивный читатель пренебрегает этим требованием, возможно, даже больше, чем правилами анализа и интерпретации. Он не только избегает всяческих попыток понять текст, но и просто отмахивается от книги, откладывая или забывая ее. Отсутствие критического суждения, на мой взгляд, хуже, чем невнятная похвала.

Призывая вас отвечать автору, я имею в виду только действия, связанные с процессом изучения книги. Это и есть третий способ чтения, который тоже имеет свои правила. Часть из них можно назвать общими принципами интеллектуального этикета. Мы рассмотрим их в данной главе. Остальные представляют собой более специфические критерии поиска тем для критики и будут изучены в следующей главе.

Существует распространенное мнение, что среднестатистический читатель не способен компетентно оценить хорошую книгу. Об авторе дозволено судить лишь равным. Вспомните обращение Фрэнсиса Бэкона к читателю: «Читайте не для того, чтобы возражать и опровергать, не для того, чтобы верить и принимать без доказательств, не для того, чтобы узнать чьи-то мысли, но для того, чтобы взвешивать и обдумывать». Сэр Вальтер Скотт еще более резко высказывался о тех, «кто читает, чтобы сомневаться или отвергать».

Как мы увидим, в этих высказываниях есть доля истины, но мне не нравится ореол непогрешимости, окружающий книги, и ложный пиетет, порождаемый таким отношением. Читатели могут казаться умудренному опыту писателю сущими детьми, которые готовы учиться у великих авторов. Но это совсем не значит, что к читателям не нужно прислушиваться. Допускаю, что Сервантес ошибался, когда писал: «Не бывает настолько плохих книг, чтобы нельзя было найти в них ничего ценного». Напротив, я считаю, что не бывает настолько хороших книг, чтобы в них нельзя было найти ни одного изъяна.

Я убежден, что книгу, которая способна подарить вдумчивому исследователю хотя бы одно открытие, читатель не вправе критиковать без должного осмысления. Понимание практически приближает его к уровню автора. С этого момента он волен пользоваться правами и привилегиями нового положения. Если при этом он не выполняет свои обязанности критика, то поступает с автором несправедливо. Ведь автор сделал все возможное, чтобы читатель стал равным ему. А потому заслуживает ответного шага и ждет от читателя конструктивного диалога.

Как я уже отметил ранее, послушание учителю часто путают со слепым подчинением. (Мы забываем, что слово *docile* («послушный, открытый для обучения») происходит от латинского корня, который означает «учить» или «учиться».) Ошибкой будет считать послушным учителю того, кто пассивен и управляем. Наоборот, это качество предполагает в высшей степени активную способность к обучению. Того, кто не проявляет свободно свою способность к независимым суждениям, научить чему-либо просто невозможно. Поэтому наиболее открытый для обучения читатель больше других способен к критике. Он рано или поздно обязательно реагирует на книгу и делает все возможное, чтобы составить собственное мнение по вопросам, затронутым автором.

Я сказал «рано или поздно», поскольку такая открытость знаниям требует полностью услышать и понять учителя перед началом оценки его труда. Добавлю, что само по себе количество усилий не является истинным критерием обучаемости. Читатель должен не только понимать содержание книги — он обязан знать, как правильно судить о ней. Эту задачу и

призвана решить третья группа правил чтения, которые представляют собой принципы дисциплинированной открытости знаниям.

Мы постоянно замечаем определенную взаимосвязь искусства преподавать и искусства учиться; связующую нить между мастерством автора, которое делает его серьезным писателем, и мастерством читателя, позволяющим читать книгу внимательно и серьезно. Мы видим, что одни и те же принципы грамматики и логики лежат в основе правил сочинения и чтения. Все правила, изученные нами на данный момент, требуют от автора удобочитаемого текста, а от читателя — полного понимания. Последняя серия правил выходит за рамки вышесказанного и касается вопросов критического суждения. Здесь на первый план выходит риторика.

Обычно у нас чаще всего она ассоциируется с ораторским искусством и агитацией. Но в самом широком смысле риторика повсеместно присутствует в общении между людьми. Если мы что-то говорим, то при этом хотим быть не только услышанными и понятыми — мы ждем, чтобы хоть в какой-то мере с нами согласились. Если мы преследуем важные цели в искусстве коммуникации, то желание убедить собеседника — в теоретическом или практическом смысле — выходит на первый план в процессе общения.

Серьезное участие в таком общении требует от вас как от слушателя внимания и ответственности. Вы внимательны, если следите за тем, что сказано, и учитываете намерения, стоящие за словами. Но это не снимает с вас ответственности иметь определенную позицию. Занимая ее, вы должны понимать, что данная позиция принадлежит вам, а не автору. Считать

ответственными всех, кроме себя, означает быть рабом, а не свободным человеком.

С точки зрения оратора или писателя, искусство риторики состоит в умении убеждать. Поскольку это окончательная цель, все аспекты коммуникации должны быть подчинены ей. Владение искусством грамматики и логики требуется, чтобы писать ясно и доступно. Оно уже само по себе является достоинством, но при этом рассматривается как средство достижения цели. Аналогично, с точки зрения читателя или слушателя, искусство риторики состоит в умении реагировать на слова любого, кто стремится нас убедить. И в этом случае владение принципами грамматики и логики, позволяющее понять сказанное, открывает путь к формированию собственного критического мнения.

- 3 -

Таким образом, вы сами видите, что грамматика, логика и риторика совместно управляют процессами сочинения и чтения. Способность к первым двум видам чтения зависит от уровня владения грамматикой и логикой. Способность к третьему — от степени знакомства с риторикой. Правила третьего этапа чтения базируются на принципах риторики в их самом широком понимании. Мы рассмотрим их как этикет, с помощью которого читатель сможет не только проявлять вежливость, но и вести конструктивную дискуссию.

Возможно, вы уже догадываетесь, каким будет первое правило. Суть его в том, что вам не следует высказываться или выносить приговор до тех пор, пока вы внимательно все не выслушали и не убедились, что

точно поняли мысль автора. Почувствовав, что вся необходимая работа во время двух первых прочтений наконец-то выполнена, вы не просто получаете законное право стать критиком, но и обязаны это сделать.

Изучение книги требует строгой последовательности — третий вид чтения всегда должен следовать за первым и вторым. Вы уже видели, как тесно переплетаются между собой первые два вида чтения. Как правило, только начинающим не удастся их совмещать, хотя это вполне реально. Но опытный читатель, безусловно, может знакомиться с содержанием книги, анализируя целое как структуру и одновременно выстраивая его из таких элементов, как мысли, знания, термины, утверждения и аргументы. Тем не менее даже опытный читатель должен сначала добиться понимания, а затем критиковать.

Позвольте переформулировать первое правило критического чтения следующим образом.

Вы должны с полной уверенностью сказать: «Я понимаю», перед тем как произнести: «Согласен», «Не согласен» или «Я составлю мнение позже».

Этими тремя замечаниями исчерпываются возможные критические позиции. Надеюсь, вы не будете ошибочно полагать, будто критика — это всегда только несогласие. К сожалению, таково распространенное заблуждение, несмотря на то что согласие является таким же суждением, как и возражение. Ошибиться можно и соглашаясь, и возражая. Согласие без

понимания не имеет смысла. Несогласие без понимания — самонадеянно.

Хотя сначала это может показаться небесспорным, но временно отложить суждение — тоже своего рода критическая позиция. Она означает, что автор пока вас не убедил и кое-что в книге осталось для вас неясным.

Данное правило выглядит настолько очевидным, что вы можете спросить, зачем я так подробно его сформулировал. У меня на то есть две причины. Во-первых, многие люди, как я уже говорил, по ошибке отождествляют критику и несогласие. Во-вторых, хотя это правило выглядит разумным, мой опыт говорит, что немногие следуют ему на практике. Как и всякое золотое правило, оно чаще используется для красного словца, чем для разумного применения.

И мне, и многим другим авторам часто приходилось страдать от рецензентов, которые не чувствовали себя обязанными начать знакомство с книгой с первого прочтения. Критик слишком часто полагает, что должен быть прежде всего судьей, и лишь потом — читателем. Нередко во время университетских лекций для широкой публики я слышал адресованные мне критические вопросы, в которых чувствовал явное непонимание сказанных мною слов. («Критическим вопросом» я называю риторический прием, когда слушатель пытается высмеять лектора.) Наверное, вы тоже не раз наблюдали ситуацию, когда лектору говорят «я ничего не понял, но вы ошибаетесь».

Постепенно я осознал, что нет смысла отвечать таким критикам. Единственно правильным ответом в данной ситуации лично я считаю вежливое обращение к ним с просьбой изложить вашу позицию — ту, с которой

они якобы спорят. Если они не смогут сделать это должным образом и будут не в состоянии повторить то, что вы сказали, своими словами, очевидно, что они ничего не поняли. В этом случае вы будете правы, игнорируя их критику. Она не имеет значения, поскольку любая критика должна быть основана на понимании. Найдите того редкого слушателя, который продемонстрирует понимание ваших слов, — и можете искренне радоваться его согласию или беспокоиться о несовпадении взглядов.

За долгие годы совместного чтения книг со своими студентами я обнаружил, что это правило гораздо чаще нарушают, чем соблюдают. Студенты, которые явно не понимают мыслей автора, без колебаний берутся судить о них. Они увлеченно спорят с тем, чего не поняли, и — что не менее грустно — часто соглашаются с мнением, которое не могут внятно изложить своими словами. Для них обсуждение, как и чтение, — это слова, слова, слова. Там, где отсутствует понимание, будут одинаково бессмысленны и неумны любые утверждения или отрицания. Так же печально будет выглядеть сомнение и отрицание со стороны читателя, который сам не понимает, о чем высказывается.

Следует отметить еще несколько нюансов, касающихся этого правила. Читая великую книгу, вы просто обязаны проявить сомнение перед произнесением фразы «я понял». Безусловно, предполагается, что вы проделаете большую работу перед тем, как сказать эти слова честно и уверенно. Вы должны сами себя оценивать в этом вопросе, а значит, ваша ответственность будет еще выше.

Слова «я не понимаю» — это тоже критическое суждение, но их стоит произносить лишь после того, как вы сделали все возможное. Здесь следует искать причину в книге. Если вы приложили все усилия, но так и не поняли текст, возможно, книга просто неудобочитаема. Тем не менее мы всегда автоматически предполагаем наличие смысла в книге, особенно если это великая книга. При чтении таких текстов вина за непонимание обычно возлагается на читателя. В этом случае ему стоит задержаться на первом и втором прочтениях перед тем, как переходить к третьему. Говоря «не понимаю», обратите внимание на свою интонацию. Проверьте, точно ли ваше непонимание — проблема автора.

Есть еще два условия, при которых это правило требует особого внимания. Можно прочесть всю книгу или ограничиться только отрывком из нее. Читая отрывок из книги, сложно убедиться в том, что вы все поняли. В этом случае попытки критиковать должны быть еще более осторожными. А иногда сам автор связывает свою книгу с другими книгами, и тогда ее полное понимание зависит от смысла нескольких текстов. В такой ситуации вы должны быть очень осмотрительны, говоря «я понял», и ни в коем случае не спешить с критикой.

Наиболее яркий пример неосмотрительности и некорректности мы видим в поведении тех литературных критиков, которые соглашались или спорили с «Поэтикой» Аристотеля, не осознавая, что основные принципы анализа его поэзии в большой степени зависят от мыслей, высказанных в других его работах на темы психологии, логики и метафизики. Они излагали свое мнение, не понимая, о чем повествует данная книга.

То же самое касается и других писателей: Платона и Канта, Адама Смита и Карла Маркса. Объем и формат одной книги оказывались слишком узкими для мыслей и знаний авторов такого масштаба. Однако находились люди, которые оценивали «Критику чистого разума» Канта, не прочитав его «Критику практического разума». «Богатство народов» Адама Смита они анализировали без его «Теории нравственных чувств», а «Манифесту коммунистической партии» Карла Маркса выносили приговор без чтения его «Капитала». Таким образом, эти читатели соглашались или спорили с тем, что не вполне поняли.

- 4 -

Второй общий принцип критического чтения так же очевиден, как и первый, но нуждается в подробной формулировке по той же причине. Он гласит, что *нет смысла побеждать в споре, если вы знаете или подозреваете, что неправы*. Конечно, на практике победа поможет вам добиться временного успеха. Но на более длительных дистанциях честность — лучшая политика.

В таком виде я услышал этот афоризм от мистера Бердсли Руми в тот период, когда он был деканом факультета социологии в Чикаго. Мистер Руми сформулировал его, исходя из печального опыта наблюдения за проведением дискуссий в академическом мире и за его пределами. С тех пор он давно занимает ведущие позиции в мире бизнеса, но по-прежнему уверен, что многие люди считают разговор площадкой для самоутверждения. Они думают, что важнее одержать верх в споре, чем заботиться о выяснении истины.

Тот, кто считает разговор битвой, может выиграть только в результате противостояния и успешного возражения. При этом неважно, прав спорщик или нет. Человек, который разделяет подобный взгляд на литературу, читает только для того, чтобы с чем-нибудь не согласиться. Любители споров и дискуссий всегда найдут, к чему придраться. Их не интересует, задевают ли они при этом чьи-то чувства. Таким нужен исключительно *casus belli*, то есть повод для войны — например, инцидент на Дальнем Востоке или в Центральной Европе.

Когда читатель наедине ведет свой разговор с книгой, ничто не мешает ему победить в споре. Он беспрепятственно может одержать верх, поскольку автор не в состоянии защитить себя. Если читатель хочет только пустого удовлетворения от превосходства над автором, в такой ситуации он его получит. Едва ли ради этого стоит вдумчиво читать книгу. Достаточно пролистать несколько первых страниц.

Но если читатель осознает, что единственная польза от общения с одушевленными и неодушевленными учителями состоит в узнавании нового, что истинная победа заключается в том, чтобы чему-то научиться, а не нокаутировать оппонента, он, конечно же, признает бессмысленность пустых споров. Я не говорю, что читатель лишен права не соглашаться и показывать, в чем автор ошибается. Безусловно, всегда нужно быть готовым соглашаться или возражать. Но любое мнение должно основываться лишь на одном — фактах и их истинности.

Для этого требуется больше, чем честность. Разумеется, читатель должен признавать правоту автора

там, где он ее видит. Но он не должен ощущать себя униженным, соглашаясь с автором, как считают некоторые хронические спорщики. Таким людям я бы посоветовал обратиться к психоаналитику — и только потом заниматься серьезным чтением.

- 5 -

Третий принцип чтения тесно связан со вторым. Он содержит еще одно условие, без которого нельзя переходить к критике. *Необходимо рассматривать несовпадение мнений как решаемую проблему.* Тогда как второй принцип призывает читателя не возражать *ради возражения*, третий предостерегает его от *безнадежного* несогласия. Человек, который даже не надеется на плодотворную дискуссию, часто вообще отказывается понимать, что разумные люди могут достичь согласия. Обратите внимание, что я сказал «могут», но не сказал, что все разумные люди обязательно *соглашаются* друг с другом. Я говорю, что они могут прийти к общему мнению, даже если изначально не согласны с позицией оппонента. Моя идея состоит в том, что несогласие — это пустая трата времени, если нет надежды на решение проблемы.

Безусловно, человеческая природа очень сложна. Люди — это разумные животные. Разум наделяет их способностью к компромиссам.

Однако глубинные инстинкты и несовершенство интеллекта часто являются основной причиной разногласий. Люди пристрастны и склонны к предубеждению. Язык, который они используют для общения, — это несовершенный инструмент. Он замутнен

эмоциями, окрашен пристрастностью и недостаточно прозрачен для выражения мыслей. Но все же благодаря разуму все эти препятствия можно преодолеть. Кажущееся несогласие, связанное с банальным недоразумением, легко устранить.

Конечно, есть и другой тип несогласия, связанный с неравенством в уровне знаний. Невежда часто по глупости спорит с образованными людьми о предметах, в которых толком не разбирается. Однако более образованный человек имеет право критически относиться к ошибкам тех, кому не хватает знаний. Несогласия такого рода тоже можно исправить. Неравенство в уровне знаний всегда исправляется путем обучения.

Иными словами, я считаю, что все противоречия разрешаются устранением непонимания или недостатка знаний. Действенны оба способа, хотя иногда это бывает сложно осуществить. В подобных случаях тот, кто возражает в процессе общения, как правило, питает надежду на достижение согласия в финале. Он должен быть готов изменить мнение или убедить собеседника в своей правоте, предполагая, что неверно понял его или не владеет нужными знаниями. Рассматривая несогласие как возможность научить кого-то, не следует забывать и о том, что это хорошая возможность научиться самому.

Проблема заключается в том, что многие рассматривают факт существования разногласия в отрыве от возможности научить или научиться. Они думают, что это вопрос расхождения во мнениях. У меня есть мнение. У вас тоже. Право на личную позицию так же неприкосновенно, как и право на частную собственность. При такой точке зрения общение

становится практически бесполезным, если считать пользой приобретение знания. Разговор сводится к обмену противоположными мнениями и становится игрой, в которой никто не получает очки, никто не побеждает, но все довольны, поскольку остаются при своем мнении.

Я не могу принять такую точку зрения. На мой взгляд, можно обмениваться знаниями и учиться в результате дискуссии. Представьте, что на кону знания, а не мнение. Тогда одно из двух: либо разногласие кажущееся — и легко устраняется поиском общего языка или интеллектуальной беседой; либо оно реально — и в этом случае проблему можно решить — разумеется, не сразу, — обратившись к фактам и разуму. Принцип разумного отношения к наличию разногласий предполагает терпение. Словом, я уверен, что эта проблема решаема. Спор не будет пустым и ожесточенным, если собеседники будут верить в возможность обретения истины, которая достигается с помощью разума и соответствующего опыта, позволяя преодолеть все разногласия.

Каким же образом этот третий принцип касается общения читателя с автором? Он имеет прямое отношение к ситуации, когда читатель не согласен с чем-то, излагаемым в книге. Сначала он должен убедиться, что такая реакция не связана с неверным пониманием позиции автора. Теперь давайте предположим, что читатель соблюдает правило и воздерживается от критики, пока не убедится, что все верно понял. Как ему быть дальше?

Отвечаю — согласно сформулированному нами третьему принципу чтения, он должен разграничить

знания и мнения, рассматривая вопросы, касающиеся знаний, как решаемые. Углубившись в материал, он может чему-то научиться у автора и найти основания изменить свое мнение. Если этого не произойдет, он может оказаться прав в своей критике и, в переносном смысле, научить чему-то автора. По меньшей мере, это даст ему основания надеяться на то, что автор под влиянием его доводов потенциально будет способен пересмотреть собственные взгляды.

Возможно, вы помните кое-что из предыдущей главы. Если автор не аргументировал свое утверждение, оно становится его личным мнением. Читатель, не отличающий обоснованное утверждение от простого высказывания мыслей, берет в руки книгу явно не ради обучения. В лучшем случае его интересует личность автора, и книга используется им как биографическая справка. Такой читатель, разумеется, не будет соглашаться или спорить, поскольку оценивает не книгу, а человека.

Но если его в первую очередь интересует книга, а не личность автора, если он ищет знаний, а не мнений, необходимо очень серьезно отнестись к своим обязанностям критика. Ведь разница между знанием и мнением касается его в той же степени, что и автора. Читатель не должен просто соглашаться или спорить. Он обязан обосновать свое высказывание. Соглашаясь с автором, он может активно разделять его аргументацию — и этого будет достаточно. В случае несогласия, он должен объяснить свою позицию. Иначе его отношение к знанию будет напоминать личное мнение.

Давайте подведем итоги. Мы рассмотрели три общих принципа критического чтения и способ достойного «ответа автору».

Первый принцип требует от читателя понять текст перед началом диалога. Второй призывает его не спорить исключительно ради спора. Третий советует рассматривать разногласия, обусловленные недостатком знаний, как небезнадежные. Кроме того, этот принцип указывает, что всегда нужно аргументировать свое несогласие, то есть не просто заявлять о нем, но и формулировать его суть. Только таким образом создаются условия для конструктивного решения проблемы.

Глава тринадцатая. Что может сказать читатель

- 1 -

Первое, что может сказать читатель, — понимает он книгу или нет. Только после этого он будет готов сказать больше. Если понимания нет, читателю следует иметь терпение и вернуться к первым двум видам чтения.

При всей своей безальтернативности второй вариант предполагает одно исключение. Фраза «я не понимаю» сама по себе может стать критическим замечанием. Но для этого читатель должен чем-то ее подкрепить. Если недостаток кроется в книге, а не в способностях самого читателя, он должен найти источник проблемы и доказать, что структура книги беспорядочна, ее части не сочетаются между собой, а некоторые из них вообще не вполне уместны. Или же автор неоднозначно

употребляет ключевые слова, со всеми вытекающими последствиями.

Тем не менее предположим, что вы читаете хорошую книгу, которая сравнительно ясно написана. Допустим, что в конце ее прочтения вы скажете: «Я не понимаю». Если же, в добавок к этому, вы полностью согласны с тем, что говорит автор, — работа закончена. Вы прочли всю книгу, поняли что-то новое и в чем-то убедились. Безусловно, о дополнительных действиях имеет смысл говорить только в том случае, если вы не согласны с автором или не определились по какому-то вопросу. Второй случай более распространен. В этой главе мы будем говорить преимущественно о нем.

Поскольку авторы полемизируют со своей аудиторией и ждут ответной реакции, хорошему читателю следует знать правила спора. Он должен научиться возражать вежливо и разумно. Именно поэтому в книге о чтении необходима данная глава. Читателю недостаточно просто *следить* за аргументацией автора — он должен *встречаться* с ним. Только тогда он может в конце концов прийти к согласию с автором или укрепиться в мысли о наличии непреодолимых разногласий.

Эти понятия заслуживают более подробного рассмотрения. Читатель, который нашел общий язык с автором, выделил все его утверждения и аргументы, тем самым уже *установил контакт* с ним. По сути, весь процесс интерпретации направлен на установление такой связи посредством текста. Понимание книги можно охарактеризовать как своего рода достижение гармонии между писателем и читателем. Они добились согласия в использовании ресурсов языка для передачи своих

мыслей, благодаря чему читателю стал ясен внутренний мир автора.

Если читатель понимает книгу, как он может не согласиться с ней? Критическое чтение требует от него составить собственное мнение. Но ведь он солидарен с автором в результате успешного понимания книги. Как же он сможет мыслить иначе?

Некоторые люди допускают ошибку, которая и приводит к такой иллюзорной трудности. Они не различают два значения слова «согласие», полагая, что факт понимания исключает возможность появления разногласий. По их мнению, несогласие всегда вызвано недопониманием.

Эту ошибку легко исправить, ведь автор говорит о мире, в котором мы живем. Он претендует на то, чтобы дать нам теоретические знания о том, как устроен мир, или практическую информацию о том, что следует делать. Он может быть прав — а может ошибаться. Его слова оправданы, когда он высказывает то, что верно или вероятно, исходя из собственного опыта. В ином случае его слова необоснованны.

Например, если вы скажете «все люди равны», я могу понять это так: при рождении все люди одинаково одарены умом, силой и другими качествами. Исходя из известных мне фактов, я с вами не соглашусь и сочту, что вы неправы. Но предположим, я вас неверно понял.

Допустим, вы имели в виду, что *все люди должны иметь одинаковые политические права*. Поскольку я неверно понял смысл вашей фразы, мое несогласие не имеет значения. Теперь представим, что ошибка исправлена. По-прежнему остается два варианта. Я могу согласиться или возразить, но если я и теперь не

соглашусь с вашим высказыванием, между нами возникнет реальное противостояние. Я понимаю вашу политическую позицию, но сам придерживаюсь совершенно иной.

Вопросы о положении вещей или о стратегиях поведения реальны только тогда, когда они основаны на одинаковом понимании сказанного. Согласие в употреблении слов абсолютно необходимо для истинного согласия в отношении обсуждаемых фактов. Именно благодаря вашей «встрече» с автором путем верной интерпретации его книги, а не вопреки ей, вы способны прийти к собственному мнению, которое может отличаться от позиции автора.

- 2 -

Теперь давайте рассмотрим ситуацию, когда вы поняли автора, но не согласились с ним. Если вы старались придерживаться принципов, изложенных в предыдущей главе, то имеете возражения, полагая, что можно показать неправоту автора в каком-либо вопросе. Вы не просто озвучиваете свои предрассудки или выражаете эмоции.

Много лет назад я написал книгу под названием «Диалектика». Это была моя первая книга, содержащая массу ошибок. Но, по крайней мере, тогда я сам был менее претенциозен, чем название этой книги, которая была посвящена искусству разумной беседы и этикету противоречий.

Моя главная ошибка состояла в следующем. Я считал, что по каждому вопросу собеседники могут иметь две одинаково верные позиции. Тогда я не умел

различать знания и мнения, но, несмотря на эту ошибку, вполне правильно предложил три условия, которые должны соблюдаться в ходе корректного ведения спора.

Поскольку в людях все-таки сильно разумное начало, необходимо признавать и уважать эмоции, которые привносятся в спор или возникают в его процессе. Иначе вы будете просто выражать свои чувства, а не приводить аргументы. Находясь под влиянием сильных эмоций, вы будете тем не менее убеждены, что спорите спокойно и аргументированно.

Более того, вы должны четко сформулировать свои предпосылки. Необходимо знать, каковы ваши предубеждения — то есть *пред-убеждения*. Иначе вы вряд ли признаете за своим оппонентом аналогичное право. Полемика не должна превращаться в перебранку о предпосылках. Например, если автор открыто просит принять что-либо на веру, тот факт, что верной может быть совершенно иная ситуация, не должен помешать вам учесть его просьбу. Но разве сможете вы беспристрастно выслушать автора, если ваши предубеждения противоположны и — более того — вы даже не считаете их предубеждениями?

И наконец, я предположил, что стремление к непредвзятости — это хорошее средство от слепоты, которая неизбежна в случае пристрастного отношения. Конечно, полемика без некоторой доли пристрастности просто невозможна. Но чтобы сделать ее более конструктивной и менее напряженной, каждый участник должен хотя бы попытаться принять точку зрения оппонента. Если вы прочли книгу без тени сочувствия к автору, ваше несогласие на поверку может оказаться скорее придирками, чем обоснованным суждением.

С момента написания своей первой книги и до сих пор я по-прежнему считаю, что эти три условия совершенно необходимы для разумной и полезной беседы. Безусловно, они касаются и чтения, поскольку оно представляет собой беседу читателя с автором. Каждое условие содержит разумный совет читателям, которые стремятся к достойной полемике.

Конечно, с момента написания «Диалектики» я стал заметно мудрее. Сейчас я уже не жду от людей слишком многого. К сожалению, мое разочарование в основном проистекает из осознания собственных недостатков. Я слишком часто нарушал свои же правила хороших манер в ведении интеллектуальных споров. Я постоянно ловил себя на том, что *нападаю* на книгу, а не критикую ее. Сражаюсь с ветряными мельницами и разоблачаю там, где можно просто не поддерживать; провозглашаю свои предрассудки, как будто они лучше авторских.

- 3 -

И все-таки я еще наивно полагаю, что беседа и критическое чтение могут проходить дисциплинированно. Только сейчас, двенадцать лет спустя, я намерен заменить установки, перечисленные в моей «Диалектике», новой серией правил, которые легче выполнять. Они обращают внимание читателя на четыре способа отрицательной критики книги. Если читатель последует этим рекомендациям, он с меньшей вероятностью поддастся эмоциям и предрассудкам.

Эти четыре способа предполагают диалог читателя и автора как равных собеседников. Если читатель скажет «я понял, но не согласен», возможны такие замечания:

1) «Вам не хватает информации»; 2) «У вас неверная информация»; 3) «Вы нелогичны, ваша аргументация неубедительна»; 4) «Ваш анализ неполон».

Возможно, данный список не является исчерпывающим, хотя я считаю его именно таковым. В любом случае это основные высказывания читателя, который не согласен с автором. Они в некотором роде независимы. Сделав одно из этих замечаний, вы можете добавить к нему и любое другое. Можно высказать все замечания, поскольку они не касаются взаимоисключающих недостатков.

Должен добавить, что читатель не вправе делать подобные замечания до тех пор, пока четко и ясно не объяснит, в чем именно автору не хватает знаний или логики. Книга не может содержать недостаточную или неверную информацию *обо всем*. Она не может быть полностью нелогичной. Читатель, который делает подобные замечания, должен высказываться максимально четко. Более того, он обязан обосновывать каждую свою мысль, объясняя, почему так думает.

Как вы сейчас убедитесь, первые три замечания несколько отличаются от четвертого. Рассмотрим вкратце каждое из них, а затем перейдем к четвертому.

1. Фраза *не хватает информации* означает, что автору недостает некоторых знаний, *связанных* с проблемой, которую он стремится решить. Обратите внимание — если бы эти знания были неактуальны, замечание не имело бы смысла. Чтобы обосновать его, вы должны сами изложить информацию, которой не хватает автору, то есть показать, каким образом она связана с проблемой и как влияет на его выводы.

Здесь нам хватит и пары примеров. Мы знаем, что Дарвину в свое время не доставало знаний о генетике, которые сегодня можно найти в работах Менделя и других исследователей. Незнание механизма наследственности — один из главных недостатков «Происхождения видов». Гиббону не хватало некоторых фактов, напрямую отразившихся, согласно более поздним историческим исследованиям, на падении Рима. Как правило, в науке и истории недостаток информации выявляют более поздние изыскания. В основном этому способствуют усовершенствованные технологии наблюдения и более длительные исследования. Но в философии бывает и наоборот. Со временем вероятен как прогресс, так и регресс. Например, античные философы четко разграничивали то, что можно почувствовать и вообразить, и то, что можно понять. Но в восемнадцатом веке Давид Юм продемонстрировал, что не знаком с различием между мыслями и образами, хотя оно давно было установлено его предшественниками.

2. Фраза *неверная информация* означает, что автор делает ложные утверждения. Его ошибки могут быть связаны с недостатком знаний. Но ошибка — это больше, чем незнание. Какова бы ни была причина такой ошибки, она состоит из утверждений, противоречащих фактам. Автор называет истинным или более вероятным то, что на самом деле ложно или менее вероятно. Он претендует на знание, которым на самом деле не владеет. Разумеется, на такую ошибку следует указывать, если она влияет на выводы автора. Чтобы обосновать замечание, вы должны доказать истинность или большую вероятность позиции, противоположной точке зрения автора.

Например, в своем политическом трактате Спиноза говорит, что демократия — это более примитивная форма правления, чем монархия. Но такое утверждение противоречит общепризнанным фактам политической истории. Ошибка Спинозы влияет на его аргументацию. Идем дальше. Аристотель неверно понимал роль самцов в процессе размножения животных и, следовательно, пришел к ошибочным выводам о процессе деторождения. А Фома Аквинский был свято уверен, что небесные тела могут менять только положение, в остальном оставаясь неизменными. Однако современные астрофизики исправили эту ошибку, дополнив таким образом сокровищницу знаний античной и средневековой астрономии. Конечно, в данном случае именно эта ошибка имеет локальное значение, поскольку не влияет на метафизический взгляд Фомы Аквинского на природу всех существ и предметов, состоящих из материи и формы.

Первые два замечания некоторым образом взаимосвязаны. Недостаток информации, как мы увидели, может быть причиной ошибочных утверждений. Кроме того, если человек неверно информирован, он просто не может знать правду. Имеет значение только то, негативна или позитивна его ошибка. Недостаток актуальных знаний не позволяет решать некоторые проблемы или отстаивать определенные выводы. Ошибочные предпосылки ведут к некорректным выводам и несостоятельным решениям. Вместе все эти замечания дают автору информацию о недостатках, кроющихся в его предпосылках. Ему нужно больше знаний, чем те, которые он уже имеет. Его аргументация и изложение фактов качественно или количественно отстают от эталона.

3. Фраза *нелогичен и неубедителен* означает, что автор заблуждается в аргументации. В целом такие заблуждения делятся на два типа. Бывает *non sequitur* — ложное умозаключение, когда вывод не следует из предпосылки. И бывает *несообразность*, когда два утверждения автора несовместимы между собой. Чтобы делать такие критические замечания, читатель должен показать, где именно аргументам автора не хватает убедительности. Этот недостаток имеет значение только тогда, когда затрагивает действительно важные выводы. Тем не менее в книге могут содержаться неубедительные высказывания и по второстепенным вопросам.

Третий пункт сложнее проиллюстрировать, поскольку в великих книгах очень трудно найти очевидные ляпы в аргументации. Если они и попадают, то обычно скрыты настолько искусно, что обнаружить их может разве что очень проницательный читатель. Но я могу показать вам серьезное заблуждение, которое обнаружил при последнем прочтении «Государя» Макиавелли:

«Основой же власти во всех государствах — как унаследованных, так смешанных и новых — служат хорошие законы. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы».

Из того факта, что хорошие законы зависят от хорошего войска, не следует, что там, где есть хорошее войско, законы обязательно будут хорошими. Даже если вообще не говорить о том, что первый факт тоже крайне сомнителен. Здесь меня интересует только ложное умозаключение. Вернее будет сказать, что счастье зависит от здоровья (чем то, что хорошие законы

основаны на силе войска), но это опять же не значит, что все здоровые люди счастливы.

А Гоббс в своих «Элементах законов» утверждает, что любое тело — не более чем некоторое количество материи в движении. Мир тел, по его мнению, не имеет никаких особых качеств. И все же, признавая существование таких качеств, как цвета, запахи или вкусы, Гоббс делает вывод, что они являются не более чем движением атомов в мозгу. Этот вывод несовместим с его изначальной позицией, согласно которой мир тел в движении не имеет качеств. То, что говорится обо всех телах в движении, должно быть верным для любого их подмножества, включая атомы мозга.

Третий тип критического замечания связан с двумя первыми. Конечно, автор может и не делать выводов, вытекающих из фактов или принципов. Тогда его аргументация просто не завершена. Но нас прежде всего интересуют случаи, когда из правильных предпосылок делаются ошибочные выводы. Так же интересно, хотя и менее важно, обнаруживать неубедительность аргументации, основанной на ложных предпосылках.

Тому, кто из верных предпосылок делает ошибочные выводы, в какой-то степени не хватает информации. Необходимо научиться отличать ошибочные утверждения, причиной которых является неверная аргументация, от рассмотренных выше утверждений, ставших неверными по иным причинам, особенно из-за недостатка знаний или важных деталей.

Первые три критических замечания, которые мы рассмотрели, касаются утверждений и аргументации автора. Перейдем теперь к четвертому замечанию. С его помощью читатель оценивает, насколько автор реализовал свой план — то есть анализирует уровень выполнения выбранного автором задания.

Перед тем как переходить к четвертому замечанию, требуется соблюсти одно условие. Вы уже сказали, что понимаете книгу, а значит, невозможность обосновать любое из трех первых замечаний обязывает вас согласиться с автором в его выводах. Здесь у вас нет свободы выбора. Возможность решать, согласны вы или нет, не является вашим священным правом.

Поскольку вам не удалось доказать, что автор недостаточно владеет информацией, имеет неверную информацию или нелогичен в освещении важных вопросов, вы не можете просто так ему возражать. Вы должны согласиться. Нельзя сказать, как часто в таких случаях говорят многие из нас: «Я не нашел ошибок в ваших предпосылках и аргументах, но не согласен с вашими выводами». Хотя вполне допустимо отметить, что сделанные выводы вам не нравятся. В этом случае вы не возражаете, а выражаете свои эмоции или предрассудки. Если вас в чем-то убедили, необходимо это признать. (Бывает и так, что вы не смогли обосновать одно из трех критических замечаний, но все же *искренне не убедились в правоте автора*. В таком случае не следует говорить, что вы его поняли.)

Первые три замечания связаны с терминами, утверждениями и аргументами автора. Это элементы,

которые он использовал для решения заявленных им проблем. Четвертое замечание — что книга *не завершена* — касается целостности ее структуры.

4. Фраза *анализ неполон* означает, что автор не решил всех ранее заявленных проблем, не в полной мере воспользовался имеющимися материалами, не увидел все подтексты и ответвления или не смог провести важные различия. Однако заявления о том, что книга неполна или не завершена, явно недостаточно. Кто угодно может высказаться так о любой книге. Люди смертны, их силы не бесконечны. Такое замечание имеет смысл только в случае, если читатель может дать точное определение недостаточности — своими усилиями или с помощью других книг.

Вкратце проиллюстрирую эту мысль. Анализ типов правления в «Политике» Аристотеля неполон из-за ограниченных возможностей его времени и ошибочного мнения автора по поводу приемлемости рабства. Аристотель не мог предугадать появление настоящей демократической конституции, основанной на всеобщем избирательном праве; он не мог вообразить, как выглядит представительское правление или современное федеральное государство. Поэтому его анализ необходимо расширить для использования в условиях сегодняшних политических реалий. «Начала» Евклида тоже можно охарактеризовать как неполное изложение, поскольку он не рассматривал альтернативные положения о параллельных прямых. Современные работы по геометрии, в которых присутствуют другие допущения, успешно восполняют этот пробел. Я уже упоминал книгу Дьюи «Как мы мыслим», которая, на мой взгляд, является классическим примером неполного анализа мышления. Причина проста — в ней вообще не

рассматривается мышление в процессе чтения или обучения, в дополнение к мышлению в процессе исследований и открытий. А христианина, верящего в бессмертие души, «Этика» Аристотеля разочарует неполным описанием человеческого счастья, поскольку для автора оно существует только в этой жизни.

Четвертое замечание, строго говоря, не является основанием для несогласия. Оно критично лишь в той степени, в которой указывает на ограниченность достижений автора. Читатель, который частично согласен с книгой — поскольку не видит причин высказывать другие критические замечания, — может не сразу высказать свое суждение о целом, если считает книгу неполной. Отложенное суждение фактически является подтверждением того, что автор неидеально решил заявленные проблемы.

Книги, связанные одной темой, можно сравнивать по всем четырем критериям. Безусловно, мы признаем лучшей ту книгу, в которой найдем больше верных утверждений или выводов и меньше ошибок. Если мы читаем ради знаний, то отдадим пальму первенства той книге, в которой наиболее адекватно рассматривается интересующая нас тема. К примеру, один автор лучше владеет информацией, чем другой, но при этом допускает ошибочные предположения, из которых проистекают неверные выводы. Другой может быть менее убедительным, приводя свои аргументы в аналогичных условиях. Но наиболее точным критерием является сопоставление глубины анализа в книге каждого автора.

Такую меру завершенности можно определить главным образом по количеству достоверных и значимых

различий в текстах. На данном примере вы сами еще раз можете убедиться, как важно усвоить терминологию автора, в которой количество отдельных терминов коррелирует с количеством различий.

Надеюсь, теперь вам ясно, каким образом четвертое критическое замечание объединяет все три способа чтения книги. Последний шаг при первом способе прочтения требует от нас определения проблем, которые стремится решить автор. Последний шаг второго способа призывает понять, какие из этих проблем автор решил, а какие нет. Заключительным этапом критики становится замечание о завершенности. Оно касается первого прочтения, поскольку здесь речь идет о том, насколько хорошо автор заявил проблему, а также второго — потому, что в этом случае становится ясно, насколько успешно он ее решил.

- 5 -

В целом мы завершили перечисление и рассмотрение правил чтения. Если вы прочли книгу по этим правилам, вы чего-то уже добились и сами это почувствуете. Поэтому не вижу необходимости дополнительно говорить на данную тему. Однако хочу напомнить — все эти правила предполагают умение читать идеально, что доступно пока лишь малому числу людей. Тот, кто на это способен, наверняка прочел идеально мало книг. Тем не менее идеал всегда остается критерием достижений. Ваш уровень как читателя зависит от того, насколько вы приблизились к нему.

Называя кого-то начитанным, мы должны держать этот идеал в уме. Хотя боюсь, что мы слишком часто

употребляем это слово, говоря о количестве чтения, а не о его качестве. Человек, который много, но плохо читал, заслуживает скорее жалости, чем похвалы, за то, что так бездарно потратил время и усилия.

Великие писатели всегда были великими читателями, но это не значит, что они читали *все* книги, которые в их время считались выдающимися. Нередко они читали даже меньше книг, чем требуют сегодня программы в наших лучших колледжах. Но если уж они читали, то делали это хорошо. Изучив книги, они становились равными авторам и с полным правом завоевывали свой авторитет. Аналогичным образом при естественном развитии событий хорошие студенты часто становятся учителями, а хорошие читатели — авторами.

Я вовсе не намерен привести вас от чтения к писательскому труду. Скорее хочу напомнить, что приблизиться к идеалу чтения можно, соблюдая все правила чтения применительно к одной книге, а не стремясь поверхностно охватить как можно большее их количество. Безусловно качественного прочтения заслуживают очень многие книги. Слишком многие. Вы вряд ли даже просто успеете пролистать их. Но для того, чтобы стать начитанным во всех смыслах этого слова, необходимо научиться применять любое мастерство ограниченно — читая каждую книгу именно так, как она того заслуживает.

Глава четырнадцатая. И снова правила

Не зря сказано у Экклезиаста: «Составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для тела». Возможно, сейчас вы испытываете то же самое по отношению к чтению и его правилам. Поэтому спешу вас заверить — в этой главе не будет новых правил. Все основные правила я в целом уже изложил.

Теперь я более тщательно рассмотрю их в действии — на примерах разных типов книг. Кроме того, я вернусь к проблеме расширенного чтения. До сих пор наше внимание было целиком и полностью сосредоточено на книге. Но для того, чтобы прочесть ее хорошо, следует учесть и некоторые особенности, существующие за пределами книжных страниц.

Прежде чем я перейду к этим особенностям, давайте представим еще раз все правила в сжатом виде.

I. Анализ структуры книги

1. Определить тип и тематику книги.

2. Как можно более кратко изложить, о чем повествует книга.

3. Перечислить основные части по порядку и проанализировать каждую часть книги тем же способом, что и целое.

4. Определить, какие проблемы стремится решить автор.

II. Интерпретация содержания книги

1. Найти общий язык с автором, интерпретируя его ключевые слова.

2. Найти главные утверждения автора, выделив важные предложения.

3. Обнаружить аргументы автора или построить их из совокупности утверждений.

4. Определить, какие проблемы автор решил, а какие нет; в последнем случае выяснить, известно ли автору о нерешенной проблеме.

III. Критика книги как средства передачи знаний

A. Общие принципы

1. Не начинать критиковать, не завершив процесс анализа и интерпретации. (Не заявлять о том, что вы согласны с автором, возражаете против его аргументов или примете решение позже, до тех пор пока вы не будете в состоянии сказать «я понимаю».)

2. Не возражать «из любви к спорам».

3. Учитывать разницу между знанием и мнением, обосновывая все критические суждения.

B. Специфические параметры критики

1. Показать, где автору не хватает информации.

2. Показать, где автор владеет неверной информацией.

3. Показать, где автор нелогичен.

4. Показать, где анализ или изложение автора не завершены.

Примечание: из этих параметров первые три относятся к тем случаям, когда вы не согласны с автором. Если вы не можете обосновать свою критику, то обязаны как минимум частично согласиться с его мнением или же повременить с возражениями, учитывая четвертый пункт.

К сожалению, в любом искусстве или практическом умении правила иногда бывают слишком общими. В этом есть свои плюсы — самих правил обычно меньше. Но в обобщенном виде они, конечно же, не учитывают нюансов реальной ситуации, в которой их придется использовать.

Я изложил все правила в общем виде, чтобы их можно было применить к чтению любой книги. Но нельзя читать ту или иную книгу в общем — ведь каждая из них имеет свои особенности. Это может быть книга по истории или по математике, политический трактат или естественнонаучный труд. Таким образом, придется применять имеющиеся правила очень гибко и адаптивно. Думаю, что постепенно вы начнете чувствовать, как они работают в разных книгах, но я могу помочь вам и немного ускорить этот процесс, указав на некоторые особенности.

В седьмой главе мы исключили из поля зрения всю беллетристику — романы, пьесы и стихи. Думаю, теперь вы сами видите, что эти правила чтения не относятся к художественной литературе. (Для нее, безусловно, существует параллельный набор правил, который я попытаюсь изложить в следующей главе.) Далее, в восьмой главе, мы с вами увидели, что нехудожественные книги делятся на практические и теоретические — то есть те, которые связаны с

проблемами деятельности, и те, которые относятся только к знаниям. Предлагаю сейчас глубже исследовать особенности практических книг.

- 2 -

Самое важное в любой практической книге — то, что в ней никогда *не решаются* практические проблемы, которым она посвящена. В теоретической книге такие проблемы могут быть решены. На вопросы о природе чего-либо здесь можно получить вполне внятный ответ. Но практическую проблему можно решить только действием. Если для вас она состоит в том, как заработать на жизнь, то книга о способах приобретения друзей и возможностях влияния на людей точно не решит ее, но может предложить стратегию поведения. Эту проблему не решает ничего, кроме реальных действий. И устранена она будет только тогда, когда вы начнете зарабатывать.

Для примера рассмотрим данную книгу. Она абсолютно практическая. Если у вас к ней практический интерес, значит, вы хотите решить проблему обучения чтению. Вы не будете считать эту проблему решенной и закрытой, пока не научитесь читать. Однако книга не решит проблему за вас — она только поможет вам в этом. Вы должны читать, причем не только данную книгу, но и многие другие. Именно это я имею в виду, когда говорю, что практические проблемы решаются с помощью действий, а действия происходят только в реальном мире, а не в книгах.

Любое действие выполняется в определенной ситуации и в конкретных условиях — всегда здесь и

сейчас. Невозможно действовать в общем и целом. Практическая оценка, которая непосредственно предшествует действию, должна быть очень конкретной. Ее можно выразить словами, но так бывает редко. Она едва ли присутствует в книгах, потому что автор практической книги не в состоянии предусмотреть абсолютно все реальные ситуации, в которых придется действовать читателям. Как бы он ни старался помочь, невозможно давать конкретные практические советы заочно. Их стоит ожидать только от человека, попавшего в аналогичную ситуацию.

И все же практические книги могут содержать более или менее общие советы, применимые к ряду близких по сути конкретных ситуаций. Чтобы извлечь пользу из таких книг, необходимо приспособлять имеющиеся правила к конкретным случаям, оценивая их практически. Другими словами, читатель должен добавить к сведениям, почерпнутым из книги, что-то от себя, чтобы реализовать ее советы на практике. При этом сюда же он должен добавить свои знания по конкретной ситуации и представление о том, как в данном случае надо применять то или иное правило.

Любую книгу, которая содержит знания — предписания, положения и общие инструкции разного рода, — вы без труда определите как практическую. Но такие книги базируются не только на правилах. Иногда в них формулируются принципы, на которых основаны правила, а также пояснения к этим правилам. Например, в нашей практической книге о чтении я то и дело возвращаюсь к принципам грамматики и логики, стараясь сделать максимально ясными правила чтения. Принципы, на которых основаны правила, обычно сами по себе научны, то есть относятся к теоретическим знаниям.

Собранные воедино, они составляют целую теорию. Мы получаем основания говорить о теории строительства мостов или игры в бридж, имея в виду теоретические принципы, которые делают технические законы полноценными правилами.

Практические книги делятся на две основные группы. Некоторые из них — например, эта книга, кулинарная книга или руководство по эксплуатации автомобиля — прежде всего содержат правила. Весь остальной материал в них направлен на объяснение *правил*. Лично я не знаю ни одной великой книги такого рода. Вторая группа практических книг посвящена *принципам, из которых следуют правила*. Таковы все великие книги по экономике, политике и этике.

Я не утверждаю, что граница между ними всегда четкая и однозначная. Одна и та же книга может содержать и принципы, и правила. Вопрос в том, что преобладает. Нетрудно разделить все книги на две подобные группы. Так, книгу о правилах в любой области легко идентифицировать как практическую. Книга о практических принципах может сначала показаться теоретической. В некотором смысле так и есть. В ней речь идет о теории, имеющей отношение к конкретной практической области. И все же, как правило, можно быстро определить ее направленность, ведь такую книгу выдает природа ее проблем. Они всегда касаются той области человеческой деятельности, в которой можно добиться тех или иных успехов.

При чтении книги, которая относится к категории руководств, основными утверждениями являются, конечно же, правила. Они более явно выражаются в повелительном, а не в повествовательном предложении,

как команда: «Куй железо, пока горячо». Такие правила можно выразить и в повествовательной форме, например: «Дорога ложка к обеду». Обе формы призывают действовать своевременно, но императив при этом звучит более выразительно.

Правило, сформулированное в изъявительном или повелительном наклонении, всегда можно узнать, поскольку оно содержит рекомендацию делать нечто с какой-либо целью. Таким образом, правило чтения, требующее от вас найти общий язык с автором, можно представить в виде рекомендации: качественное чтение предполагает поиск общего языка с автором. Ключевым здесь является слово «качественное». Оно подразумевает, что чтение должно быть именно таким.

Аргументы в практической книге такого рода — это стремление показать, что правила разумны. Писатель может обращаться к тем или иным принципам, чтобы убедить вас или просто продемонстрировать на примере, как они работают в конкретных случаях. Ищите оба вида аргументации. Обращение к принципам обычно менее убедительно, но у него есть одно преимущество. Принципы лучше обосновывают правила, чем примеры их применения.

Во втором типе практических книг, где речь идет главным образом о принципах, основные утверждения и аргументы выглядят точно так же, как и в сугубо теоретических книгах. Утверждения указывают на некий факт, а аргументы объясняют, почему он верен.

Однако между чтением практических и теоретических книг есть существенная разница. Поскольку в первом случае заявленные проблемы обязательно будут практическими — то есть проблемами

действия, — разумный читатель книги о «практических принципах» всегда будет читать между строк. Он будет стремиться разглядеть правила, которые не всегда сформулированы, но могут быть выведены из принципов. Он даже может пойти дальше и постараться выяснить, как применять эти правила на практике.

Это оптимальный способ чтения практической книги. Читать такую книгу как теоретическую — пустая трата времени. В этом случае вы не поймете ее и уже, конечно, не сможете при необходимости надлежащим образом подвергнуть критике. Если верно, что принципы помогают понять правила, то не менее верно, что значение практических принципов следует искать в правилах, к которым они ведут, и в рекомендуемых в связи с этим действиях.

Отсюда ясно, что именно вы должны делать для понимания практической книги любого типа и какими являются главные критерии критической оценки. Если речь идет о сугубо теоретических книгах, критерии согласия или несогласия напрямую связаны с достоверностью сказанного. Но практическая истина отличается от теоретической. Правило практической деятельности верно при выполнении двух условий: первое состоит в том, что его можно выполнить, а второе — что его применение ведет к желанной цели, которую вы перед собой поставили.

Предположим, автор предлагает цель, которую вы не считаете подходящей для себя. Его рекомендации могут иметь практический смысл с точки зрения достижения этой цели, но вы категорически с ним не согласны. Соответственно, именно с таких позиций вы и оцените фактическую достоверность его книги. Если вы

не считаете ценным вдумчивое и тщательное чтение, для вас эта книга не будет иметь никакой практической пользы, несмотря на всю разумность ее правил.

Обратите внимание на смысл вышесказанного. Оценивая теоретическую книгу, читатель должен наблюдать за совпадениями или расхождениями в собственных принципах и принципах автора. При оценке практической книги все сводится к целям. Если вы не разделяете приверженности Карла Маркса к экономической справедливости, его теория и реформы, которые он предлагает, покажутся вам практически неверными или неважными. Вы можете считать, что сохранение текущего положения вещей более желательно, чем устранение беззакония в капитализме. В этом случае вы, скорее всего, решите, что революционные тексты заведомо ложны. Ваша оценка будет касаться уже целей, а не средств. Следовательно, нас никогда не заинтересуют с практической точки зрения даже самые обоснованные средства, если мы не захотим достичь соответствующих целей.

- 3 -

Из этого краткого анализа следуют два главных вопроса, которые вы должны задавать себе при чтении любой практической книги. Первый: каковы цели автора? Второй: какие средства он предлагает? Если книга касается принципов, на эти вопросы сложнее ответить. В ней цели и средства менее очевидны. И все же для понимания и критики практической книги такие ответы необходимы.

Кроме того, мы можем вспомнить об одном из аспектов практических текстов, который рассматривали ранее. В каждой практической книге присутствует элемент риторики и агитации. Мне еще ни разу не встречались книги политической тематики — какими бы теоретическими они ни выглядели и какими бы абстрактными ни казались их принципы, — в которых автор не стремился бы пропагандировать «лучшую форму правления». Аналогично авторы трактатов о нравственности стремятся убедить читателя в своих взглядах на «добродетельную жизнь», советуя, как к ней прийти.

Вполне понятно, почему автор практической книги всегда должен быть в некоторой степени оратором или агитатором. Поскольку ваша окончательная оценка его труда означает согласие с предлагаемыми им целями и средствами, его задача — любыми средствами «переманить» вас на свою сторону. Для этого он должен взывать к вашему сердцу, а не только к разуму. Ему нужно сыграть на ваших эмоциях и направить ваши мысли в нужное русло.

В этом нет ничего плохого или неправильного. Суть практической деятельности такова, что людей необходимо убеждать думать и поступать определенным способом. Практическое мышление и реальные действия связаны не только с доводами разума. Чувства тоже нельзя сбрасывать со счетов. Никто не делает серьезных практических оценок и не начинает действовать, не чувствуя при этом эмоциональной вовлеченности. Автор практических книг, который этого не понимает, никогда не достигнет успеха. Читатель, далекий от подобных мыслей, вряд ли пойдет за автором.

Лучшая защита от агитации любого рода — это полное и беспристрастное ее осмысление. Действует только скрытая и нераспознанная пропаганда. То, что достигает сердца, минуя разум, может «выстрелить», затмив рассудок. Агитация, воспринятая таким образом, подобна употреблению неизвестной таблетки. Эффект при этом непредсказуем. Вы не будете знать, почему чувствуете или действуете определенным образом. Но, выражаясь образно, если вы добавите в известной пропорции спирт в собственный напиток, то получите необходимый и вполне понятный душевный подъем.

Человек, который с умом читает практическую книгу, четко осознавая суть ее основных терминов, утверждений и аргументов, всегда сможет обнаружить пропаганду. Он заметит места, где автор прибегнул к «эмоциональному употреблению слов». Понимая, что ему стремятся что-то внушить, он беспристрастно сможет взвесить это предложение. Он способен противостоять рекламе. Но не думайте, что такая реклама должна быть стопроцентной. Хорошо, если она помогает предотвратить поспешную и бездумную покупку. Но вместе с тем она не должна полностью отвращать вас от всех предложений рынка. Читатель, который считает, что должен оставаться глухим ко всем призывам, точно так же не способен с пользой для себя осваивать практические книги.

И еще один важный момент. Учитывая природу практических проблем и примесь риторики во всех текстах, содействующих их решению, мы вынуждены признать, что личность автора практической книги является более значимой, чем персона автора книги теоретической. Чтобы понять и оценить трактат о нравственности, политический труд или экономический

обзор, вы должны что-то знать о писателе, о его жизни и эпохе. При чтении «Поэтики» Аристотеля важно знать, что Древняя Греция была рабовладельческим обществом. Несомненно, проще понять смысл «Государя», зная ситуацию в Италии во времена Макиавелли и особенности его взаимоотношений с Медичи; а в случае с «Левиафаном» Гоббса полезно знать, что автор жил во времена гражданских войн в Англии и очень страдал от насилия и беспорядка в обществе.

Иногда автор сам рассказывает о себе, своей жизни и эпохе. Обычно он не делает этого явно, но если вдруг выбирает такой путь, его открытый рассказ о себе редко бывает полностью верен или надежен. Чтобы понять и оценить степень его достоверности, вам придется прочесть другие книги об этом авторе и его времени или же изучить те книги, которые он предпочитал сам.

Любые вспомогательные материалы к той или иной книге — это средства расширенного чтения. Возможно, вы помните, что в седьмой главе я проводил различие между ограниченным и расширенным чтением. Чтение других книг — это один из наиболее явных способов расширенного чтения. Подводя итоги, скажу, что расширенное чтение об авторе гораздо более важно для интерпретации и критики практических книг, чем теоретических произведений. Запомните это как дополнительное правило чтения практической литературы.

- 4 -

Теперь обратимся к огромному массиву теоретических книг и посмотрим, существуют ли здесь

дополнительные правила. Для этого нам придется разделить категорию теоретических книг на три основные группы, которые я уже обозначил в восьмой главе: *история, наука и философия*. Чтобы вкратце прояснить этот сложный вопрос, я рассмотрю только две особенности каждого из данных типов книг. Сначала я исследую специфику проблем, характерных для книг такого типа — терминов, утверждений и аргументов, — а затем средства расширенного чтения.

Вы уже знаете, что в исторических книгах знания тесно переплетаются с художественным текстом. Все великие исторические книги — это художественные хроники. Они имеют сюжет. А любой сюжет, как известно, должен иметь фабулу и персонажей. Они становятся элементами исторической книги, если ее рассматривать как художественную, но не являются терминами, утверждениями или аргументами. Чтобы понять эту сторону исторического труда, вы должны уметь читать художественную прозу. Я еще не рассматривал правила чтения книг такого рода, но большинство людей все-таки имеют определенный навык чтения художественной литературы. Они знают, как следить за сюжетом, и могут отличить хороший сюжет от плохого. История иногда предлагает сюжеты более необычные, чем самый затейливый вымысел, и тем не менее историк должен изложить события максимально правдоподобно. Если ему это не удалось, сюжет получится плохим и скучным, или даже нелепым и ходульным.

В следующей главе я расскажу о правилах чтения художественной литературы. Они могут помочь вам интерпретировать и критиковать исторические труды с точки зрения их художественной ценности. Здесь же я

ограничусь логическими правилами, которые мы уже рассмотрели. Применительно к истории они требуют умения различать два типа утверждений. Во-первых, существуют утверждения о конкретных вещах — событиях, людях или организациях. Это исторический материал, суть того, что излагается. Поскольку подобные утверждения необходимо аргументировать, автор может предоставить, в тексте или в сносках, сведения, которые подтверждают упомянутые события или факты.

Во-вторых, историк часто готов предложить общую интерпретацию излагаемых фактов. Он может сделать это в художественной форме — распределить роли героев, обозначить кульминацию, драматично рассказать о последствиях, прибегнуть к некоторым обобщениям. Вы должны искать в тексте общие утверждения такого рода. Поясню свою мысль на примере книги Геродота об истории персидских войн, где автор сообщает нам, в чем состоит его главное открытие.

«Некогда великие города в большинстве своем приходят в упадок, а те, что сегодня переживают расцвет, когда-то были слабо развиты. Таким образом, я буду говорить в равной мере обо всех городах, поскольку убежден, что *процветание нигде не длится вечно*».

Я выделил обобщение, которое Геродот снова и снова повторяет в своей книге. Он не стремится доказать это утверждение и ограничивается множеством примеров, подтверждающих его. Обычно именно так историки обосновывают сделанные ими обобщения.

Некоторые из них стремятся всесторонне обосновать свои главные открытия. Историк-марксист не только иллюстрирует классовую борьбу, он часто

утверждает, что дела обстоят именно так с точки зрения «исторической теории». Он стремится показать, что возможна лишь одна экономическая интерпретация. Приверженцы роли личности, ярким представителем которых является историк Карлайл, стараются всеми имеющимися у них способами продемонстрировать, что человеческой деятельностью управляют лидеры. Это уже теория «великих личностей».

Следовательно, чтобы научиться критически читать исторические труды, необходимо выяснять, как автор интерпретирует факты. Вы должны знать его «теорию», то есть его обобщения, и, если возможно, основания. Иного способа понять, почему некоторые факты освещаются, а другие пропускаются, почему акцент делается на одно, а не на другое, просто не существует. Проще всего прочесть одновременно две исторические книги на одну тему, написанные с разных точек зрения. (В отличие от науки история допускает существование двух или более книг об одних и тех же событиях, концепции которых могут резко противоречить друг другу, но при этом будут одинаково убедительны и правдоподобны. Хотя истина все равно будет лишь на одной стороне.) Таким образом, расширенное чтение помогает понимать и оценивать исторические книги. Хорошо, если при этом вас заинтересуют первоисточники, на которые опирался историк.

Однако чтение других книг — не единственный способ расширить свое понимание истории. Можно также посетить места событий, увидеть своими глазами памятники и прочие свидетельства прошлого. Так, побывав на поле битвы при Геттисберге, я осознал,

насколько лучше понял бы книгу о нашествии Ганнибала, если бы пересек Альпы на слоне.

Хочу подчеркнуть, что чтение других великих исторических книг об одних и тех же событиях — это лучший способ определить позицию какого-либо великого историка. Но истории известны не только позиции — ей хорошо знакома и пропаганда. История событий, отделенных от нас значительным временем и расстоянием, дает прекрасную возможность для резкой критики современников. Идеальной иллюстрацией в данном случае становится рассказ Тацита о германцах или версия Гиббона о падении Рима. Тацит намеренно преувеличил достоинства примитивных тевтонских племен, чтобы клеймить декаданс и изнеженность своих соотечественников — римлян. Гиббон особо подчеркнул роль, которую распространение христианства сыграло в падении Рима, чтобы поддержать вольнодумцев и антиклерикалов своего времени в их борьбе против духовенства.

Несмотря на свою теоретическую специфику, исторические книги по многим параметрам более всего приближены к практическим. Следовательно, совет читателю остается прежним. Выясните что-то о характере историка и условиях, которые могли повлиять на него. Факты такого рода не только объяснят его позицию, но и приготовят вас к адекватному восприятию морали его исторических трудов.

Дополнительные правила чтения научных трудов сформулировать проще всего. Научным трудом я

называю изложение результатов или выводов исследований в какой-либо области, выполненных экспериментально в лаборатории или путем наблюдения за природными явлениями. Проблема литературы такого рода всегда заключается в том, чтобы описать какое-либо явление с максимальной точностью и проследить четкую взаимосвязь между различными явлениями.

В великих научных работах отсутствует риторика и агитация, хотя возможна некоторая пристрастность в предпосылках. Вы идентифицируете и учитываете ее, проводя грань между тем, что автор предполагает, и тем, что он устанавливает путем аргументации. Чем более объективен ученый, тем более открыто он будет призывать вас принять что-либо на веру. Научная объективность не означает отсутствия изначальной пристрастности. Она достигается честным признанием этого факта.

Основные термины в научной книге обычно выражаются редкими или специальными словами. Они достаточно заметны и способны помочь вам обнаружить утверждения. При этом надо помнить, что ключевые утверждения всегда носят общий характер. Ученый, в отличие от историка, стремится уйти от локальности времени или места, пытаясь объяснить в целом, как устроен этот мир и как функционируют все его элементы.

Единственная трудность касается аргументов. Наука, как известно, в первую очередь индуктивна. Это означает, что исходными аргументами мы называем те, из которых следуют общие утверждения со ссылкой на изучаемые факты — один экспериментальный случай или ряд случаев, собранные в результате тщательного

исследования. Есть и другие аргументы, которые называются дедуктивными. В них утверждение доказывают, опираясь на другие, ранее установленные утверждения. С точки зрения способа доказательств наука немногим отличается от философии. Но индуктивные аргументы свойственны лишь науке.

Чтобы понять и оценить такие аргументы в научной книге, необходимо разбираться в фактах, на которые опирается ученый. Иногда он описывает опыт настолько живо и понятно, что это не представляет труда. Нередко научная книга содержит иллюстрации и диаграммы, которые помогают ознакомиться с описываемым явлением.

Если же они отсутствуют, у читателя есть только один выход — он должен получить необходимый опыт сам, из первых рук. Возможно, для этого ему придется побывать в лаборатории или ознакомиться с аппаратурой, подобной той, которая описывается в книге, или отправиться в музей для наблюдения за образцами или моделями.

По этой причине тот самый колледж Сент-Джон в Аннаполисе, где все студенты читают великие книги, требует от них четырех лет практической работы в лаборатории. Студент должен научиться использовать аппаратуру для проведения точных исследований и лабораторных опытов. Кроме того, он обязан ознакомиться непосредственно на практике с важнейшими опытами в истории науки. Кроме классической литературы существуют классические опыты. Научная классика становится более понятной тем, кто своими глазами видел и своими руками сделал то,

что великие ученые описывали как стартовые условия для своих открытий.

Вы видите, что основной способ расширенного чтения научной литературы — это не чтение других книг, а непосредственное знакомство с теми или иными объектами изучения и феноменами. Чем более специализирована та или иная область науки, тем более необходимо и более трудно получить в ней личный исследовательский опыт.

Конечно, чтение других книг по конкретному научному вопросу тоже принесет определенную пользу. Они прояснят некоторые проблемы и помогут критически отнестись к изучаемой в данный момент книге. Они станут своеобразной лакмусовой бумажкой — и покажут, в чем автор неверно информирован, каких ему не хватает фактов, где его анализ недостоверен. Но все же я думаю, что главным средством в данном вопросе станет то, которое поможет лучше понять все индуктивные аргументы, лежащие в основе любой научной книги.

- 6 -

Чтение философских трудов имеет свои особенности, связанные с отличием философии от науки. Здесь я буду рассматривать только теоретические работы по философии, такие как метафизические трактаты или книги о философии природы, поскольку книги на темы морали и политики мы уже упоминали. Они относятся к практической философии.

Философская проблематика касается объяснения, а не описания природы вещей. Вопросы этой дисциплины зачастую выходят за рамки привычной для нас

взаимосвязи явлений. Философы стремятся проникнуть в изначальные причины и условия — существующие и меняющиеся. Такие проблемы решаются только путем наглядной демонстрации ответов. Основные усилия читателя в этом случае должны быть направлены на поиск терминов и исходных утверждений.

Философы тоже имеют свою специальную терминологию. При этом слова, обозначающие термины, часто заимствуются из обыденной речи, но используются в специфическом значении. Поэтому читатель здесь должен быть внимателен вдвойне. Если он не преодолеет склонность использовать знакомые слова привычным способом, то книга покажется ему бессмыслицей. Я часто видел, как люди с негодованием или отвращением отшвыривали философские книги в дальний угол, хотя на самом деле проблема заключалась в них, а не в авторе. Ведь они даже не пытались найти общий язык с этим автором.

Основные термины философской дискуссии, конечно же, абстрактны. Но таковы в массе своей и научные термины. Общие знания можно сформулировать только в абстрактных терминах. И здесь нет ничего особенно сложного. Мы доказываем это каждый день, в каждом разговоре. Если заменить разницу между конкретным и абстрактным разницей между частным и общим, вы наверняка станете меньше бояться абстракции.

Высказываясь в целом на ту или иную тему, вы пользуетесь именно абстракциями. Все, что вы можете воспринять посредством органов чувств, — всегда конкретно. Но ваши мысли исключительно абстрактны. Понять «абстрактное слово» — означает понять мысль, которую оно выражает. «Иметь представление» — это

еще один способ заявить о том, что вам известен общий смысл чего-то, о чем можно подумать. Вы не можете потрогать и даже вообразить такой смысл. Будь это реально, то не существовало бы разницы между чувствами и разумом. Любая попытка *вообразить* то, что описывается идеями, заводит человека в тупик и делает беспомощным.

Мы помним, что индуктивные аргументы должны быть центром внимания при чтении научных книг. Изучая философскую литературу, вы должны уделять внимание в первую очередь принципам самого философа. Слово «принцип» означает начало. Утверждения, с которых философ начинает — это его принципы. Они также могут быть предпосылками, которые автор просит с ним разделить, или утверждениями, которые он считает самоочевидными.

Предпосылки не представляют особых проблем. Примите их и посмотрите, что будет дальше, даже если они прямо противоположны вашим. Чем яснее вы будете видеть собственные предпосылки, тем менее ошибочным будет ваше суждение о предпосылках автора книги.

Трудности могут возникнуть с другим видом принципов. Я не знаю ни одной философской книги, лишенной тех исходных утверждений, которые автор считает самоочевидными. Подобные утверждения в чем-то схожи с выводами ученых. Они опираются непосредственно на опыт, имея мало общего с другими утверждениями.

Разница состоит именно в этом опыте. Философ всегда апеллирует к общечеловеческому опыту. Он не работает в лабораториях и не занимается выездными исследованиями. Следовательно, чтобы понять и оценить

его главные принципы, вам не потребуются специальные опыты. Он обращается только к вашему здравому смыслу и повседневным наблюдениям за миром, в котором мы живем.

С того момента, когда вам станут понятны термины и принципы философа, ваша работа по чтению книги уже не будет сопряжена с какими-либо особенными трудностями. Конечно, вы должны будете следить за доказательствами и отмечать каждый шаг в эволюции анализа автора — что происходит с определениями и различиями, какова взаимосвязь терминов. Но все это касается и научной книги. Знакомство с фактами в одном случае и принятие принципов — в другом — это необходимые условия следования остальной аргументации. Хорошая *теоретическая* книга по философии так же не содержит агитации, как и хороший научный труд.

В данном случае нет смысла интересоваться «личностью» автора или исследовать социально-экономические условия, в которых он жил. Тем не менее полезно прочесть другие источники, связанные с этой философской книгой. Можно сказать, что «с начала времен» и истории существования мысли в целом философы ведут между собой нескончаемый разговор. Желательно прислушаться к нему перед тем, как составлять собственное мнение об одном из них.

Тот факт, что философы не соглашаются друг с другом, никак не отличает их от других людей. Читая философские книги, помните прежде всего о принципе разделения знаний и мнений. Несогласие не должно приводить вас к мысли, что всё определяют только личные мнения. Устойчивые разногласия иногда

помогают выявить великие нерешенные — а порой даже нерешаемые — проблемы. Они указывают на тайну. Но если с проблемой можно справиться, опираясь на знания, то *прийти к согласию* люди могут только в результате серьезной дискуссии.

Не беспокойтесь о несогласии окружающих. Ваша задача — составить собственное суждение. Наблюдая за длительной дискуссией, которую философы ведут в своих книгах, вы должны научиться оценивать, что верно, а что нет. Вы имеете право на подобную оценку при условии, что качественно прочли философскую книгу, поскольку этот факт — помимо опыта глубокой интерпретации — подтверждает ваши способности к расширенному чтению.

Наиболее важная особенность философских вопросов состоит в том, что любой человек должен ответить на них сам. Разделив чужое *мнение*, вы не ответите на вопрос, а уйдете от него. Ответы дают только знания — и это должны быть ваши личные знания. Здесь вы не можете полагаться на свидетельства экспертов, как это можно делать при чтении научных книг.

Следует отметить еще два аспекта расширенного чтения философских книг. Не растрачивайте время на чтение книг о философах и их частной жизни. Старайтесь читать самих философов. А при чтении античных, средневековых и даже некоторых современных философов не беспокойтесь по поводу ошибок или неточностей в научных знаниях, которые будут встречаться в этих книгах.

Философские знания опираются на общий мировой опыт, а не на результаты научных исследований. При

внимательном изучении аргументов вы увидите сами, что неверная информация или отсутствие информации по научным вопросам фактически не имеет значения.

Кроме того, имеет смысл учитывать время жизни философа, книгу которого вы читаете. Это поможет не только определить его место в диалоге с предшественниками и последователями, но и понять, какими научными примерами он намерен иллюстрировать свои мысли. Та самая вежливость, которая велит быть снисходительными к людям, говорящим на иностранном языке, поможет вам научиться проявлять толерантность по отношению к мыслителям, которые в свое время еще не располагали известными нам всем научными фактами. Все эти люди могут сказать нечто важное, и с нашей стороны будет неумно и недальновидно игнорировать их слова из-за узости собственного мышления.

- 7 -

Существует еще два класса книг, которые до сих пор я не упоминал вообще. Первый — математика, а второй — теология. Причина в том, что на начальном уровне чтения они не представляют особенных проблем. А на более высоком уровне проблемы становятся слишком сложными, чтобы их рассматривать в этой книге. И все же попытаюсь несколько упрощенно рассказать о них.

В целом способ утверждения и аргументации в книге по математике ближе к философскому, чем к научному. Математик, как и философ — это «диванный мыслитель». Он не проводит опытов, не занимается специальными наблюдениями. Опираясь на самоочевидные или предполагаемые принципы, он

обосновывает свои выводы и решает поставленные задачи.

Трудность в чтении этих книг отчасти связана с символами, используемыми в математике. Мы знаем, что математик пишет на особенном языке, отличном от обыденной речи. У него своя грамматика, свой синтаксис и свои правила функционирования. Отчасти поэтому метод филигранных доказательств присущ именно данному предмету. Мы уже не раз видели, что стиль изложения Евклида и других математиков радикально отличается от стиля прочих авторов.

Если вы хотите стать компетентным читателем книг по математике, то должны знать особую грамматику и логику этого предмета. Общие правила, которые мы рассматривали, можно разумно применять к изучению математики, рассматривая их через призму особых принципов. Добавлю, что логика научной аргументации и философского доказательства не только отличается от математической — эти два вида логики вообще существенно различаются между собой. Хочу, чтобы вы поняли: научный мир знает множество особых видов грамматики и логики, а также массу специфических случаев применения правил к разным книгам по разным предметам.

Теперь скажу несколько слов о теологии. Она отличается от философии тем, что ее исходными принципами являются догматы веры, соблюдаемые приверженцами определенной религии. Аргументация, которая опирается на предпосылки, подвластные разуму, — философская, а не теологическая. Богословская книга всегда основывается на догматах и авторитете церкви, провозглашающей их. Даже если вы

— человек не верующий или не принадлежите к данной церкви, это не помешает вам *качественно* прочесть богословскую книгу, относясь к ее догмам как к математическим допущениям. Но прошу вас помнить, что догмат веры — это не то, что верующий *допускает*. Вера, для обладающих ею людей, — это самая точная форма знания, а не гипотетическое мнение.

Существует одно специфическое средство расширенного чтения, идеально подходящее для изучения богословских трудов. Религиозные люди верят в явленное слово Божье, переданное в Священном Писании. Таким образом, иудейская теология требует от читателей знакомства с Ветхим Заветом, христианская — с Новым Заветом, мусульманская — с Кораном и так далее.

На этом месте я должен остановиться. Проблема чтения Священного Писания — если вы веруете, что оно является словом Божиим, — наиболее сложна. О том, как следует читать Писание, на сегодняшний день существует едва ли не больше книг, чем обо всех аспектах чтения, вместе взятых. Слово Божье — это самый сложный для чтения текст. Усилия верующих полностью соответствуют сложности этой задачи. Думаю, можно с полным основанием говорить, по крайней мере, в европейской традиции, что Библия — это книга, обладающая множеством самых разных смыслов. Ее читают не только чаще всего, но и тщательнее всего.

В заключение этой главы я сделаю краткий обзор средств расширенного чтения. Что лежит за пределами книги, которую вы читаете?

На мой взгляд, в данном вопросе особое значение приобретают три средства: опыт — общий или специальный, другие книги и живое обсуждение. Полагаю, роль опыта как внешнего фактора очевидна. Другие книги могут быть самыми разными. Справочники, учебники, комментарии, великие книги, посвященные тому же или близкому предмету.

Вы можете старательно соблюдать все правила ограниченного чтения. Но практика показывает, что этого редко хватает для качественного прочтения книги — интерпретирующего или критического. Опыт и другие книги — вот самые необходимые средства расширенного чтения. В ходе занятий со студентами я не перестаю поражаться тому, что они не используют эти удивительные средства и не знают, как читать книгу саму по себе.

Согласно системе самостоятельного выбора предметов, студент отдает предпочтение какому-то конкретному курсу, рассматривая его как нечто отдельное. Но, как правило, разные предметы в нем не связаны между собой.

Кроме того, ни один курс не имеет отношения к насущным проблемам и повседневному опыту студента. Эта тенденция активно распространяется и на книги. Студенты даже не пытаются связывать между собой смысл прочитанных книг, даже если он очевиден, или сопоставлять слова автора с личным опытом. Они читают

о фашизме и коммунизме в газетах. Слушают о демократии по радио. Но, похоже, им не приходит в голову, что в великих политических трудах, которые они читают, речь идет о тех же проблемах. Только говорится о них более литературным языком.

Не далее как в прошлом году мы с мистером Хатчинсом читали ряд политических трудов со своими студентами. Сначала они подходили к изучению каждой книги как к объекту, существующему в вакууме. Несмотря на то что разные авторы явно вели полемику друг с другом об одном и том же, студенты не задумывались, что суть одной книги стоит воспринимать сквозь призму опыта, изложенного в другой. Однако хорошие студенты научились устанавливать все эти связи после первого же нашего призыва к такому действию. Одно из занятий стало наиболее ярким — мистер Хатчинс вдруг задал вопрос: стал бы Гоббс защищать Гитлера после того, как тот отправил пастора Нимеллера^[45] в концлагерь? Постарался бы Спиноза спасти пастора? Как поступили бы Локк и Джон Стюарт Милль?

Проблемы свободы слова и свободы сознания позволили нашим студентам понять, что книги давно ушедших из жизни авторов по-прежнему затрагивают самые животрепещущие темы. Мнения студентов по вопросу о Нимеллере разделились, точно так же разделились мнения и в книгах: Милль выступал против Гоббса, Локк — против Спинозы. Хотя студенты и не

⁴⁵ Мартин Фридрих Густав Эмиль Нимёллер (1892—1984) — пастор протестантской евангелической церкви, видный теолог. Во время Первой мировой войны был командиром подводной лодки, имел боевые награды. Затем принял духовный сан. В 1933 г. поддержал приход Гитлера к власти, впоследствии стал его ярким противником. В 1938—1945 гг. был заключенным нескольких концлагерей, в том числе Заксенхаузена и Дахау.

могли помочь пастору Нимеллеру, его история научила их распознавать противостояние политических принципов с учетом реальных последствий. Студенты, которые раньше не видели недостатков Гоббса и Спинозы, начали сомневаться в своих первоначальных суждениях.

Полезность расширенного чтения состоит в особой ценности контекста. Мы уже видели, как он помогает интерпретировать слова и предложения при поиске терминов и утверждений. Мы знаем, что книга является контекстом для любой ее части, а книги, связанные одной темой, создают еще более широкий контекст, помогающий интерпретировать ее.

Лично для меня великие книги — полноправные участники бесконечной дискуссии о главных проблемах человечества. Великие авторы были великими читателями, и один из способов их понять — это вдумчивое чтение их произведений, имеющих общечеловеческую ценность. В качестве читателей они не раз дискутировали с другими авторами. Сегодня мы ведем такую же беседу с книгами, которые читаем. Правда, далеко не все из нас пишут книги.

Чтобы присоединиться к дискуссии, мы должны читать великие книги, понимая их взаимосвязь и учитывая фактор хронологии. Дискуссия между книгами происходит в каком-то временном промежутке. Время здесь играет важную роль — им не стоит пренебрегать. Можно читать книги, продвигаясь от настоящего к прошлому или от прошлого к настоящему. Хотя, на мой взгляд, второй способ имеет свои преимущества как более естественный, выбор остается за вами.

Дискуссионная сторона чтения (когда авторы беседуют друг с другом, а читатель — с автором) делает более очевидным третий фактор расширенного чтения, который я упомянул выше, — живое обсуждение. Так я называю реальную беседу между мной и вами с одной стороны и книгой, которую мы оба читали, — с другой.

Хотя дискуссия и не является необходимым вспомогательным средством, она, безусловно, очень полезна. Поэтому мы с мистером Хатчинсом ведем курс по чтению книг, предполагающий регулярные встречи со студентами и активные обсуждения изученных нами произведений. Читатель, который учится обсуждать книги в группе своих единомышленников, одновременно с этим постигает искусство продуктивного общения с автором наедине — в своем кабинете. Быть может, там он даже лучше поймет беседу, которую авторы ведут между собой.

Часть III. Другие стороны жизни читателя

Глава пятнадцатая. Вторая половина

- 1 -

Это лишь часть книги о чтении. Вернее, в ней идет речь только о половине случаев, связанных с чтением. Но даже такая оценка будет весьма приблизительной. Я не настолько наивен, чтобы полагать, будто люди тратят наиболее значительную часть своего «читательского» времени на великие книги. Как правило, в основном оно

уходит на газеты и журналы. А если говорить о книгах, большинство из нас чаще отдает предпочтение художественной литературе, игнорируя документальную и научную. Да, списки бестселлеров обычно делятся на две части: художественную и нехудожественную литературу. Несмотря на то что научные книги часто имеют широкую аудиторию, по общему числу читателей они существенно уступают художественной литературе — как плохой, так и хорошей. Из нехудожественных книг часто наиболее популярными становятся те, которые посвящены насущным вопросам современности.

Я не обманул вас относительно правил, изложенных в предыдущих главах. В седьмой главе, прежде чем перейти к подробному рассмотрению правил, я настаивал на том, чтобы ограничиться чтением серьезной нехудожественной литературы, поскольку при одновременном объяснении правил чтения художественной и научной литературы могла возникнуть путаница. К тому же, если рассматривать правила чтения художественной прозы и поэзии надлежащим образом, книга будет вдвое толще. Я оказался перед выбором: написать очень объемную книгу, а может быть, даже две, или проигнорировать вообще определенную категорию литературы. Во имя большей ясности я выбрал второе еще на том этапе, когда писал предисловие к данной книге. Сейчас я постараюсь исправить это упущение, хотя знаю, что явно недостаточно посвятить остальным видам чтения всего одну главу.

С моей стороны было бы неискренне объяснять сложившуюся ситуацию только тем, что запланированный объем книги вынудил меня к подобному решению. Должен признаться, что я гораздо менее компетентен в вопросе, которому посвящена эта

глава. В свое оправдание добавлю, что проблема чтения художественной литературы сама по себе значительно сложнее. Тем не менее вам может показаться, что правила чтения художественной литературы не требуют столь жесткой формулировки, ведь все мы в общих чертах знаем, как читать беллетристику и извлекать из нее пользу.

Обратите внимание на явный парадокс. С одной стороны, я говорю, что мастерство чтения художественной литературы гораздо труднее подвергать анализу. С другой стороны, создается впечатление, что люди намного чаще обладают этим умением по сравнению с навыком чтения научных, философских, политических, экономических и исторических книг. Возможно, они просто заблуждаются относительно своих способностей хорошо читать романы. Если же это не так, попробую объяснить данный парадокс по-другому. Художественная литература скорее приносит наслаждение, чем учит. Получать удовольствие гораздо легче, чем учиться, но при этом значительно сложнее понять, чем оно вызвано. Красота — более неуловимое понятие, чем истина.

Из своего опыта преподавания я знаю, как часто люди становятся косноязычными, если спросить, что им понравилось в романе. Они точно знают, что получили удовольствие от данного романа, но не могут толком выразить свое восхищение или указать на истинные причины своего отношения к прочитанной книге. Вы скажете, что можно быть хорошим читателем беллетристики, не будучи хорошим критиком. Подозреваю, что это в лучшем случае полуправда. Критическое чтение чего бы то ни было зависит от полноты восприятия. Человек, который не может сказать,

что ему понравилось в романе, вероятно, читал его лишь поверхностно.

Чтобы прояснить эту мысль, я должен четко сформулировать все правила чтения художественной литературы. Поскольку мне не хватает ни пространства, ни компетенции, предлагаю два кратких пути. Первый — это *путь от противного*, при котором выделяются очевидные «нет» вместо конструктивных правил. Второй — *путь аналогии*, когда правила чтения научной литературы трансформируются в аналогичные правила чтения беллетристики. Кстати, сразу поясню, что словом «беллетристика» я называю всю художественную литературу, включая лирическую поэзию, романы и пьесы. При этом лирическая поэзия, безусловно, заслуживает отдельного тщательного рассмотрения. Так же как и в случае с научными книгами, когда общие правила необходимо отдельно уточнять для истории, науки и философии, надлежащий анализ художественной литературы должен учитывать особенности чтения романов, пьес и стихов. Но мы с вами на этот раз ограничимся более поверхностным анализом.

- 2 -

Мы будем двигаться от обратного, а потому прежде всего установим основные различия между научной и художественной литературой. Они помогут нам понять, почему именно нельзя читать роман как философский трактат, или стихотворение — как математическое доказательство.

Наиболее очевидное различие, которое я уже ранее упоминал, касается целей этих двух видов литературы.

Основная цель научных книг — обучать читателей; предназначение художественных — дарить наслаждение. Первые несут знания о том опыте, который читатель уже имеет или может приобрести. Вторые передают опыт, который читатель может пережить *только* при чтении. Если это происходит, читатель получает определенное удовольствие. В силу данных различий оба вида литературы по-разному задействуют интеллект и воображение.

Мы переживаем что-либо посредством чувств и воображения. Для познания мы задействуем интеллектуальные способности — умение рассуждать и аргументировать. Я понимаю, что можно мыслить, не используя воображение, и согласен с тем, что чувственный опыт и процесс обдумывания — понятия разные. Вопрос в том, что именно преобладает. Художественная литература обращена прежде всего к воображению. Кстати, поэтому ее часто называют художественным вымыслом, в противовес науке и философии, апеллирующим к интеллекту.

Мы рассматриваем чтение как деятельность, в процессе которой воспринимаем сообщение от других. Но заглянув глубже, видим, что нехудожественные книги действительно передают нам знание. Художественная литература стремится выразить то, что, по сути, не может быть передано в виде сообщения — а именно конкретный опыт. В этом есть некоторая загадка. Если конкретный опыт нереален, что за волшебство внушает поэту или писателю надежду передать вам опыт, который он пережил сам?

Перед ответом на этот вопрос я должен убедиться, что вы в полной мере осознаете факт «несообщаемости» конкретного опыта.

Каждый из нас испытывал серьезные эмоциональные потрясения — вспышки гнева, длительную тревогу, чередование надежды и отчаяния. Пытались ли вы когда-нибудь поделиться этим с друзьями? Конечно, можно достаточно легко изложить все факты, поскольку события — это предметы обычного знания, их легко описать. Но как передать само переживание, во всей его обращенности вовнутрь — то переживание, которое даже вам трудно вспомнить во всей полноте? Если ваши собственные воспоминания бледны и отрывочны, впечатления от слов будут еще более слабыми и бессвязными. По лицам слушателей вы сразу поймете, что они не разделяют ваших чувств. И, быть может, осознаете, что для этого вам не хватает искусства рассказчика, которое отличает создателей великих художественных произведений.

Конечно, в определенном смысле даже величайший писатель не способен передать собственные переживания. Они всегда будут принадлежать только ему. Можно поделиться знанием, но нельзя передать биение пульса и трепет жизни. Поскольку уникальный конкретный опыт сообщить невозможно, писатель прибегает к следующему приему. Он создает в воображении читателя тот мир, который можно передать; использует те слова, что способны вызвать переживание, близкое переживанию самого автора. Его язык воздействует таким образом на эмоции и воображение читателя, что тот, в свою очередь, испытывает ранее неведомые ощущения, хотя такой процесс может пробудить и определенные воспоминания.

Эти новые переживания у каждого читателя будут своими, в зависимости от характера и личного опыта. И все же в них всегда будет присутствовать что-то общее, поскольку они созданы по единому образцу — по тем самым непередаваемым переживаниям, которые описывает автор. В его воображении люди подобны множеству музыкальных инструментов, со своими обертонами и резонансами. Но его музыка в каждом из нас проигрывается по единой партитуре, которая записана в романе или стихотворении. Читая текст, мы видим сообщения, тогда как на самом деле автор создает целостную и многогранную эмоцию. В этом и состоит волшебство художественного слова, которое с помощью вымысла приближает нас к реальному переживанию.

В подтверждение сказанного я не могу процитировать роман или пьесу. Я лишь попрошу каждого читателя запомнить и обдумать то, что происходит с ним при погружении в мир художественного произведения, глубоко затронувшего его душу. Узнал ли он какие-то новые факты? Следил ли за аргументами и доказательствами? Или, может быть, пережил новый опыт, созданный его воображением в процессе чтения?

Тем не менее я хочу процитировать несколько коротких и широко известных стихотворений. Первое принадлежит Роберту Херрику^[46] и имеет особенно воздушное название — «О платье, в котором явилась Юлия».

Впивая аромат её шагов,

⁴⁶ Роберт Херрик (1591—1674) — английский поэт, представитель группы «поэтов-кавалеров», сторонников короля Карла I.

Я онемел, я умереть готов —
Весь в благорастворении шелков.
Я различаю сквозь туман в глазах
Мерцанье складок, трепет их и взмах —
Тону, тону в волановых волнах.
(Перевод Г. Кружкова)

Автор второго — Перси Биши Шелли:
Как облако, моя душа
Льет дождь целебных слез
Тебе, увядший цвет, дыша
Немою музыкой сквозь сны,
Благоуханьем слез
Покая мозг, ведя назад
В грудь молодость, что мрак унес.
Ты мной до самой глубины
Объят.
(Перевод В. Меркурьевой)

Третье стихотворение принадлежит перу Джерарда Мэнли Хопкинса^[47]:

⁴⁷ Джерард Мэнли Хопкинс (1844—1889) — английский поэт и католический

Слава Господу за всё пятнистое —
За небеса двойных цветов, как пёстрая
корова;
За штрихи розовых родинок на форели,
что плавает;
Горячий уголь каштанов; крылья зябликов;
Расчерченный и поделенный пейзаж —
холм, земля под паром и плуг;
И все ремёсла, их инструмент, снаряжение
и порядок.
Всё розное, своеобычное, свободное,
странное;
Всё, что неверно, испещрённое (кто знает
отчего?)
Стремительным, медленным; сладким,
кислым; сияющим, тусклым —
Тот урождает, чья красота неизменна:
Хвали его.

(Перевод С. Карпухина)

Эти стихотворения различаются темой и сложностью передаваемых эмоций, но воздействуют на нас схожим образом. Они обращаются к нашим чувствам

через музыку слов и, более того, пробуждают образы и воспоминания, которые в душах читателей сливаются в единое значимое переживание. Каждое слово играет свою роль, становясь не только сочетанием звуков, но и сигналом к тому, чтобы вспомнить или вообразить. Поэт направляет наши чувства так, что, не осознавая этого, мы переживаем возникновение нового образа, созданного не нами, а им самим. Мы не получаем от него знаний, как от писателя научной литературы, но остро чувствуем себя средством восприятия его творчества. С помощью слов автор проникает в наши сердца, создавая в них переживание, похожее на свое собственное. Так один сон бывает похож на другой. На самом деле каким-то непостижимым образом каждый из нас по-своему видит один и тот же сон поэта.

Главное различие между научной и художественной литературой состоит в том, что первая обучает и сообщает, а вторая — создает настроение, воспроизводя то, что невозможно сообщить. Из этого утверждения следует еще одно. В силу полной противоположности целей разные виды литературы по-разному используют язык. Автор художественного произведения стремится вложить в свои слова как можно больше скрытых смыслов, чтобы достичь богатства и силы образов. Он видит в метафорах «строительный материал», а ученый, в свою очередь, ценит в словах точность значений. Данте как-то сказал о «Божественной комедии», что ее нужно читать так, будто она имеет четыре разных, но взаимосвязанных смысла. В целом эти слова касаются всей художественной прозы и поэзии. Логика научного текста стремится к идеалу ясности и однозначности. Ничто не должно оставаться между строк. Все, что важно и подлежит констатации, необходимо изложить как

можно более четко и понятно. В противоположность этому, художественный текст основан скорее на подразумеваемом, чем на сказанном. Многочисленные метафоры наполняют его особым смыслом, притаившимся «между строк». Причем этот смысл гораздо более обширен, чем значение всех слов текста в отдельности. Стихотворение или роман передают то, что невозможно выразить словами: уникальный и не поддающийся анализу опыт, воссозданный специально для читателя.

Если рассматривать в качестве идеала лирическую поэзию и математику или две противоположные друг другу формы художественной и нехудожественной литературы, можно заметить еще одно различие между поэтическим и логическим измерениями грамматики. Математическую формулировку легко заменить аналогами. Великий французский ученый Пуанкаре однажды сказал, что математика — это искусство говорить одно и то же множеством разных способов. Это поймет любой, кто наблюдал за бесчисленными преобразованиями того или иного уравнения. На каждом этапе мы видим разные символы, которые расположены в разном порядке. Но при этом они выражают одно и то же математическое соответствие. Поэтическую фразу, напротив, никак нельзя преобразовать, не только с одного языка на другой, но и в пределах одного языка с помощью другого набора слов. Невозможно передать фразу «Как облако, моя душа / Льет дождь целебных слез» какими-то другими английскими словами. В ней нет утверждения, которое можно выразить аналогичными предложениями, содержащими одно и то же сообщение. Ее слова пробуждают образы, а не обучают; следовательно, только эти слова и только в таком

порядке могут воздействовать именно так, как задумал поэт. Любая другая форма создаст совершенно новое переживание. Будет оно лучше или хуже — это уже другой вопрос.

Вы можете возразить, что я провел слишком резкую границу между двумя видами литературы. Возможно, вы уверены, что художественное произведение может чему-то учить, а не только приносить наслаждение. Конечно, может, но совсем не так, как научная или философская книга. Все мы — ученики опыта, приобретаемого в повседневной жизни. Нет сомнений в том, что таким опытом может быть переживание, созданное в нашем воображении определенными художественными средствами. В этом смысле поэзия и проза действительно могут учить, а не только доставлять удовольствие. Наука и философия обучают по-другому. Научные книги не создают новых переживаний. Они разъясняют опыт, который мы уже приобрели или можем приобрести. Поэтому верно, что нехудожественная литература прежде всего является дидактически ориентированной, а художественная — если учит вообще, то мимоходом, вызывая яркие переживания. Да, такие книги обучают, но для этого необходимо осознавать каждый новый опыт самостоятельно в противовес процессу обучения у философов и ученых, при котором мы прежде всего должны понять их мышление.

Я подчеркнул все эти различия, чтобы сформулировать несколько «отрицательных» правил. Они не объясняют, как читать художественную литературу. Они не указывают, что делать, поскольку художественная литература не похожа на научную. Все эти «не» сводятся к одной простой мысли: не читайте

художественные произведения как изложение фактов или как исследования по социологии и психологии. Подробнее я объясню эту тему в следующих правилах.

1. *Не пытайтесь найти «основную мысль» в романе, пьесе или стихотворении.* Художественные тексты не являются в первую очередь дидактическими. Ни одно великое произведение нельзя свести к подслащенной морали, как пытаются нас убедить некоторые современные критики. (Если книги «Хижина дяди Тома» или «Гроздь гнева» — это хорошая литература, она останется таковой, несмотря на отношение общества к тем идеям, которые она проповедует.) Я не хочу жестко разграничивать чистое искусство и пропаганду, ведь нам известно, что литература может побуждать к действию успешнее, чем самые пламенные речи ораторов. Скорее я имею в виду тот факт, что литература обладает этой силой только в одном случае — когда она однозначно хороша с художественной точки зрения, а не является проповедью или наставлением, неуклюже замаскированным слабой фабулой. Если исходить из разумного принципа — читать книгу такой, какова она есть, — в художественных книгах следует искать сюжет, а не мораль.

Уже не одно столетие пьесы Шекспира тщательнейшим образом анализируют в надежде найти в каждой из них некое скрытое послание. Исследователи хотят верить, что Шекспир зашифровал в своих пьесах какую-то тайную философию. Однако и по сей день поиски не увенчались успехом. Эта неудача должна стать классическим предостережением и уберечь читателя от неверного отношения к художественной литературе. С моей точки зрения, будет гораздо разумнее рассматривать каждую пьесу как целый мир новых

переживаний, которые открывает нам Шекспир. Например, мой коллега Марк Ван Дорен в самом начале своей недавно опубликованной книги о Шекспире мудро сообщает, что в пьесах ищет *творчество*, а не идеи или догмы:

«Величие Шекспира не в том, что он сообщал нам мысли, ведь мысли не помогут создать мир. Мышление может постигать мир, когда он уже создан. Шекспир сотворил мир, который до него не существовал, и не покинул его, а создал еще множество миров внутри него... Читая пьесу Шекспира, мы находимся в ней. Нас затягивает туда быстро или плавно — чаще всего быстро, — и, оказавшись в этом мире, мы погружаемся в него полностью. В этом тайна власти Шекспира над нами — и она остается неразгаданной. Автор создает вокруг нас особый мир, о котором мы даже не подозревали. И этот мир поглощает нас без остатка».

То, как Марк Ван Дорен читает шекспировские пьесы, является, на мой взгляд, идеальной моделью знакомства с любой художественной литературой, достойной так называться.

2. Не ищите термины, утверждения и аргументы в художественной литературе. Все эти средства относятся к логике, а не к поэзии. Они свойственны употреблению языка, цель которого — передавать знания и мысли, но абсолютно чужеродны в том случае, если язык является средством выражения чего-то непередаваемого — то есть когда он используется творчески. Как говорит Марк Ван Дорен, «высказывание в поэзии и драме — одно из самых непостижимых средств». Я пойду дальше и предположу,

что в художественной литературе вовсе нет утверждений или высказываний мнения автора. Например, то, что «утверждает» лирическое стихотворение, нельзя обнаружить ни в одном из предложений. Но стихотворение в целом, как комплекс всех слов в их взаимосвязи, дает жизнь тому, что невозможно поместить в смирительную рубашку грамматических форм.

3. Не оценивайте художественную литературу по стандартам правдивости и последовательности, которые обычно применяются к книгам, несущим знания. «Правдивость» хорошего сюжета — в его реалистичности, внутренней возможности и правдоподобию. В данном случае идеальный пример — это вполне вероятная история. Она не обязательно содержит факты из жизни в той форме, которую можно проверить опытным путем или исследованием. Много веков назад Аристотель заметил, что «стандарт правильности не одинаков в поэзии и в политике», или, если на то пошло, — в физике и психологии. Технические неточности в анатомии или ошибки в истории и географии следует критиковать лишь тогда, когда книга посвящена этим предметам. Но искажение фактов не повредит художественной истории, если рассказчику удастся сделать ее правдоподобной. Читая биографию человека, мы хотим знать правду о его жизни. Читая роман, мы ищем сюжет, правдивый лишь в том смысле, что это могло случиться в мире персонажей и событий, созданном автором.

4. Не читайте все художественные книги одинаково. Художественные книги, как и научные, делятся на жанры

— стихи, романы, пьесы, которые, соответственно, нужно читать по-разному.

Чтобы эти «не» принесли вам как можно больше пользы, следует добавить к ним конструктивные советы. Развивая аналогию между чтением научной и художественной литературы, я покажу вам еще один краткий путь к правилам чтения беллетристики.

- 3 -

Как мы уже видели, существует три группы правил чтения нехудожественной литературы. Первая требует выявления целостной структуры; вторая настаивает на необходимости выделения из целостного текста терминов, утверждений и аргументов; третья оговаривает условия обоснованной критики теории автора. Мы назвали эти группы правилами *структурирующего, интерпретирующего и критического* чтения. Если существует аналогия между чтением научных и художественных книг, нам следует найти подобные группы правил для чтения беллетристики.

Во-первых, давайте подумаем, каковы правила структурного чтения художественной литературы. Если вы помните ранее рассмотренные нами правила (вкратце они приведены в начале четырнадцатой главы), то сейчас я преобразую их в аналогичные законы для чтения художественных книг.

1. Вы должны определить жанр художественного произведения и понять, что перед вами — роман, пьеса или стихи. Стихотворение — это чаще всего одно эмоциональное переживание, тогда как в романах и пьесах сюжеты всегда более сложны. Они содержат

описание множества персонажей, их поступков, взаимоотношений и переживаемых в процессе повествования эмоций. Более того, как всем известно, пьеса отличается от романа тем, что все повествование в ней передается путем описания действий и прямого цитирования слов персонажей. Автор здесь не ведет рассказ от своего имени, как может делать и часто делает в романе. Все эти формальные различия соответственно влияют на восприятие читателя. Следовательно, нужно сразу определять жанр книги, которую вы читаете.

2. Вам необходимо научиться воспринимать всю книгу в ее целостности — только тогда вы будете способны изложить суть книги в одном-двух предложениях. Суть научной книги содержится в главной проблеме, которую автор стремится решить. Следовательно, ее можно транслировать читателю, сформулировав соответствующие вопросы или утверждения, содержащие ответы. Но суть художественного произведения не всегда кроется в его сюжете. Здесь стоит еще раз подчеркнуть разницу между *проблемой* и *сюжетом* как носителями смысла научных и художественных книг. Вы не поняли сути, пока не сможете вкратце пересказать сюжет. Помните, что в данном случае перечисления утверждений и аргументов явно недостаточно. Если у вас есть под рукой старое издание Шекспира, вы можете увидеть, что каждой пьесе предшествует абзац под названием «аргумент». Это не более чем пересказ всей истории — квинтэссенция сюжета. Именно в ней и состоит суть пьесы.

3. Вы должны не просто выделить суть книги в сокращенной форме, но и понять, каким образом из разрозненных сюжетов возникает целый текст. Части

научной книги связаны с составляющими проблемы — фрагментами решений, которые объединяются для решения целого. Но части художественной литературы — это разнообразные шаги, которые предпринимает автор для развития сюжета — детализация характеров персонажей и событий. В каждом случае эти части организованы по-своему. В науке и философии они должны быть логически упорядочены. В романе должны четко укладываться во временную схему — от начала и до конца повествования. Вы легко поймете структуру романа или пьесы, зная, с чего она начинается, чем продолжается и заканчивается. При этом вы должны увидеть различные критические точки, которые ведут к кульминации, а также понять, где и как происходит эта кульминация и какова будет развязка.

Из пунктов, которые я перечислил, вытекает ряд следствий. С одной стороны, части целого научной книги с большей вероятностью можно читать отдельно, в отличие от частей художественного произведения. Первую из тринадцати книг Евклида, хоть она и является частью целого труда, можно читать без привязки к остальным трудам этого автора. Как правило, это касается любой четко структурированной научной книги. Ее разделы или главы, изучаемые отдельно или группами, сами по себе имеют смысл. Но главы романа или действия пьесы практически полностью теряют смысл, если их вырвать из контекста.

С другой стороны, автору нехудожественной литературы незачем держать вас в напряжении. В предисловии или первых абзацах он может подробно объяснить, что и как собирается делать. От этой, казалось бы, преждевременной информации ваш интерес не угаснет; напротив, вы будете за нее благодарны

автору. Но в художественном произведении необходимо поддерживать и нагнетать напряжение. В неизвестности кроется суть процесса. Даже когда вы знаете сюжет заранее, например из «аргумента» в пьесах Шекспира, все, что создает напряжение, должно быть до определенного времени скрыто. Не стоит предугадывать точное развитие событий, ведущих к развязке. Несмотря на то что оригинальных сюжетов крайне мало, хороший писатель с помощью своего таланта умело достигает новизны и создает напряжение именно тогда, когда искусно скрывает повороты сюжета.

Во-вторых, давайте представим, каковы именно правила интерпретирующего чтения художественной литературы. На данном этапе, исходя из полученных знаний о различиях в художественном и логическом употреблении языка, мы должны преобразовать правила, предписывающие искать термины, утверждения и аргументы. Мы понимаем, что так поступать не нужно. Но на что же тогда опираться при анализе художественного произведения?

1. Единицы художественной литературы — это эпизоды и события, персонажи и их мысли, слова и чувства, сомнения и поступки. Каждая из них — это элементарная частица мира, созданного автором. Оперировав всеми элементами, писатель рассказывает свою историю. И эти элементы становятся аналогами терминов в логическом изложении. С автором научной книги вам требуется найти общий язык, а здесь — познакомиться с особенностями фабулы и героев. Вы не поймете произведение, пока не познакомитесь с его персонажами и не проживете его события.

2. Термины связывают друг с другом определенные утверждения. Структурные единицы художественного произведения объединяет общее место действия или фон. Автор, как мы уже видели, создает мир, в котором персонажи «живут, двигаются и действуют». Мы с вами хорошо помним правило, которое предписывает находить утверждения автора. Его аналог применительно к художественной литературе можно сформулировать так: почувствуйте себя как дома в этом воображаемом мире; познакомьтесь с ним так, словно вы лично наблюдаете все события; станьте одним из жителей этого мира, подружитесь с его героями, примите участие в событиях, сопереживайте персонажам, разделяйте их чувства. Если вам это удастся, все единицы произведения перестанут быть изолированными пешками, механически передвигающимися по шахматной доске. Вы обнаружите связи и мотивы, которые вдыхают в них жизнь.

3. Если в научной книге и присутствует динамика, то преимущественно в форме развития аргумента, логического перехода от фактов и обоснований к выводам. При чтении таких книг необходимо следовать за эволюцией аргумента. Обнаружив термины и утверждения, необходимо проанализировать аргументацию. Аналогичный завершающий этап присутствует и в интерпретирующем виде чтения художественной литературы. Вы уже познакомились с персонажами, вошли в тот воображаемый мир, в котором они живут, приняли законы их общества, дышали их воздухом, пробовали их еду, ездили по их дорогам. Теперь вы должны последовать за ними в их приключениях. Место действия или окружение, как и в случае с утверждениями, — это некоторая устойчивая взаимосвязь элементов художественной литературы.

Эволюция сюжета, по аналогии с аргументацией, — это динамическая связь. Аристотель говорил, что в сюжете заключена душа повествования. Это его жизнь. Чтобы качественно прочесть историю, необходимо держать руку на пульсе повествования, чувствовать его каждое биение.

Перед завершением поиска эквивалентных правил интерпретирующего чтения я должен предостеречь вас от чрезмерного анализа их подобия. Аналогия такого рода напоминает метафору, которая теряет свой смысл из-за слишком пристального внимания. Я использовал ее лишь для того, чтобы дать вам общее представление об аналитическом способе чтения художественной литературы. Три шага, предложенные мной, намечают путь к постепенному пониманию художественного замысла писателя. Они должны подарить вам истинное удовольствие от романа или пьесы, сделав его максимально насыщенным, открыв источник наслаждения. Вы будете знать не только, что именно вам нравится, но и почему так происходит.

Еще одно предостережение: вышеизложенные правила касаются преимущественно романов и пьес. Поскольку в лирических стихотворениях также существует повествовательная линия, отчасти данные правила относятся и к ним. Но суть поэзии вовсе не в этом. Здесь требуются особые правила. Интерпретирующее чтение лирической поэзии — это очень деликатная проблема, для рассмотрения которой мне не хватает времени и компетенции. В седьмой главе я уже упоминал несколько книг, которые могут быть полезны в подобном случае. Могу добавить к этому списку следующие произведения: предисловие Вордсворта к первому изданию своих «Лирических

баллад», «Критические эссе» Мэтью Арнольда, эссе Эдгара Аллана По «Принципы поэзии» и «Философия композиции», работу Томаса Элиота «Назначение поэзии», «Форму в современной поэзии» Герберта Рида и предисловие Марка Ван Дорена к «Антологии английской и американской поэзии».

Наверное, следует упомянуть еще несколько книг, которые помогут вам в развитии навыка аналитического чтения романов. Среди них: «Искусство прозы» Перси Лаббока, «Аспекты романа» Эдварда Форстера, «Структура романа» Эдвина Мьюра и собрание предисловий Генри Джеймса под общим названием «Искусство прозы». Что касается драматургии, здесь ничто не сравнится с анализом трагедии и комедии в «Поэтике» Аристотеля. Если необходимо дополнить его современным взглядом на театральное искусство, можно обратиться к таким книгам, как «Эссе о комедии» Джорджа Мередита и «Квинтэссенция ибсенизма» Бернарда Шоу.

И наконец, *в-третьих*, попробуем ответить на вопрос, каковы правила критического чтения художественной литературы? Возможно, вы помните, как, рассматривая нехудожественные тексты, мы разграничили общие принципы критики и ряд частных случаев — особых критических замечаний. Что касается общих положений, то здесь аналогию провести достаточно просто. При чтении нехудожественной литературы не следует критиковать книгу, высказывая согласие или несогласие, до тех пор пока вы не сможете сказать, что поняли ее. При чтении художественного текста придерживайтесь следующего правила: не

критикуйте книгу, пока в полной мере не прочувствуете то переживание, которое стремился передать автор.

Чтобы пояснить значение этого принципа, напомним очевидный факт: мы не высказываем согласие или несогласие с художественным произведением — оно может нравиться нам или же вызывать обратные чувства. Наше критическое суждение о научных книгах связано с их правдивостью, тогда как беллетристику мы критикуем с точки зрения красоты. Красота любого произведения искусства связана с наслаждением, которое мы испытываем в процессе его познания.

Существует важное различие между логической и эстетической критикой. Соглашаясь с научной книгой, книгой по философии или истории, мы делаем это потому, что считаем правдой все написанное в ней. Но когда нам нравится стихотворение, роман или пьеса, следует хотя бы на миг задуматься, прежде чем называть произведение красивым или талантливым. Нужно помнить, что в вопросах вкуса люди имеют массу разногласий. Кроме того, всегда найдутся люди с еще более развитым вкусом, чем у нас. Вполне вероятно, что если человеку с хорошим вкусом понравилось произведение, то оно и в самом деле прекрасно. В свою очередь, маловероятно, что мнения людей с неразвитым вкусом действительно отражают удачу и неудачу автора. Словом, мы должны четко различать демонстрацию вкуса, которая выражает субъективную оценку, и критическое суждение, которое касается объективных заслуг произведения.

Позвольте переформулировать данные правила следующим образом. Прежде чем выносить приговор какой-либо книге, вы должны убедиться, что честно

попытались почувствовать произведение. Я имею в виду переживание, которое стремился создать автор, воздействуя на ваши эмоции и воображение. Невозможно *почувствовать* роман, читая его пассивно, как невозможно *понять* с помощью такого метода философскую книгу. И для чувствования, и для понимания необходимо активное чтение, включающие в себя все этапы структурного и аналитического чтения, которые я вкратце описал выше.

По завершении освоения всех видов чтения вы будете достаточно компетентны, чтобы оценивать книгу. Первое суждение, как правило, связано со вкусом. Теперь вы уже не станете ограничиваться простым заявлением о том, нравится вам книга или нет, но сможете аргументированно объяснить, почему это так. Причины, безусловно, имеют некоторое отношение к самой книге, но в первом высказывании они скорее будут связаны с вами — вашими предпочтениями и предрассудками, — чем с книгой. Следовательно, чтобы завершить попытку критики, вы должны дать объективную оценку, аргументировав ее. Необходимо будет объяснить, что и почему вам понравилось или не понравилось в данной книге, что именно в ней хорошо или плохо.

Здесь есть существенное различие. Нельзя слепо соглашаться или спорить с предпочтениями человека. Каждый из нас имеет право демонстрировать свой вкус. Но вполне допустимо не соглашаться с той или иной оценкой книги. Хороша она или плоха — это субъективный вопрос. О вкусах не спорят, но критические оценки можно опровергать и отстаивать. Если мы хотим обосновать свои суждения, то должны

апеллировать к принципам эстетической и литературной критики.

Если бы принципы литературной критики были четко установлены и в целом согласованы, я бы с легкостью перечислил основные виды критических замечаний о художественном произведении. К сожалению — или к счастью, — ничего подобного не существует, а потому, надеюсь, вы разделите мою осторожность и нежелание рубить с плеча. Тем не менее я рискну предложить пять вопросов, которые помогут любому читателю составить критическое мнение о художественной литературе.

1. Насколько это произведение целостно?
2. Насколько сложна структура частей и элементов, составляющих целое?
3. Правдоподобна ли эта история, то есть обладает ли она художественной реалистичностью?
4. Поднимает ли вас эта книга от привычного состояния поверхностного созерцания мира к ощущению ясного бодрствования, вызывая эмоции и пробуждая воображение?
5. Создается ли в книге новый мир, который вас притягивает и в котором, как вам кажется, вы видите жизнь во всей ее полноте?

В своих пояснениях к этим вопросам ограничусь коротким комментарием. Чем больше ответов «да», тем выше вероятность, что книга является великим произведением искусства. Думаю, что такие вопросы

помогут вам научиться отличить хорошую литературу от плохой, а также более содержательно формулировать, что вам нравится или не нравится в конкретной книге. Конечно, не стоит забывать о возможных расхождениях между признанным эталоном вкуса и вашими личными предпочтениями. Но, по крайней мере, вы сможете избежать употребления расплывчатой фразы «я не разбираюсь в искусстве, но знаю, что мне нравится».

Чем лучше вы сможете осознать причины собственного удовольствия от чтения литературы, тем ближе подойдете к пониманию художественной ценности литературного произведения. Постепенно вы научитесь критиковать любой текст на высоком уровне. Если вы не являетесь профессиональным литературным критиком, который вынужден высказывать одно и то же мнение в разной форме для разных книг и, опасаясь конкуренции, избегать очевидных замечаний, то обнаружите, что множество людей имеют схожие вкусы и разделяют ваши критические суждения. Возможно, вы даже поймете, что хороший литературный вкус способен воспитать в себе любой, кто научился читать.

- 4 -

Пройдя столь длинный путь, обобщив принципы искусства чтения, преобразовав правила в аналоги для художественной литературы, я должен сделать последний шаг и завершить свою работу. Теперь у вас есть правила чтения *любой* книги. А как насчет правил чтения *любого печатного текста*? Газет, журналов, рекламных листовок, политической агитации? Можно ли здесь сформулировать универсальные общие правила?

Думаю, да. Чем более общими становятся те или иные правила, тем меньше их количество и тем менее специфично их содержание. Вместо трех групп, каждая из которых состоит из трех-четырех правил, общие принципы *чтения чего угодно* можно свести к четырем основным вопросам. Чтобы хорошо прочесть любой текст, вы должны уметь на них ответить. С учетом всего вышесказанного, эти вопросы не требуют подробных пояснений. Вам уже известно, какие шаги следует предпринять, чтобы дать правильные ответы.

Но сначала позвольте напомнить вам о ключевом различии между чтением ради получения информации и чтением ради понимания, которое лежит в основе всего, что я написал по этой теме. Чаще всего мы читаем газеты, журналы, рекламные листовки с целью получения информации. Подобного материала очень много. Так много, что в наши дни времени хватает лишь на малую долю наиболее доступных источников информации. Необходимость вынуждает нас проявлять изобретательность в выборе литературы подобного рода. Так называемые новостные журналы, например Time и Newsweek, оказывают нам ценнейшие услуги, занимаясь мониторингом всех новостей и выделяя из них ключевую информацию. Журналисты, пишущие для этих журналов, в первую очередь сами являются читателями. Они развили в себе навык чтения ради получения информации до уровня, значительно превышающего уровень среднего читателя.

То же самое касается и издания Readers Digest, которое обладает настоящим талантом сокращать почти весь заслуживающий внимания материал, публикуемый в современных журналах, до объема компактной брошюры. Конечно, лучшие статьи, как и лучшие книги,

невозможно сократить без потерь. Если бы эссе Монтеня или Лэма печатались в современных журналах, вряд ли мы удовлетворились бы их кратким изложением. Подобный пересказ полезен только в том случае, если он побуждает нас прочесть оригинал. Однако сжатое изложение обычной статьи нередко бывает лучше, чем сам оригинал, поскольку большинство таких материалов в основном содержат информацию. Мастерство, помогающее команде Readers Digest каждый месяц составлять свой журнал, — это прежде всего мастерство чтения и лишь во вторую очередь — умение писать просто и ясно. Составители делают за нас работу, для которой у многих не хватает навыка, а не только времени. Они выделяют наиболее существенную информацию из огромного количества менее важных материалов.

И все же нам постоянно приходится читать периодические издания, которые содержат великолепные дайджесты актуальных новостей и информации. Если мы хотим быть в курсе событий, то избежать такого рода чтения невозможно, пусть даже это самый лучший краткий пересказ. А чтение дайджеста — это, в конце концов, та же работа, которую выполняют составители журналов, публикующих оригинальные материалы в более компактной форме. Они экономят наши силы, но не должны и не могут полностью избавить нас от необходимости читать. В некотором смысле мы можем воспользоваться плодами их трудов только тогда, когда научимся читать информационные дайджесты так же хорошо, как их составители читают все базовые материалы.

Четыре вопроса, которые я сейчас сформулирую в качестве ориентиров для чтения *чего угодно*, в равной

степени относятся к материалам, которые мы читаем как ради получения информации, так и ради понимания. Чтобы успешно применять на практике все эти вопросы в совокупности, вы должны знать, с какой целью читаете. Если вы подойдете к вопросу разумно, то цель будет идеально соотноситься с природой материала для чтения. Итак, ниже я привожу четыре вопроса с краткими комментариями.

I. О чем сообщает данный материал в целом? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выполнить все шаги структурного чтения, согласно ранее изложенным правилам.

II. Как именно это сообщается? Невозможно полностью понять текст, если вы не проникли в суть мыслей автора, преодолев несовершенство языка. Для этого необходимо внимательно наблюдать за тем, как используется язык и как упорядочены мысли автора, то есть следовать всем правилам интерпретирующего чтения.

III. Правда ли это? Только осознав, что именно и каким способом сообщается в данной книге, можно решить, правда это или нет. Данный вопрос требует от вас критической оценки. Вы должны принять или отвергнуть информацию, которую вам предлагают. Вы должны быть особенно внимательны к агитационным искажениям при подаче новостей. В процессе чтения ради понимания вам необходимо решить, согласны ли вы с тем, что поняли. В этом случае нужно следовать правилам третьего, критического прочтения.

IV. Что из этого следует? Если прочитанный вами текст является в чем-то ошибочным, нет нужды идти

дальше. Но если информация достоверна, необходимо задать этот вопрос. Нельзя читать ради получения информации, не определив ее значимость по отношению к приведенным фактам. Факты редко преподносятся без некоторой интерпретации, явной или скрытой. Особенно это касается чтения информационных дайджестов, где такие факты отобраны по значимости, то есть с точки зрения интерпретации. А если вы читаете ради понимания, то нет конца поиску, который на каждом этапе возобновляется вопросом «И что дальше?».

Эти четыре вопроса передают суть обязанностей читателя. Более того, первые три из них объясняют, почему существует три способа чтения текстов любого рода. Три группы правил соответствуют самой природе человеческой речи. Если бы коммуникация не представляла собой столь сложный процесс, в структурном анализе вообще не было бы необходимости. Если бы язык был идеальным механизмом, а не таким относительно непрозрачным средством общения, интерпретация стала бы лишним процессом. Если бы ошибки и некомпетентность не ограничивали правду и знания, нам не пришлось бы критически анализировать тексты.

Четвертый вопрос касается различия между информацией и пониманием.

Если прочитанный вами материал является в первую очередь информацией, следует идти дальше и достигать понимания. Невзирая на то что уже многое понято, нужно продолжать поиск новых значений.

Конечно, недостаточно просто выучить эти вопросы. Вы должны помнить о них в процессе чтения, а главное

— уметь давать точные и ясные ответы. Именно эта способность, по сути, и составляет искусство чтения.

- 5 -

Умение читать все что угодно может быть целью, но подобная цель — не лучшая отправная точка для серьезной практики. Нельзя нарабатывать навык с чтения любого материала, ведь одни виды текстов позволяют развивать его намного легче, чем другие. Например, слишком просто получить что-то из газет, журналов и дайджестов, даже если читать их пассивно и невнимательно. Более того, все плохие привычки поверхностного чтения напрямую связаны с этими хорошо знакомыми нам материалами. Поэтому в данной книге я все время настаивал, чтобы вы читали ради понимания, а не ради получения информации. Такое чтение сложнее, непривычнее, но дает лучшую возможность для развития мастерства.

По той же причине желающим научиться читать следует выбирать хорошие, а лучше великие книги. Дело не в том, что трудности, которые могут возникнуть на этом пути, — это наказание за грех поверхностного чтения. Скорее наоборот: книги, которые можно понять только в процессе активного чтения, — это идеальное средство для реабилитации пострадавших от пассивного чтения. Я не считаю, что такая терапия сродни радикальным средствам, с помощью которых можно или выжить, или неминуемо угаснуть. Дело в том, что в нашем случае пациент может сам регулировать дозу, увеличивая число упражнений на ранних стадиях. «Лекарство» начнет действовать, что называется, с

первого приема. И чем сильнее будет это действие, тем больше сможет получить читатель.

Итак, начинать лучше всего с великих книг. Они настолько хорошо подходят для этой цели, словно были специально созданы для людей, жаждущих научиться читать. Такие книги напрямую связаны с проблемой обучения чтению почти так же, как вода связана с обучением плаванию. Есть лишь одно важное различие. Для плавания вода необходима. Но научившись читать благодаря великим книгам, вы сможете перенести свои способности просто на хорошие книги, а затем вообще на любые книги и тексты. Человеку, который не тонет на большой глубине, не о чем беспокоиться, находясь на отмели.

Глава шестнадцатая. Великие книги

Как я уже упоминал в предисловии, мне пришлось отредактировать эту главу в соответствии с новым [Приложением 1](#) к немного переработанному изданию моей книги. И все же я не менял радикально ее смысл и содержание. Позвольте объяснить почему.

В этой главе я изначально планировал рассказать о рекомендуемых великих книгах, перечисленных в [Приложении 1](#). В ней я рассматривал характер великих книг в целом и излагал критерии, по которым можно распознать любую великую книгу. Далее на конкретных примерах я показывал, как эти книги участвуют в «великой беседе», вплетаясь в нить наших мыслей. Все это содержится и в переработанной главе, но теперь примеры соответствуют книгам и авторам, перечисленным в новом [Приложении 1](#).

С тех пор как я написал оригинальную главу, в понимании проблемы чтения и во взглядах на великие книги произошли значительные изменения. Я выделил их в предисловии к данному изданию. В большой степени эти изменения связаны с публикацией и распространением «Великих книг Западного мира» и «Преддверия великих книг»^[48]. Существование таких списков, а особенно «Синтопикона»^[49], дважды коренным образом изменяло контекст этой главы.

Первый том «Великих книг Западного мира» содержит эссе Роберта Хатчинса под названием «Великая беседа», где более подробно, убедительно и красноречиво излагается все, что я говорил о сути великих книг в первой редакции своей шестнадцатой главы, и описывается взаимосвязь этих книг так хорошо, как мне и не снилось. Следовательно, мне вовсе не нужно было переделывать эту главу. Эссе, которое я хотел из нее сделать, написал Роберт Хатчинс. Существование «Синтопикона» — еще одна важная причина того, почему изменения в этой главе были весьма поверхностными. «Синтопикон» постоянно ссылается на великие книги в связи с разными мыслями, темами и подтемами, позволяя читать эти тексты совершенно новым способом. В предисловии к «Синтопикону» я описал этот новый способ чтения, назвав его синтопическим. Его суть состоит во

⁴⁸ Литературные серии, изданные в 1952 г. и 1963 г. «Британской энциклопедией». Идеологом, редактором и составителем обеих серий стал Мортимер Адлер, автор данной книги.

⁴⁹ Двухтомный указатель «великих революционных идей», наиболее сильно повлиявших на ход мировой истории. Издатель — «Британская энциклопедия». Составитель и редактор — Мортимер Адлер, автор данной книги.

«вчитывании» в целый ряд великих книг вместо «беглого пролистывания» одного произведения. Здесь я считаю целесообразным повторить эту же мысль, но в более сжатом виде.

И наконец, перечитывая эту главу год за годом, я обнаружил, что дискуссия о том, как читать великие книги без «Синтопикона», наводит на мысли о самом «Синтопиконе». Двадцать пять лет назад я не мог даже мечтать о таком способе чтения, который стал реальностью благодаря «Синтопикону». (Я очень хотел опубликовать подобный указатель, но даже не надеялся, что мечта когда-нибудь воплотится.) Теперь, оглядываясь назад, я еще яснее вижу, насколько это полезное и мощное средство. Чтение великих книг без его помощи — это интеллектуальный опыт, с которым едва ли что-то сравнится в мире мышления. Но чтение с «Синтопиконом» еще больше оправдывает себя. Надеюсь, читатель убедится в этом сам, прочтя данную главу, и простит меня за то, что я сохранил ее в книге, невзирая на очевидный анахронизм содержания, — ради развития самого читателя.

- 1 -

Книги не перестанут издавать никогда. И потому вряд ли когда-нибудь перестанут появляться списки книг. Первое влечет за собой второе. Книг всегда было больше, чем мог прочесть один человек. А поскольку их количество растет век за веком, приходится составлять все больше и больше списков.

Безусловно, важно знать, *что* читать, но не менее важно понимать, *как* это делать. Надеюсь, что,

научившись читать, вы проводите в общении с книгами много времени. Однако в лучшем случае за всю жизнь вы сможете прочесть лишь небольшую часть всех написанных книг. А потому желательно, чтобы это была хорошая литература. Здесь нам повезло — великих книг даже слишком много. Так, издание «Великие книги Западного мира» включает в себя пятьдесят четыре тома, где перечислены одна тысяча сорок пять произведений семидесяти четырех авторов.

Традиция составлять списки лучших книг существует так же давно, как чтение и письмо. Это делали еще учителя и библиотекари древней Александрии. Их списки становились основой образовательной программы. В Риме этим занимался Квинтилиан^[50], выбирая, по его словам, лучшее из *древней* и *современной* классики. В Средние века списки литературы для обучения составляли и обновляли все — мусульмане, иудеи и христиане. В эпоху Возрождения Монтень и Эразм Роттердамский, стремясь вдохнуть жизнь в систему образования, создавали списки книг, которые читали сами. Оба гуманиста предлагали рассматривать себя в качестве эталона благородного и начитанного человека. Образование в ту эпоху строилось на основе гуманитарных наук. Ученикам рекомендовалось читать великие труды древних римлян — поэзию, биографические и исторические документы, а также различные эссе о проблемах нравственности.

⁵⁰ Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 — ок. 96), преподаватель красноречия в Древнем Риме, реформатор литературного стиля, исследователь проблем языка, автор «Наставлений оратору» — самого полного известного нам античного учебника ораторского искусства.

В девятнадцатом веке продолжали появляться новые списки литературы. Если вы хотите знать, на каких книгах воспитывались либералы того времени, загляните в «Автобиографию» Джона Стюарта Милля. Быть может, самый знаменитый список XIX века составил французский мыслитель Огюст Конт, которому удалось кратко отобразить культ науки и прогресса, существовавший в девятнадцатом столетии.

Конечно, следует ожидать, что подборки «лучших книг» со временем будут меняться. Тем не менее у списков разных эпох неожиданно обнаруживается одна общая черта. Во все века — до нашей эры и в новые времена — составители списков включали в них древние и современные произведения и при этом всегда задавались вопросом, «дотягивают» ли литературные новинки до уровня великих книг прошлого. Изменения, происходившие на каждом отрезке времени, в основном были дополнениями, а не заменами. Разумеется, список великих книг и сегодня продолжает постоянно увеличиваться, но его очертания остаются незыблемыми.

Причина в том, что все знаменитые списки являются разносторонними. Их авторы стремятся включить туда все великие творения человечества. Неудачны те подборки, авторы которых предвзяты и ангажированы. Такие списки появляются во все времена и содержат исключительно названия книг, подтверждающих какую-то определенную тенденцию. Но европейскую традицию невозможно представить однобоко. В ней есть многое, что непременно покажется ложью или заблуждением, — смотря с какой позиции судить об этом. Любой поиск истины сопровождается серьезными ошибками. Адекватный список великих книг должен содержать перечень всех произведений, оказавших

влияние на ход истории, а не только тех, с которыми согласен его автор.

Еще шестьдесят-семьдесят лет назад программа колледжа строилась с учетом существования обязательного списка литературы. Под влиянием тенденции самостоятельного выбора предметов и прочих изменений в системе образования требования в нашей стране все более смягчались до тех пор, пока степень бакалавра не перестала быть признаком начитанного человека. Великие книги по-прежнему входили в состав тех или иных курсов, но редко рассматривались во взаимосвязи друг с другом. Часто они всего лишь формально дополняли наиболее популярные учебники, занимавшие ведущие места в программах.

Ситуация была совсем катастрофической, когда я поступил в колледж в начале двадцатых годов. Как я уже говорил, мне крупно повезло — я застал подъем образования. Джон Эрскин убедил руководство Колумбийского университета учредить курс Honors, посвященный чтению великих книг. Список, который он столь мастерски составил, содержал названия шестидесяти с лишним книг, имевших отношение ко всем областям учебной и художественной литературы. По сравнению с современными аналогами этот список явно находился на «вершине пьедестала». Кроме того, Джон Эрскин стремился включить в него все по-настоящему великие книги, а не произведения определенного периода или определенной тематики.

С момента своего появления список Эрскина подвергся многочисленным изменениям и переработкам. Мы с мистером Хатчинсом использовали его с некоторыми поправками во время своей работы в

Университете Чикаго. Четырехлетняя программа по обучению чтению в колледже Сент-Джон базировалась на том же списке, куда были добавлены книги по математике и естественным наукам. Аналогичный список с некоторыми сокращениями и сегодня используется в ряде колледжей, в обязательных курсах. А список «Великих книг Западного мира» и «Преддверия великих книг» довольно точно отображает то, что любой назвал бы перечнем великих произведений западной культуры.

В связи с этим я вспоминаю случай, который помог мне разобраться в принципах отбора литературы для списков великих книг. Я работал секретарем на факультете Колумбийского университета, где читали тот самый курс Honors в те годы, когда пересматривался изначальный список великих книг. Многие преподаватели факультета выражали свое недовольство. Они хотели исключить из этого списка одних авторов и добавить других. Чтобы окончательно решить вопрос, мы составили основной список, состоявший из трехсот книг. Он было гораздо длиннее предполагаемого, но зато включал все предложенные варианты.

Затем мы перешли к голосованию, постепенно исключая книги авторов, не поддерживаемые большинством. Повторив эту процедуру множество раз, мы получили список, который устраивал всех. Он содержал восемьдесят позиций — всего на пятнадцать больше, чем у Эрскина — и включал в себя почти все произведения, входившие в изначальный список. За два года переработки этого списка я понял, насколько единодушными бывают люди в оценке великих книг. Мне стало очевидно, что идеальным будет список, состоящий не более чем из сотни имен авторов. Только он сможет получить всеобщую поддержку. Работа над составлением

списка «Великих книг Западного мира» полностью подтвердила справедливость моего мнения.

Строго говоря, каталоги обычно не читают, а используют как справочники. Поэтому я привожу содержание списка «Великих книг» и «Преддверия» в [Приложении 1](#) к этой книге, а в данной главе собираюсь «оживить» свой список коротким рассказом о самих произведениях.

Я постараюсь четко классифицировать все великие книги, разделив их на небольшие группы, в каждой из которых идет беседа на определенную, возможно, интересную вам тему. В некоторых случаях «разговоры» пересекаются, как и рассматриваемые проблемы. Иногда разговор об одной проблеме приводит к рассмотрению другой. Таким образом, книги предстают перед читателем не уложенными в аккуратные ряды могильными камнями, а, как и следует, живыми участниками живой истории. Я, конечно же, не перечислю в этой главе все книги, но покажу их взаимодействие в достаточной степени, чтобы вы в дальнейшем могли представить его полностью. Если в результате всех моих усилий вы захотите присоединиться к разговору великих авторов, прочтя некоторые из этих книг, остальное получится само собой.

- 2 -

В начале нашей беседы необходимо более конкретно рассказать о самом понятии «великая книга». Я постоянно повторял это словосочетание в надежде, что объяснений, данных мною в четвертой главе, будет достаточно. Моя мысль была проста и сводилась к

четкому правилу — великие книги содержат *оригинальные сообщения*. В восьмой главе я предположил, что аналогичное противопоставление касается и художественных произведений. Следовательно, великими научными книгами мы называем те произведения, которые больше других могут расширить границы нашего понимания, а великая художественная литература способствует духовному росту и развитию гуманистических идей.

В предыдущих главах я так или иначе упоминал о различных качествах и свойствах великих книг. Но теперь хочу свести воедино все признаки, по которым можно идентифицировать эти книги, — для чего необходимо некоторые из них повторить, а некоторые — добавить. Эти признаки всегда используются при составлении списков литературы.

1. Я не раз в шутку говорил, что великими называют те книги, которые все считают своим долгом прочесть, но всё же не читают, или те, которые все хотят прочесть, но то и дело откладывают. Для некоторых наших современников эта шутка (авторство которой, кстати, принадлежит Марку Твену) может быть верной, но в целом высказывание скорее ошибочно. На самом деле великие книги — едва ли не самые читаемые в мире. Это отнюдь не бестселлеры-однодневки, а вечные бестселлеры.

Аудитория книг о Джеймсе Бонде значительно более узка по сравнению с аудиторией «Дон Кихота» или пьес Шекспира. По вполне реалистичным оценкам, сделанным не так давно одним из писателей, за последние три тысячи лет «Илиаду» Гомера прочли около двадцати пяти миллионов человек. Представьте, на сколько языков

переводились все великие книги и сколько лет их уже читают, — и вы поймете, что количество читателей подобных текстов без преувеличения измеряется миллионами.

Безусловно, это не значит, что любая книга, завоевавшая огромную аудиторию, считается классикой уже только благодаря одному этому факту. Мою мысль наглядно иллюстрируют такие примеры из художественной литературы, как «Три недели» Коко Шанель, «Камо грядеши» Генрика Сенкевича и «Бен-Гур» Лью Уолласа. Далеко не всегда великая книга производит фурор сразу после своего выхода в свет. Иногда требуется время, чтобы собрать круг своих читателей. Рассказывают, что астроном Кеплер, чей труд о законах движения планет сегодня считается классическим, говорил, что его книга «может сотню лет ждать своего читателя, ждал же сам Бог шесть тысяч лет».

2. Великие книги доступны и понятны. Они не предстают перед читателями в роли педантов. Они не создаются «узкими» специалистами. Будь это философия или наука, история или поэзия, она в первую очередь касается человеческих, а не формально-теоретических проблем. Все эти книги написаны для людей, а не для профессоров. Когда я говорю об их доступности, то не имею в виду, что книги изначально адресованы широкой аудитории. Они обращаются к новичкам. Как я уже говорил, это связано с их оригинальным сообщением. Для большинства читателей оно становится абсолютно новым.

Штудировать учебник для читателей продвинутого уровня может только тот, кто уже освоил пособие для

начинающих. Но все великие книги предназначены для новичков. В них рассматриваются начала любых наук и предметов. Конечно, они не связаны между собой, как серия учебников, отсортированных по сложности или определенным техническим особенностям. Именно это я имел в виду, когда говорил, что великие книги предназначены для начинающих, даже если они берут старт в разных точках истории человеческой мысли. Здесь я должен упомянуть об одном эффективном способе предварительного чтения, который помогает правильно изучать великую книгу. Я говорю в данном случае о чтении других великих книг, которые изучал сам автор. Раньше я уже предлагал такой способ, настаивая, что даже математические и научные книги можно читать без специального образования.

В качестве примера возьмем «Начала» Евклида и «Математические начала натуральной философии» Ньютона. Евклида можно читать без предварительного изучения математики. Его книга представляет собой доступно написанное введение в геометрию и основы арифметики. О Ньюtone нельзя сказать то же самое, поскольку он использует математику для решения задач по физике. Читатель должен обладать определенными знаниями, чтобы следовать за математическим обоснованием Ньютона и понять авторскую интерпретацию наблюдений. Ньютон тщательно изучал Евклидовы труды. Стиль математического изложения Ньютона показывает, насколько глубокое влияние оказали взгляды Евклида на его коэффициенты и пропорции. Следовательно, книга Ньютона не сразу будет понятна даже компетентным ученым, если они не читали Евклида. Но опираясь на труд Евклида, из чтения Ньютона или Галилея вполне можно извлечь пользу.

Я не говорю, что чтение этих великих научных трудов не требует никаких усилий. Моя мысль состоит в том, что эти усилия будут гораздо более плодотворными, если читать все великие книги в хронологическом порядке. Евклид помогает понять Ньютона и Галилея, а они, в свою очередь, облегчают чтение Фарадея и Эйнштейна. Это касается любых научных, математических и философских книг. Нередко авторы сами говорят, что нужно прочесть перед тем, как переходить к их книгам: Дьюи настаивает, чтобы вы прочли Милля и Юма; Уайтхед рекомендует изучить труды Декарта и Платона.

3. Великие книги всегда современны. Книги, которые мы называем современными из-за того, что они популярны в данный момент, обычно находятся в центре внимания год или два, максимум десять лет. Вскоре они устаревают и исчезают из нашего поля зрения. Вряд ли вы вспомните названия бестселлеров пятидесятых годов. Даже если вам напомнят о них, скорее всего, вы уже не захотите читать эти книги. А вот в сфере нехудожественной литературы особенно ценны «современные» произведения. Но великие книги никогда не устаревают в результате развития мысли или столкновения догм и мнений. «Капитал» Маркса и «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита идеально дополняют друг друга. То же самое можно сказать и в отношении таких разных трудов, как «Введение в экспериментальную медицину»^[51] и медицинские сочинения Гиппократов или Галена. Эту мысль более ясно выразил Шопенгауэр. «Глядя на

⁵¹ Имеется в виду книга известного французского физиолога XIX в. Клода Бернара.

огромный каталог новых книг, — сказал он, — можно заплакать при мысли, что через десять лет ни одну из них уже не вспомнят». Дальнейшее его объяснение также заслуживает внимания:

«Во все времена бок о бок существуют два вида литературы, мало знакомые между собой; одна реальная, а другая лишь кажущаяся. Первая вырастает в вечную литературу; она интересует тех, кто живет *ради* науки или поэзии; ее путь сдержан и тих, но крайне нетороплив.

Таких книг в Европе появляется едва ли дюжина в сто лет; однако именно они становятся вечными. Другие книги пишут те, кто живет *за счет* литературы и поэзии. Они врываются в нашу жизнь галопом, с шумом и возгласами приверженцев. Каждый год они плодятся тысячами. Но проходит несколько лет, и что же? Где они? Где та слава, что пришла так быстро и шумно? Такой тип книг можно назвать мимолетным, а другой — вечным».

Слова «вечный» и «мимолетный» отлично подходят к рассказу о современных великих книгах и быстро устаревающих популярных однодневках.

Поскольку великие книги, о которых мы говорим, однозначно современны и требуют соответствующего подхода к их чтению, нам следует избегать слова «классика» применительно к ним. Помните, как говорил Марк Твен: «Классика — это то, что каждый хочет иметь в багаже прочитанного, но никто не хочет читать». Боюсь, для большинства людей даже это не вполне верно. Сегодня «классикой» часто называют древние и устаревшие книги. Люди ошибочно считают классику

великой литературой прошлого. «Но ведь сейчас уже другие времена», — оправдывают они свою позицию. С этой точки зрения единственным мотивом к чтению классики может быть исторический или филологический интерес. Что-то сродни раскапыванию пыльных памятников древних культур. Классика в такой интерпретации не может содействовать развитию современного человека — разве что поведает ему об особенностях существования его предков.

И все же великие книги — это не потускневшие артефакты прошлого. Не пыльные развалины, интересные лишь ученым. Не свидетельства существования погибших цивилизаций. Я настаиваю, что великие книги — *это мощнейшие средства воспитания цивилизованного человека в современном мире*. Конечно, в некоторых областях мы уже далеко шагнули вперед. Человек достиг прогресса в изобретении средств, направленных на то, чтобы сделать жизнь проще и продуктивнее. Прогресс напрямую затронул и социальную сферу, о чем свидетельствует распространение демократии, знаний и возможностей решения любых проблем.

Но всякий прогресс имеет свою конечную точку. Главные проблемы человечества одинаковы во все времена. Любой, кто читает Плутарха или Цицерона, или, если хотите, эссе Бэкона и опыты Монтеня, обнаружит, что людей всегда интересовали счастье и справедливость, добродетель и истина, постоянство и перемены. Возможно, нам удастся ускорить темп жизни, но изменить пути, которые приводят нас к целям, мы, увы, не властны.

Прогресс относительно поверхностен не только в вопросах морали и политики. Даже в теоретических дисциплинах, в науке и философии, где появляются новые знания и углубляется понимание, развитие в любую эпоху базировалось на фундаменте традиции. Цивилизация подобна луковице — она накапливает опыт постепенно, слой за слоем. Чтобы понять Эйнштейна, нужно, как говорит он сам, осмыслить идеи Галилея и Ньютона. Чтобы понять Уайтхеда, необходимо, по совету того же Эйнштейна, хорошо знать Декарта и Платона. Если современная книга хороша, потому что речь в ней идет о фундаментальных вопросах, тогда все великие книги, принимающие участие в той же дискуссии, бесспорно, современны.

4. Великие книги — самые удобочитаемые. Ранее я уже упоминал об этом. Данное высказывание имеет несколько значений. Если мастерство чтения как-то связано с мастерством сочинения, то великие книги написаны лучше всего. Если хороший читатель способен на высоком уровне освоить гуманитарные науки, то посудите сами, насколько лучше владеет ими великий писатель! Эти книги — шедевры гуманитарного знания и интеллектуального искусства. В первую очередь я имею в виду нехудожественные тексты. Величайшие творения поэзии или художественной прозы — это, бесспорно, шедевры изящных искусств. В любом случае писатель искусно использует язык во имя главной цели читателя, какова бы она ни была — обучение или наслаждение.

Поскольку великие книги лучше всего читаются, они никогда не разочаруют внимательного и вдумчивого читателя. Изучайте эти книги по всем правилам — и они, в отличие от более слабых, будут вознаграждать ваши усилия сторицей. К тому же из них можно почерпнуть

больше знаний и пользы. Вопрос не только в том, как они написаны. Не менее важно, что именно в них написано. Такие книги содержат на одной своей странице больше идей, чем все остальные обычные книги, вместе взятые. Поэтому можно снова и снова перечитывать великую книгу и все же никогда не постичь ее содержания полностью. А самые удобочитаемые книги вообще можно читать бесконечно.

Их постоянно перечитывают и по другой причине. Великие книги можно читать на разных уровнях понимания и интерпретировать множеством способов. Наиболее яркие примеры разных уровней чтения — это «Путешествия Гулливера», «Робинзон Крузо» и «Одиссея». Дети читают их в захлеб, но не видят всей красоты и глубины, которыми восхищаются взрослые.

5. Я уже неоднократно говорил, что великие книги лучше всего учат и способствуют пониманию. Данный вывод следует из того факта, что они содержат оригинальные сообщения, которых нет в других книгах. Согласны вы с их положениями или нет, эти книги — главные учителя человечества; именно они внесли основной вклад в образование и развитие мысли. Поскольку в них — частично или полностью — решаются действительно важные задачи, принципы этих книг становятся главными принципами человеческого знания. Выводы, к которым пришли их авторы, считаются величайшими достижениями в истории человеческой мысли.

Само собой разумеется, что великие книги наиболее влиятельны. В традиции образования именно их больше всего обсуждали читатели, которые одновременно были и писателями. Это книги, о которых написано множество

других книг — часто давно забытых комментариев, дайджестов и популярных пересказов.

6. И наконец, великие книги касаются вечных неразрешенных проблем, волнующих человечество. Конечно, решение вопросов такого рода — всего лишь один аспект этой литературы. В мире есть множество настоящих тайн, выходящих за пределы стандартного человеческого знания и мышления. Исследования, предпринимаемые авторами великих книг, не только начинаются с вопросов, но порой ими и заканчиваются.

Великие умы, в отличие от более поверхностных, не презирают тайны и не избегают их. Они честно признают существование неразрешенных вопросов и стремятся дать им наиболее четкое определение из всех возможных вариантов. Осознание пределов собственного знания только укрепляет человека в его мудрости. Признак глупости — не столько невежество, сколько склонность к самообману.

- 3 -

Теперь вы видите все шесть критериев, которые, следуя один за другим, опираются друг на друга. Вы понимаете, почему при таких критериях отбора эксклюзивное общество великих авторов не насчитывает и сотни человек.

Надеюсь, теперь вам совершенно ясно, почему нужно читать именно великие книги, а не литературу о них, содержащую выхолощенный пересказ. «Некоторые книги, — пишет Фрэнсис Бэкон, — можно читать в пересказе или в отрывках, отобранных кем-то. Но это касается лишь менее важных и посредственных книг».

Остальные «дистиллированные книги так же пусты, как дистиллированная вода», по его мнению. Тот же мотив, который побуждает людей идти в концертный зал или в картинную галерею, должен подталкивать их к великим книгам, а не к бледным копиям. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Плохой рассказчик легко может испортить хорошую историю.

Единственное оправдание, которое люди приводят в защиту чтения книг о книгах, не более убедительно, чем доводы в пользу прослушивания грампластинок и созерцания дешевых репродукций. Конечно, они знают, что правильнее встретиться с художником через его работу, а не через ее подобие, но не верят, что великих учителей действительно можно встретить в их произведениях. Люди считают, что это чересчур сложно и выше их понимания, а потому охотно утешаются суррогатом. Как я уже пытался показать, это в корне неправильно. Повторяю: великие книги наиболее удобны для чтения, если человек научился правильно читать. Мастерство чтения — единственное условие для того, чтобы оказаться в компании гениев.

Пожалуйста, не воспринимайте список великих книг как один из множества перечней, которые люди составляют на случай попадания на необитаемый остров. Для чтения великих книг не требуется то идиллическое уединение, которого современные люди могут достичь лишь в результате глобальной катастрофы. Если у вас есть свободное время, вы всегда можете его использовать для чтения. Но не повторяйте ошибку одного бизнесмена, который сейчас посвящает себя целиком зарабатыванию денег, думая, что чтением займется на пенсии. Досуг и работа должны

чередоваться постоянно и ежедневно, а не соответствовать разным периодам жизни.

Стремление к знаниям и поиск ответов на вечные вопросы с помощью великих книг могут скрасить монотонность любых будней, равно как и музыка или прочие изящные искусства. Но досуг должен быть в первую очередь досугом. Это должно быть время, свободное от воспитания детей, просмотра телевизора и погони за состоянием. Повсеместно упоминаемые пятнадцать минут в день — это смехотворно мало. Разве кого-то привлечет такой сеанс игры в гольф или бридж, где пятнадцати минут не хватит даже на разминку? Время, затраченное на чтение, не должно сочетаться с качанием детей на коленях или просмотром детективов.

В выборе книг для необитаемого острова есть одна особенность. Сталкиваясь с необходимостью взять ограниченное количество чего-либо, люди обычно выбирают лучшее. Мы как-то забываем, что при сегодняшнем темпе жизни наш досуг вряд ли превысит те же самые несколько лет жизни на необитаемом острове. Стоит только осознать этот факт — и мы начнем составлять свой список литературы на всю оставшуюся жизнь не менее тщательно. Никто из нас не вечен. По каждому в свое время зазвонит колокол. Мы закончим формальное обучение, выйдем во взрослую жизнь — и начнем ее проживать. Если при этом мы не составим четкий план и не будем ему следовать, то рано или поздно обнаружим, сколь мало получили от жизни, и с горечью поймем, что с таким же успехом можно было всю жизнь бездумно играть в гольф или бридж.

Список великих книг, данный мной в [Приложении 1](#), — это ориентир для тех, кто правильно понимает намеки.

Он не слишком длинен для досуга обычного человека и не слишком короток для тех, кому удастся найти больше времени. Я уверен в одном: ваше время в любом случае будет потрачено не зря. Свое читательское «меню» — обильное или диетическое — вы вправе выбирать самостоятельно, ведь каждая строка данного списка — это ценное вложение времени и энергии.

- 4 -

Я уже говорил, что собираюсь объединить все великие книги в небольшие группы в соответствии с общими проблемами и степенью вовлеченности авторов в ту или иную тематику. Перейдем к делу. Самый простой способ — начать с распространенных тем в повседневных разговорах. Газеты и телевидение не позволяют нам забыть о всемирном кризисе и роли нашей нации в нем. Мы все время говорим о войне и мире, противостоянии демократии и тоталитарных режимов, плановой экономике и гражданских правах, коммунизме и ближайших выборах. А значит, что мы неизбежно вспоминаем и о Конституции, которую обе стороны используют как дубинку для оглушения соперника. Мы обсуждаем эти темы всегда и везде — во время семейного ужина, в кафе с друзьями, в офисе с коллегами.

Возможно, кроме чтения газет и изучения телевизионных новостей мы захотим обратиться к первоисточнику — то есть к тексту самой Конституции. Если нас живо интересуют политические проблемы, мы имеем возможность получить больше сведений о них и о Конституции из текстов современных книг, касающихся

данной проблематики. Вероятно, нынешние авторы все же читали великие книги. Авторы Конституции читали эти книги совершенно точно. Нам достаточно просто следовать их примеру — и путь откроется сам собой.

Для начала обратимся к другим трудам составителей Конституции. Самые известные из них — это тексты Гамильтона, Мэдисона и Мэя, написанные в защиту ратификации Конституции и публиковавшиеся еженедельно в *Independent Journal*, а также в ряде других изданий. А для того чтобы понять уже упоминавшегося нами ранее «Федералиста», следует читать не только «Статьи Конфедерации», которые должна была заменить Конституция, но и публикации главного оппонента федералистов по многим вопросам Томаса Джефферсона.

Великие Джордж Вашингтон, Эдмунд Бёрк и Том Пэйн были активными участниками этой дискуссии. Вашингтон считал Конституцию в каком-то смысле главной надеждой человечества. Англичанин Бёрк поддерживал принципы американской революции и осуждал французскую революцию 1789 года. А труды Пэйна и сегодня прекрасно проливают свет на самые актуальные вопросы того времени и идеологию оппонентов.

Эти авторы были одновременно и читателями. Давайте обратимся к тем книгам, которые оказали на них существенное влияние. Проанализировав круг чтения этих людей, вы поймете, что они используют идеи, более подробно и широко изложенные в других книгах. Страницы «Федералиста», тексты Джефферсона, Бёрка и Пэйна отсылают нас к великим политическим мыслителям Европы восемнадцатого и конца

семнадцатого веков. Для более полного понимания их постулатов следует читать «О духе законов» Монтескье, «Два трактата о гражданском правлении» Локка и «Общественный договор» Руссо. Чтобы почувствовать дух рационализма «Эры разума», полезно заглянуть в обстоятельные труды Вольтера.

Вам может показаться, что индивидуализм и принцип свободной конкуренции Адама Смита тоже касается истории нашей революции, но вспомните, что «Исследование о природе и причинах богатства народов» впервые было опубликовано в 1776 году. Взгляды отцов-основателей на собственность, аграрную реформу и свободу торговли формировались под влиянием Джона Локка и французских экономистов, против которых выступал Адам Смит.

Основатели США читали немало книг по античной истории. Из греческих и римских трудов они черпали множество политических примеров. Читали «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида — о войне между Спартой и Афинами и их союзниками. Изучали судьбы различных греческих федераций в надежде найти там что-то ценное для своих замыслов. Основатели не только хорошо знали историю развития политической мысли — они учились мастерству и у древних ораторов. Поэтому их политическая агитация не только принесла плоды в нужное время, но и по сей день остается удивительно эффективной. За исключением Линкольна (который очень качественно прочел несколько великих книг), среднестатистический американский политический деятель более поздних лет, как правило, не слишком хорошо умеет писать и говорить.

Путь исследования ведет нас дальше. Писатели восемнадцатого века, в свою очередь, испытали на себе влияние непосредственных предшественников в эволюции политической мысли. «Левиафан» Томаса Гоббса и политические трактаты Спинозы затрагивают те же проблемы правления — формирование общества по социальному договору, правомерность монархии, олигархии и демократии, право на восстание против тирании. Локк, Спиноза и Гоббс в каком-то смысле беседуют между собой. Локк и Спиноза читали Гоббса. Помимо этого Спиноза, конечно же, хорошо знаком с «Государем» Макиавелли, а Локк постоянно ссылается на «здравомыслие Хукера» и цитирует его высказывания. Я имею в виду того самого Ричарда Хукера, который в конце шестнадцатого века стал автором книги о церковном правлении, и чью биографию написал «рыболов» Исаак Уолтон^[52].

Я упомянул Хукера — хотя его труды не попали в списки «Великих книг» и «Преддверия», — поскольку он лучше своих потомков читал античных авторов, особенно «Этику»^[53] и «Политику» Аристотеля. Безусловно, он понял их более глубоко, чем Томас Гоббс, судя по ссылкам в книге последнего. Влияние идей Хукера на мировоззрение Локка отчасти объясняет расхождение

⁵² Английский философ и литератор XVII в., родоначальник жанра биографии в британской литературе. Прославился книгой «Искусный рыболов, или Медитация для мужчин», которая по количеству переизданий занимает третье место после Библии и пьес Шекспира и по сей день пользуется огромным успехом.

⁵³ Общее название цикла сочинений об этике из корпуса произведений, приписываемых перу Аристотеля. В этот цикл входят «Никомахова этика», «Большая этика» и «Эвдемова этика».

между Локком и Гоббсом по многим политическим вопросам.

Хукер, последователем которого является Локк, не признавал теорию божественного права монархов. Мэдисон и Джефферсон были знакомы с его взглядами. Благодаря его трудам они обратили внимание и на другие книги. Хукер изучал великие средневековые тексты по политической теории, особенно сочинения Фомы Аквинского, который поддерживал идеи народного суверенитета и естественных прав человека.

Таким образом, дискуссия о современных политических проблемах расширяется, вбирая в себя всю историю европейской политической мысли. Если мы обратимся к Конституции и трудам семьдесят шестого года^[54], то неизбежно пойдем еще дальше в глубь веков, ведь каждый писатель обязательно был еще и читателем. Мы почти ничего не упустили. Если сюда добавить «Республику» и «Законы» Платона, которые читал и комментировал Аристотель, а также «Республику» и «Законы» Цицерона, высоко ценимые древнеримскими юристами, что, в свою очередь, повлияло на развитие права в средневековой Европе, то охвачены будут почти все великие политические книги.

- 5 -

Но все же это не совсем так. Вернувшись к предыдущей теме, мы обнаружим несколько важных упущений. Представьте, что среди нас оказался бывший

⁵⁴ Автор имеет в виду книгу Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», впервые опубликованную в 1776 году.

нацист и что он цитирует «Майн Кампф». Поскольку неизвестно, читал ли Гитлер великие книги, более вероятно, что на этот след нас выведут политические речи Муссолини. Мы помним, что Муссолини когда-то был социалистом. Проследив эту линию и все ее ответвления, мы неизбежно обнаружим другие книги.

Например, двигаясь по этому пути, мы выйдем на «Философию истории» и «Философию права» Гегеля, в которых обнаружим обоснование государственного абсолютизма и обожествление института государства. Также в своем поиске мы откроем сочинение Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории», где найдем теорию о сверхчеловеке, для которого не существует канонов добра и зла, и теорию о целесообразности применения силы как последнего аргумента. А за спинами Гегеля и Карлейля — при непосредственной поддержке Шопенгауэра — мы увидим величайшего из немецких мыслителей, Иммануила Канта. Любой, кто читал его «Науку о праве», может лично убедиться, что Кант не должен нести ответственность за мировоззрение некоторых из своих последователей.

Итак, за нашим столом собирается все больше интересных собеседников. В их числе вполне мог бы оказаться и какой-нибудь коммунист из числа сторонников Хрущева или Сталина — ведь у обоих была одна и та же священная книга. Скорее всего, уже в начале разговора всплыло бы имя Карла Маркса. Все вспомнили бы его великое произведение «Капитал», хотя никто его не читал, даже упомянутый нами коммунист. Но если прочесть «Капитал» или другую революционную литературу, там обнаружится нить, которая приведет нас, с одной стороны, снова к Гегелю — отправной точке коммунизма и фашизма, — а с другой — к великим

английским и французским теоретикам экономики и социологии. Например, к тому же «Исследованию о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, «Опыту о законе народонаселения» Мальтуса и «Истории цивилизации в Европе» Гизо.

Если бы в нашей беседе участвовал юрист, он бы наверняка увел дискуссию в сторону от экономики, предложив перейти к проблемам правления, особенно демократического. Тем более если он только что прочел «Общественное мнение» Уолтера Липпманна. Или же, сославшись на «Цивилизацию перед судом истории» Арнольда Тойнби, он поднял бы вопрос о роли ООН в решении кризисных ситуаций в мире. И по закону цепной реакции эти книги вызывали бы в памяти следующие.

Заинтересовавшись проблемами демократии, в частности нашего собственного демократического правления, мы перешли бы от Липпманна к «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля, а затем — к «Исследованию правления» Кэлхуна. Вопрос о возможности диктатуры в условиях правления большинства и защиты прав меньшинств, рассматриваемый в обеих книгах, привел бы нас к двум эссе Джона Стюарта Милля — «Размышления о представительном правлении» и «О свободе». Последнее, особенно талантливое эссе о свободе мысли и высказываний напрямую отсылало бы нас к «Ареопагитике» Мильтона. Кстати, эссе Милля цитируют практически ежедневно — одобрительно или не очень — даже те, кто их не читал, так как они тесно связаны с сегодняшним противостоянием либералов и консерваторов.

Обсуждая взгляды Тойнби на войну и мир, а также на роль международных организаций в предотвращении войн, прошу вас обратить внимание на то, что лиге древнегреческих городов все-таки не удалось избежать Пелопоннесской войны. Тойнби признается, как сильно на его взгляды повлияло трагическое описание этой войны. Тема войны, особенно разница между открытыми военными действиями с бомбами и атаками и холодной войной дипломатов, пропагандистов и шпионов, открывает в нашем «литературном путешествии» еще одно направление. Его можно начать с книги Клаузевица «О войне», а далее, погружаясь в глубь времен, продолжить изучением небольшого трактата Канта «К вечному миру» и очерка Руссо «О продолжительном мире в результате федерализации Европы». Это приведет нас к трудам Данте, который еще в тринадцатом веке^[55] полагал, что мир во всем мире способен обеспечить общемировое правительство. Эту идею он с безупречной логичностью изложил в первой книге своей «Монархии».

Дискуссия о демократии и правлении с одной стороны и международных делах, войне и мире — с другой приведет нас к необходимости искать ответы на неудобные вопросы об изначальной порочности человека и сложности семантического толкования моральных категорий. Кстати, вопрос агрессии хорошо освещен в небольшом очерке Фрейда «Неизбежна ли война?». А дальше перед нами развернется вся история психологии во множестве книг, включая «Лекции по условным рефлексам» Ивана Павлова, «Принципы психологии»

⁵⁵ Активная и известная нам деятельность Данте Алигьери (1265—1321) как мыслителя, политического деятеля и автора «Монархии» приходится в основном на XIV в.

Уильяма Джеймса, «Трактат о человеческой природе» Давида Юма, «Страсти души» Рене Декарта и так далее. В связи с тем, что мы начали рассматривать психологические аспекты политики и войны, снова обретут актуальность мысли, изложенные Макиавелли в «Государе», где он поднимает фундаментальный вопрос о добродетели и пороках людей в отношениях со своими братьями.

Проблема значения слов, особенно их сбивающей с толку многозначности, непременно побудит нас обратиться к современным книгам философов-языковедов, представляющих разные школы. Вся современная литература — а ее немало — глубоко уходит корнями в традицию западной мысли. Ее истоки обнаруживаются еще в диалогах Платона и трактатах Аристотеля. И далее ни один шаг в ее развитии не оставляет без внимания многозначности главных терминов. Если мы всерьез заинтересуемся значением слов и их использованием в мышлении, нам придется заново открывать для себя великие работы в области гуманитарных наук.

В список обязательного чтения войдет «Опыт о человеческом разумении» Локка, особенно книга третья о языке; «Левиафан» Гоббса, особенно первая книга, и его же «Риторика», тесно связанная с одноименным трудом Аристотеля. Кроме того, нам понадобятся диалоги Платона о языке и ораторском искусстве (особенно «Кратил», «Горгий» и «Федр») и два великих средневековых труда о преподавании и обучении — Блаженного Августина и Святого Фомы Аквинского. Оба труда имеют одинаковое название — «Об учителе». Осмелюсь глубоко не затрагивать работы по логике, так как список удлинится до бесконечности. Но при этом

считаю своим долгом обязательно упомянуть «Систему логики» Джона Стюарта Милля, «Новый Органон» Бэкона и «Органон» Аристотеля.

Возможно и еще одно направление. Дискуссия о политических и экономических проблемах напрямую ведет нас к вопросам об основных проблемах этики — удовольствия и добродетели, счастья и жизненной цели, а также средств ее достижения. Возможно, кто-то из вас читал «Философию морали» нашего современника Жака Маритена и заметил, что этот последователь Аристотеля и Фомы Аквинского затрагивает важные проблемы сегодняшнего дня, особенно в части нравственных аспектов политики и экономики. С помощью этого автора мы не только логично перейдем к великим трактатам прошлого о нравственности — «Этике» Аристотеля и второй части «Суммы теологии» Фомы Аквинского, — но и сможем вступить в дискуссию в качестве ее полноправных участников. Для этого нам придется прочесть «Утилитарианизм» Милля, «Критику практического разума» Канта и «Этику» Спинозы. Быть может, мы даже вернемся к римским стоикам и эпикурейцам, к «Размышлениям» Марка Аврелия и раздумьям «О природе вещей» Лукреция.

- 6 -

Возможно, в процессе нашего путешествия по разным дорогам знаний и эпохам истории вы сделали ряд ценных наблюдений или важных выводов о проблемах современности. Книги не только ведут одна к другой — от каждой из них тянется множество нитей. Наша беседа или мысль может двигаться и разветвляться в разных

направлениях, то и дело переходя к разным группам книг. Более того, одни и те же авторы часто предстают перед нами в разном контексте, поскольку обычно они писали на многие связанные друг с другом темы, иногда в разных книгах, но часто — в одной и той же.

Думаю, вас уже не удивляет тот факт, что, когда мы обращаемся к средневековым или античным произведениям, одни и те же имена повторяются неоднократно. Например, часто первоисточниками выступают труды Аристотеля и Платона, Цицерона и Фомы Аквинского. Их читают и обсуждают, с ними спорят и соглашаются авторы нашего времени. Даже если кто-то не читал эти книги, их идеи просочились к нам косвенным образом благодаря таким писателям, как Хукер.

До сих пор мы имели дело в основном с практическими вопросами: политикой, экономикой, моралью — хотя, вероятно, вы заметили тенденцию к выбору теоретических тем. Мы обращались к психологии, рассматривая влияние Фрейда на юриспруденцию. Проанализировав этические противоречия еще глубже, мы вскоре логично перейдем к метафизике. По сути, мы ее уже затронули, когда заговорили об исследованиях свободной воли Маритена и «Этике» Спинозы. «Критика практического разума» Канта могла привести нас к его «Критике чистого разума» и всем теоретическим вопросам о природе знания и опыта.

Предположим, что мы вкратце рассматриваем некоторые теоретические вопросы. В этой книге нас более всего интересуют вопросы образования. Тот, кто читал книгу мистера Хатчинса «Высшее образование в Америке», мог бы задать вопрос о метафизике и ее месте

в высшем образовании. Это стало бы прекрасным поводом начать дискуссию о том, что же представляет собой метафизика. И, как обычно, кто-нибудь в разговоре мог бы сказать, что ее не существует. После чего было бы логично обратиться к «Демократии и образованию» Джона Дьюи и его «Поиску достоверности», чтобы убедиться, что все подлинное знание является научным или получено путем эксперимента.

Проследив все взаимосвязи, мы вскоре вернемся к работам, выступающим против метафизики — в русле современной тенденции. В их числе можно упомянуть «Исследование о человеческом понимании» Юма и, возможно, даже «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» Канта.

Тот, кто читал «Процесс и реальность» и «Науку и современный мир» Уайтхеда, или «Царство бытия» и «Царство материи» Сантаяны, или «Степени знания» Маритена, может попробовать отстоять право метафизики на существование. Ее приверженец может защищать прерогативу теоретической философии в поиске знаний о природе вещей отдельно от самой науки. Внимательно прочтя эти книги, он будет готов перейти к таким великим теоретическим трудам античности и современности, как «Первоначала философии» Декарта, очерк Фомы Аквинского «О сущем и сущности», «Метафизика» Аристотеля и диалоги Платона, в особенности «Тимей», «Парменид» и «Софист».

Или предположим, что наш теоретический интерес обратится в сторону естественных наук, в связи с которыми я уже упоминал Фрейда и Павлова. Проблемы

поведения и природы человека провоцируют возникновение массы других вопросов. Особенно нас волнует место человека в этом мире. И тогда все дороги ведут к «Происхождению видов» Дарвина, а от него — к «Древности человека» Лайеля и к эссе Мальтуса «О народонаселении».

В последнее время была издана масса книг по вопросам практической медицины. Появилось и несколько трудов о медицине теоретической. Обычная ипохондрия вызывает у человека повышенный интерес к врачам, здоровью и принципам функционирования собственного тела. Наиболее полно интерес к данной теме смогут удовлетворить «Введение в экспериментальную медицину» Клода Бернара и труд Гарвея «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных». Продвигаясь от них в глубь веков, вы приобщитесь к трактату Галена «О естественных способностях» и великолепным трудам Гиппократов, открывающим тайны древнегреческой медицины.

Идем дальше. «Эволюция физики» Эйнштейна и Инфельда ссылается на великие вехи в развитии экспериментального знания. Мы пойдем их глубже, если обратимся к «Ценности науки» Пуанкаре и «Здравому смыслу точных наук» Клиффорда. Они, в свою очередь, направят нас к «Экспериментальным исследованиям по электричеству» Фарадея и «Периодическому закону» Менделеева, а быть может, даже к «Оптике» Ньютона и «Двум новым наукам» Галилея.

Самые точные из точных наук больше других опираются не только на опыты, но и на математику. Если нас интересует физика, без математики мы не обойдемся. В этой области существует масса современных книг, но

для меня нет ничего лучше «Введения в математику» Уайтхеда. Также заслуживают внимания работы Бертрانا Рассела о смысле математики.

В процессе их чтения мы можем обратиться к «Математике в жизни и мышлении» Форсайта. От нее мы неизбежно перейдем к исходной точке современной математики — к «Геометрии» Декарта и математическим трудам Ньютона. Современные комментарии, например Хогбена, Данцига, Каснера и Ньюмена, тоже будут крайне полезны. Но я считаю, что мы должны рассматривать современную математику в ее сопоставлении с древнегреческими трудами, особенно с «Началами» Евклида, «Введением в арифметику» Никомаха и «Коническими сечениями» Аполлония Пергского.

Связь великих книг и универсального таланта их авторов теперь наверняка выглядит еще более явной в ваших глазах. Декарт и Уайтхед были одновременно математиками и метафизиками. Эссе Мальтуса «О народонаселении» относилось не только к социологии — оно напрямую повлияло на представления Дарвина о борьбе за выживание и степень жизнеспособности наиболее приспособленных особей. Ньютон предстает перед нами не только великим физиком-экспериментатором, но и великим математиком. «Записки» Леонардо да Винчи содержат не только теорию автора о перспективе в живописи, но и записи об исследованиях и изобретениях в области механики.

Я собираюсь шагнуть еще дальше. Хотя нас в первую очередь интересуют нехудожественные произведения, перечисление великих книг будет прискорбно неполным без шедевров художественной литературы. Здесь чтение произведений современных авторов тоже может вызвать интерес к творчеству их предшественников. Современный роман имеет длинную историю, уходящую корнями к Дэвиду Лоуренсу и Томасу Манну, Фрэнсису Скотту Фицджеральду и Эрнесту Хемингуэю, к тем формам повествования, которые они стремились изменить. Эти четыре автора, наряду с Джозефом Конрадом, Стивеном Крейном и Исааком Зингером, приведут нас к Флоберу, Мопассану и Бальзаку, а также к великим русским писателям Достоевскому и Толстому. Не забудем мы и своих авторов: Марка Твена, Германа Мелвилла и Генри Джеймса, а также Томаса Гарди, Чарльза Диккенса и сэра Вальтера Скотта. За их спинами мы увидим великих авторов восемнадцатого века — Даниэля Дефо и Генри Филдинга. «Робинзон Крузо» и «История Тома Джонса, найденыша» напомнят нам о множестве других романов, в частности о «Гулливере» Джонатана Свифта. Наше путешествие во времени завершится, когда мы дойдем до знаменитого «Дон Кихота» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле.

Пьесы Бернарда Шоу и других наших современников уходят корнями еще глубже — к древней традиции драматургии. На творчество Шоу значительно повлияли не только пьесы Ибсена и Чехова, но и более ранние комедии Шеридана и Мольера; а за трагедиями Синга и О'Нила, как и за пьесами Шекспира и прочих авторов

елизаветинских времен, скрываются комедии Аристофана и великие трагедии Еврипида, Софокла и Эсхила.

И наконец, нужно вспомнить о таких великих эпических произведениях, как «Фауст» Гете, «Потерянный рай» Мильтона, «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Божественная комедия» Данте, «Энеида» Вергилия, «Илиада» и «Одиссея» Гомера. В списках «Великие книги Западного мира» и «Преддверие великих книг» я указал далеко не все вышеперечисленные произведения и не всех авторов. Но при этом ссылаюсь на многих из них, поскольку они могут быть объединены в группы в ходе разговора и к ним по-прежнему сохраняется повышенный интерес со стороны современных авторов. Между этими группами нет четких границ. Они постоянно сливаются и пересекаются между собой.

Это касается не только таких явно взаимосвязанных предметов, как политика и этика, этика и метафизика, метафизика и математика, математика и естественные науки, но и более отдаленных друг от друга тем. Авторы «Федералиста» ссылаются на аксиомы Евклида как на эталон политических принципов. Читатель Монтеня, Макиавелли и, конечно же, Плутарха обнаружит их чувства и сюжеты, и даже язык в пьесах Шекспира. «Божественная комедия» Данте — это прямое отражение «Суммы теологии» Фомы Аквинского, «Этики» Аристотеля и астрономии Птолемея. Кроме того, мы знаем, как часто Платон и Аристотель ссылаются на Гомера и великих трагиков.

Возможно, теперь вы понимаете, почему я так часто повторял, что великие книги следует читать с учетом их мельчайших взаимосвязей. При таком способе чтения они дополняют, объясняют и подчеркивают значимость друг друга. И, конечно, становятся более удобочитаемыми.

Перечисляя названия и отслеживая связи всех книг, я уходил в прошлое от современной литературы, опираясь на книги, которые читали сами авторы. Это позволило наглядно продемонстрировать, как традиция великих книг продолжается и сегодня.

Но если вы хотите, чтобы одна великая книга помогала вам читать другую, лучше идти от прошлого к настоящему, а не наоборот. Если сначала вы прочтете те же книги, что и автор, то сможете его понять намного лучше. Вы увидите что-то новое его глазами, а значит, легче найдете с ним общий язык и достигнете понимания.

Двигаться в противоположном направлении иногда интереснее. Это напоминает работу сыщика или игру в «зайца и собаку»^[56]. Но, несмотря на удовольствие, которое вы получите от чтения «наоборот», следует все-таки понимать и воспринимать книги в прямом хронологическом порядке. Именно так они появлялись, а потому невозможно полностью понять их другим способом.

Наши «похождения» в поисках великих книг помогли мне сформулировать еще одну мысль. Трудно назвать великой современную книгу. Мы слишком близки

⁵⁶ Развивающая детская игра.

к ее автору, чтобы судить о ней трезво и отстраненно. Иногда можно быть относительно уверенным в том, что книга заслуживает такой оценки, как в случае с работами Эйнштейна, романами Пруста и Джойса или философскими трудами Дьюи, Уайтхеда и Маритена. Но в основном следует воздерживаться от подобных оценок. «Зал славы» — это слишком высокий пьедестал, чтобы отправлять туда кандидатов из двадцатого века, не оплатив обратный билет на случай отказа.

Однако современные книги, безусловно, бывают хорошими, даже если мы не уверены в их величии. Самый надежный признак хорошей книги, которая когда-нибудь может оказаться великой, — это очевидность ее связей с другими текстами. Такие книги участвуют в общем диалоге великих произведений, приглашая читателей присоединиться к нему. Их авторы непременно являются начитанными людьми и всецело принадлежат традиции, что бы они сами о ней ни думали и как бы ни бунтовали против нее.

Позвольте сделать еще один вывод. Сегодня мы страдаем не только от политического национализма, но и от культурной ограниченности. Мы создали культ настоящего: читаем преимущественно современную литературу, если вообще что-то читаем. Упускаем возможность качественно прочесть *хорошие* современные книги, если не знакомы с уровнем настоящих книг. Игнорируя великие книги, оказываемся оторванными от мира людей. Это напоминает мне процесс, при котором бездумная преданность серпу и молоту делает людей сначала русскими или китайцами, а затем собственно людьми — и то не всегда. Ведь самое священное наше право — быть сначала людьми, а затем гражданами своей страны. Это касается как политики,

так и культуры. Мы не принадлежим исключительно своей стране или текущему веку.

Это право я бы, пожалуй, отнес и к обязанностям — право принадлежать к великому братству людей, которое не признает национальных, территориальных или этнических границ. Я не знаю, как вырваться из смиренной рубашки политического национализма, но зато знаю, как можно стать гражданином мира литературы и другом человечества во всех его проявлениях, независимо от времени и места.

Ответ вы легко угадаете. Надо читать великие книги. Только так человеческий разум, где бы он ни находился, можно освободить от неотложных потребностей и провинциальных предрассудков — поднявшись на универсальный уровень общения. Только там он будет в состоянии постичь общие истины, свидетелем которых является вся культурная традиция человечества. Люди, способные читать хорошо, умеют читать критически. В этом смысле их разум свободен. Если они прочли великие книги — по-настоящему прочли, — то вольны двигаться дальше — в любом направлении в мире людей. Только они действительно умеют пользоваться тем великим и всеобъемлющим разумом мира, который в любом месте и в любое время не принадлежит им полностью.

Глава семнадцатая. Свободный ум и свободные граждане

Давайте попытаемся не путать цели со средствами. Великие книги читают не с тем, чтобы просто поговорить о них. Упомянув в какой-либо беседе названия книг, вы можете прослыть эрудированным человеком, но читать следует не для того, чтобы сверкать ярче столового серебра в кулуарных беседах. Надеюсь, я доходчиво объяснил, почему есть более веские причины для чтения — *настоящего* чтения — великих книг.

Что касается дискуссий, тут все наоборот. Я рекомендовал регулярно проводить обсуждения книг в качестве вспомогательного средства для овладения искусством чтения, а не ради «пускания пыли в глаза» в разговоре. Беседа читателя с автором как неотъемлемая часть настоящего чтения не состоится, если читатель не привык обсуждать книги. Если он говорит о книгах с друзьями, то с большей вероятностью сумеет начать диалог и с книгой.

Есть еще один важный нюанс. Даже чтение великих книг не может быть самоцелью. Это средство для того, чтобы жить достойно, являясь свободным человеком и гражданином. Именно такой должна быть наша главная цель. Такова ключевая тема данной книги. Я еще вернусь к ней в конце этой главы. А сейчас постараюсь уделить немного внимания проблеме дискуссий, связанных с чтением.

Вы, конечно, можете вести беседу только с книгой, но большинство людей сочтет это разговором с самим собой. Для плодотворной беседы нужны не только книги и умение читать. Вам потребуются друзья, а также способность говорить и слушать. К сожалению, просто

иметь друзей недостаточно. Они, как правило, есть у всех. Но представьте, что они не любят читать книги и не умеют их обсуждать. Представьте, что их интересует только гольф, бридж, музыка или театр — все что угодно, кроме книг. В этом случае разговор, который я описывал в предыдущей главе, не состоится ни при каких условиях.

Разговор может начинаться как обычная беседа о последних событиях или современных книгах. Например, кто-то зачитывает заголовки газет или рассказывает последние новости. Важные и глобальные новости в наши дни затрагивают сразу множество различных проблем. Они уже содержат в себе темы для долгих разговоров. Но эволюционируют ли эти разговоры? Поднимаются ли они выше уровня обсуждения газетных и радионовостей? Если нет, то беседа довольно быстро становится скучной, теряет остроту, все устают повторять одно и то же. Как следствие — участникам такой беседы как можно скорее хочется поиграть в карты, пойти в кино или обсудить соседей. Для этого не нужно особой начитанности.

Но выясняется, что кто-то из участников беседы все же прочел одну из тех книг, которые активно обсуждают в кругу образованных людей. Снова появляется возможность для разговора. Однако он быстро угаснет, если по счастливой случайности рядом не окажется еще кто-нибудь читавший ту же книгу. Как правило, в таких случаях собеседники начинают упоминать другие книги, которые недавно прочли. Но при этом нужные связи не устанавливаются. Когда все участники беседы дадут и получат рекомендации о том, что стоит читать, разговор снова перейдет на темы, которые люди считают общими. Даже если несколько человек читали одну и ту же книгу,

беседа может оборваться из-за их неумения плодотворно обсуждать прочитанный текст.

Возможно, это некоторое преувеличение, но я опираюсь на собственный опыт бесконечно скучных вечеров в обществе. Похоже, не так уж много людей умеет хорошо читать. Сейчас есть модное выражение «общее проблемное поле». Для хорошего разговора все участники должны высказываться именно в таком общем проблемном поле.

Коммуникация приводит не только к чему-то общему; обычно для начала нужен некий общий фон. Неудачи в процессе коммуникации связаны как с отсутствием изначального единства мыслей, так и с нашей неспособностью говорить и слушать.

Мои слова могут показаться чересчур радикальными. Мало того что я хочу научить вас читать, я еще и прошу сменить круг общения! Боюсь, в этом есть доля истины. Или вы сами не сильно изменитесь, или вам придется изменить своих друзей. Повторю общеизвестную истину, что дружба зависит от того, есть ли у людей общие интересы. Если вы читаете великие книги, вам нужны друзья, с которыми их можно обсудить. Вам не придется менять окружение, если вы убедите своих старых друзей читать вместе с вами.

Я часто вспоминаю слова Джона Эрскина на вводном занятии в группе, где я учился чтению великих книг. Он сказал, что уже несколько лет наблюдает за тем, как студенты колледжа демонстрируют собственное бессилие в ведении интеллектуальных разговоров. В условиях самостоятельного выбора предметов они ходят на разные занятия, встречаются лишь изредка и читают только общие учебники, и то не всегда. Однокурсники

больше не являются «братьями по разуму». Сам Джон Эрскин, поступив в Колумбийский университет в начале века, застал то время, когда все изучали одни и те же предметы и читали одни и те же книги, среди которых было немало великих произведений. Студенты часто вели между собой интересные разговоры и выбирали друзей не только из партнеров по играм или общежитию, но и по общности взглядов.

Одной из целей курса Honors было возрождение студенчества как интеллектуальной общины. Если группа студентов читала одни и те же книги и на протяжении двух лет встречалась раз в неделю, чтобы их обсудить, она становилась потенциальной общностью друзей. Великие книги не только призывали участников этой группы в мир идей, но и обеспечивали «общее проблемное поле» для дальнейшей коммуникации. Они умели говорить разумно и понятно не только о книгах. С помощью «книжной» темы они могли затрагивать любые проблемы, связанные с поступками и мыслями людей.

В таком сообществе, как утверждал Эрскин, демократия всегда будет в безопасности, поскольку она предполагает интеллектуальное общение и совместное участие в решении проблем человечества. Тогда еще никто не предполагал, что демократии может что-то угрожать. Помню, что мы не очень серьезно восприняли выступление Эрскина. Но он оказался прав. Сейчас я убежден в справедливости его слов, как и в том, что гуманитарное образование — это сильнейший оплот демократии.

Не знаю, насколько велик шанс изменить систему образования в школах и колледжах нашей страны. Сегодня они на всех парах стремительно удаляются от начитанности и грамотности. (Парадокс, но современные тенденции в образовании, которые я подверг критике, были продиктованы стремлением к соблюдению принципов демократии.) Но я знаю, что можно повлиять на уровень образования взрослых. Оно еще не полностью попало под контроль педагогических колледжей и факультетов. Вы вместе со своими друзьями можете составлять собственный план обучения. Не обязательно ждать, что кто-то придет и принесет готовую программу. Для ее составления не нужна сложная техника. Не нужны даже преподаватели. Собирайтесь вместе, читайте великие книги и обсуждайте их. Вы уже знаете, что можно научиться читать в процессе чтения. Уверяю вас, так же легко можно научиться обсуждать прочитанное в процессе дискуссии.

У меня есть все основания для подобного мнения. Когда я попал в Чикагский университет и начал вести совместный курс чтения с президентом Хатчинсом, меня пригласили выступить с лекцией в одном из ближайших пригородов. Группа состояла из взрослых мужчин и женщин. Все они окончили колледж, некоторые мужчины работали по специальности, некоторые занимались бизнесом. Многие женщины принимали участие в местной политической и педагогической жизни, а также вели домашнее хозяйство. Они решили, что тоже хотят пройти такой курс обучения. В колледже мы с нашими студентами «проходили» за два года около сорока книг — примерно по одной книге в неделю. Поскольку у моей

«взрослой» группы было меньше времени (из-за детей и бизнеса), они читали только по одной книге в месяц. Следовательно, на тот же список литературы у них должно было уйти восемь лет. По правде говоря, я не верил в серьезность их намерений.

Поначалу они читали не лучше, чем большинство выпускников колледжа. Все в группе начинали с нуля — как обычно и бывает после учебы в колледже. Оказалось, что их навык чтения большей частью имел отношение к изучению ежедневных газет. В некоторых случаях он распространялся на более серьезную периодику и современную литературу, но мгновенно исчезал, когда мои новые ученики начинали читать «Илиаду» Гомера, «Божественную комедию» Данте или «Преступление и наказание» Достоевского; «Республику» Платона, «Этику» Спинозы или «Эссе о свободе» Милля; «Оптику» Ньютона или «Происхождение видов» Дарвина. Однако они продолжали упорно читать все эти книги, обучаясь заново в процессе чтения.

Группа не распалась, поскольку все участники чувствовали, что их уровень с каждым годом растет, и получали удовольствие от развития навыка. Теперь они легко могли объяснить, каковы цели автора, на какие вопросы он стремится ответить, что представляют собой его основные термины, на основании чего он делает свои выводы, и даже в чем заключаются недостатки его подхода. Уровень их обсуждения за десять лет явно повысился, что свидетельствовало об одном: они научились читать более вдумчиво.

Итак, как вы поняли, эти люди регулярно встречаются друг с другом на протяжении десяти лет. Насколько я могу судить, они не планируют прекращать

свои встречи. Более того, они собираются расширить горизонты чтения и перечитать некоторые из книг, которые не до конца поняли в самом начале обучения. Возможно, на первых порах я и помогал им, направляя ход дискуссий, но сейчас они точно могут обойтись без меня. Они поняли, какую роль чтение играет в их жизни.

Члены этой группы были дружны еще до начала занятий, но теперь их дружба стала еще и интеллектуальной. Они бурно обсуждают темы, которые раньше никто из них бы не поддержал. Они почувствовали вкус к интеллектуальным разговорам о серьезных проблемах, но при этом не обмениваются мнениями бездумно, как в разговорах о погоде, а дискутируют ответственно. Любое мнение должно быть аргументировано. Любая мысль должна быть связана с серьезными вопросами окружающего нас мира. Именно поэтому все участники курса научились оценивать утверждения и аргументы исходя из их ясности и актуальности.

За несколько лет до того, как я попал в Чикаго, мы организовали подобную программу обучения для взрослых в Нью-Йорке. Тогда заместителем директора Народного института был мистер Бьюкенен. Вместе с ним мы убедили мистера Эверетта Дина Мартина открыть набор в группу чтения великих книг для взрослых. Мы предложили это в качестве безумного эксперимента во взрослом образовании. Теперь эксперимент обернулся реальной победой. Вовремя вспомнив кое-какие факты из истории Англии, мы и тогда не назвали бы его так. Обсуждение важных проблем всегда было способом продолжения образования для взрослых. Как правило,

оно происходило на общем культурном фоне, возникавшем при чтении важных книг.

Мы создали около десяти таких групп в окрестностях Нью-Йорка. Они собирались в библиотеках, спортзалах, церковных помещениях и залах Y.M.C.A. (Young Men's Christian Association — Христианская ассоциация молодых людей). Туда входили самые разные люди, с образованием и без, богатые и бедные, скучные и яркие. Лидерами групп были молодые люди, которые в большинстве своем не читали этих книг, но хотели попробовать свои силы. Их главная обязанность состояла в том, чтобы вести дискуссию: открывать ее несколькими вопросами, поддерживать угасающие диалоги, улаживать споры, если он уведут участников от ключевой темы.

Это начинание имело колоссальный успех. Мы закрыли проект лишь из-за отсутствия финансовой поддержки. Но в любом месте и в любой момент его может возродить группа людей, которые договорятся читать и обсуждать великие книги вместе. Для начала нужно лишь найти друзей — и вы станете еще ближе друг другу в процессе работы.

Возможно, вы решите, что я забыл кое о чем. В группах Нью-Йорка и Чикаго, о которых я рассказал, были ведущие, отвечающие за ход обсуждения и немного более опытные в искусстве чтения, чем все остальные участники. Согласен, подготовленные ведущие помогают новичкам на старте. Но это скорее роскошь, чем необходимость.

Можно действовать наиболее демократическим образом и выбирать ведущего для каждой встречи. Пусть разные люди занимают это место по очереди. Каждый раз ведущий будет больше узнавать о чтении и

обсуждении книги, чем остальные. Если все члены группы по очереди приобретут этот опыт, группа в целом будет учиться быстрее, чем при помощи «внешнего» ведущего. Таковы преимущества предлагаемого мной плана, хотя вначале реализовать его будет труднее.

Нет нужды рассказывать вам, как нужно обсуждать книгу. Об этом говорят все правила чтения. Это набор универсальных инструкций, который прекрасно подходит как для чтения, так и для дискуссий. Правила регулируют ваш разговор с автором и точно так же будут направлять разговор о книге с друзьями. Как я уже говорил, обе эти дискуссии будут взаимно дополнять друг друга.

Дискуссия поддерживается при помощи вопросов. Правила чтения предлагают главные вопросы, которые можно задавать о книге или ее взаимосвязи с другими книгами. Ответы на вопросы также способствуют обсуждению. Конечно, участники должны понимать вопросы и высказываться по теме. Но если вы научитесь находить общий язык с автором, то поиск общего языка с друзьями не вызовет у вас затруднений. Скорее наоборот, это будет легче, поскольку вы сможете помогать друг другу на пути к достижению понимания. Разумеется, говоря это, я предполагаю, что вы освоили искусство интеллектуальной беседы и не станете выносить приговор, пока не поймете смысл высказывания вашего оппонента, а оценивать его мнение будете аргументированно.

Любая хорошая дискуссия уникальна. Она не возникала в такой форме раньше и никогда не повторится. В каждом случае порядок вопросов будет другим.

Высказываемые мнения, их противопоставление и разъяснение всегда будут сугубо индивидуальными для разных книг и разных групп, обсуждающих одну и ту же книгу. И все же качественная дискуссия имеет общие черты. Она развивается свободно. В ней прослеживается движение аргумента. Понимание и согласие всегда выступают в качестве целей, к которым ведут совершенно несхожие пути. Если тема обсуждения заслуживает внимания, дискуссия не будет бесцельной и бесплодной, как ошибочно полагают многие.

Качественное обсуждение важных проблем в контексте вдумчивого прочтения великих книг — это почти совершенное упражнение в мастерстве мышления и коммуникации. Но этот процесс не затрагивает искусство письма. Бэкон сказал: «Чтение делает человека знающим, беседа — находчивым, а привычка записывать — точным». Быть может, математической точности можно добиться как раз благодаря требованиям правильно организованной дискуссии. В любом случае чтение, слушание и обсуждение в достаточной мере дисциплинируют ум.

- 3 -

Человек, обученный хорошо читать, имеет развитые аналитические и критические способности. Человек, обученный хорошо дискутировать, оттачивает их еще больше. Он приобретает особую восприимчивость к аргументам, относясь к ним с участием и вниманием, и, таким образом, учится сдерживать себя в желании навязать собственное мнение окружающим. Мы начинаем понимать, что единственный авторитет — это разум;

единственные судьи в любом споре — это аргументы и факты. Мы не стремимся возвыситься, продемонстрировав силу и пересчитав ряды своих сторонников. Серьезные вопросы не решаются простым голосованием. Мы должны обращаться к разуму, а не зависеть от влиятельных групп.

Мы хотим научиться мыслить четко и ясно. Великая книга может нам помочь, предлагая примеры глубокого и тщательного анализа. Хорошая дискуссия тоже приносит немалую пользу, своевременно диагностируя «хромоту» нашего мышления. Если друзья научатся подмечать такие моменты, мы вскоре поймем, что небрежность в мышлении, как и тайное преступление, всегда становится явной. Замешательство может побудить нас к усилиям, на которые мы не считали себя способными. Если в процессе чтения и обсуждения не ужесточать требования к ясности и четкости мышления, многие из нас сохранят ложную уверенность в своем восприятии и оценках.

Мы, как правило, слабо мыслим и, что еще хуже, не знаем об этом, поскольку некому открыть нам глаза на горькую правду. Тот, кто умеет хорошо читать, слушать и говорить, обладает дисциплинированным умом. Такая дисциплина необходима для свободы применения наших способностей. Человек, который чего-то не умеет, запутывается окончательно, если берется за незнакомое дело. Дисциплина, возникающая при развитии навыка, необходима для легкости. Как далеко можно зайти в обсуждении книги с человеком, который не умеет читать или говорить? Как далеко можно продвинуться в чтении без развитого умения?

Дисциплина, как я уже говорил, — это источник свободы. Только тренированный ум способен к

свободному мышлению. А там где нет свободы мышления, нет места и свободе мысли. Без освобожденного разума мы не сможем долго оставаться свободными людьми.

Думаю, вы уже готовы признать, что обучение чтению, по сути, тесно связано со всей жизнью человека. Социальное и политическое значение чтения не так слабо, как это часто представляют. Прежде чем его рассматривать, позвольте напомнить о важном аргументе в пользу обучения чтению. Мышление, обучение и чтение — истинное удовольствие для тех, кто овладел этими видами деятельности. Нам приятно тренировать свое тело, достигая максимальной силы и ловкости. Точно так же можно наслаждаться мастерским применением других способностей. Чем лучше мы научимся использовать свой ум, тем глубже оценим пользу мышления и учебы. Следовательно, искусство чтения ценно само по себе. У нас есть умственные способности и свободное время для их бескорыстного применения. Безусловно, чтение — это один из таких случаев.

Но я не могу ограничиться только восхвалением чтения. Как бы много удовольствия оно ни приносило, процесс чтения не может быть самоцелью. Недостаточно мыслить и учиться, чтобы быть человеком. Необходимо действовать. Стремясь посвятить свободное время бескорыстной деятельности, мы не можем уклоняться от практических обязанностей. Более всего чтение оправдывает себя по отношению к повседневной жизни, но оно будет напрасным, если мы не заинтересованы в улучшении общества. Все хотят жить в хорошем и справедливом мире, но редко когда хотят прилагать усилия к его улучшению. К примеру, для меня хорошее

общество — это большая дружеская компания. С друзьями мы живем в мирном и разумно устроенном микросоциуме. Мы чувствуем свое единство, поскольку постоянно общаемся, разделяем взгляды и цели друг друга. Хорошее общество — это гармоничное объединение людей, которые стали друзьями в результате разумного общения.

- 4 -

Однако это повлечет за собой потерю свободы. Ей нет места там, где люди не могут жить рядом как друзья, где законы социума строятся без учета общности взглядов. Жить свободно можно только в окружении друзей. В противном случае нас будут постоянно сдерживать всевозможные опасения и подозрительность.

Сохранение свободы, для нас самих и наших потомков, — одна из главных задач современности. Надлежащее уважение к свободе — это суть разумного либерализма. Но здесь нужно задаться вопросом, действительно ли наш либерализм разумен. Похоже, нам не известны истоки свободы и ее цели. Мы кричим о ней — о свободе слова, прессы или собраний, — но едва ли осознаем, что в основе всего этого лежит свобода мысли. Без нее свобода слова — пустая привилегия, а свобода совести — не более чем потакание личным пристрастиям. Без нее гражданские свободы можно реализовать только формально, и мы вряд ли надолго сохраним их, если не научимся ими пользоваться.

Как однажды отметил мистер Барр — президент колледжа Сент-Джон, сегодня американский либерализм требует от нас слишком мало, а не слишком много. В

отличие от своих предков, мы не стремимся к тому, чтобы развить живое воображение, дисциплинировать и освободить свой ум от невежества. Мы не хотим понять, что без этого невозможно пользоваться всеми свободами — более того, сохранять их. Мы обращаем внимание на внешние стороны свободы, а не на ее суть. К тому же господствующая система образования не предусматривает воспитания свободного человека, обладающего свободным разумом.

Когда мы связываем *либерализм* с гуманитарным или *либеральным* образованием или говорим, что обучение *свободным* искусствам *освобождает* нас, это не просто игра слов. Именно искусство читать и сочинять, слушать и говорить дисциплинирует ум и позволяет нам свободно мыслить. *Это освобождающее искусство.* Дисциплина освобождает нас от произвола необоснованных мнений и узости провинциальных предрассудков. Она делает нас свободными от всех авторитетов, кроме разума, потому что истинно свободный человек должен подчиняться лишь разуму. Тот, кто стремится освободиться от любых авторитетов, по моему мнению, является фальшивым либералом. Как сказал Мильтон, «когда они кричат о свободе, то имеют в виду вседозволенность».

В прошлом году Американский совет по образованию пригласил меня выступить с речью на своем ежегодном собрании в Вашингтоне. Я решил высказаться по вопросу о политическом значении «трех китов» образования — чтения, арифметики и письма — и назвал свое выступление «Либерализм и гуманитарное образование». Я старался показать, почему ложный либерализм становится врагом свободного образования и почему наша страна нуждается в истинно либеральном

образовании, чтобы исправить последствия доминирующего в обществе квазилиберализма. Так я называю «либерализм», который ставит знак равенства между авторитетом и диктатурой, дисциплиной и муштрой. Он существует там, где принято считать, будто все вопросы всегда спорны и у каждого может быть свое мнение. Это губительная теория. Из нее в конце концов следует, что прав тот, кто сильнее. Либерал, который освободил себя от разума, а не посредством разума, признает единственный авторитет в человеческих отношениях — силу, или то, что Чемберлен назвал «страшным аргументом войны».

Политическое значение гуманитарных наук лежит на поверхности. Если демократия — это общество свободных людей, то она должна поддерживать и развивать либеральное образование или погибнуть. Граждане демократической страны обязаны мыслить самостоятельно. Они должны уметь ясно высказываться и критически воспринимать любые высказывания окружающих. Для этой цели умение читать и чтение великих книг становятся единственным эффективным средством. Подтверждением сказанному служит яркая цитата из пьесы Шекспира «Генрих VI»:

«Ты, как изменник, развратил молодежь нашего королевства тем, что завел школы. У наших предков не было других книг, кроме бирки да зарубки, а ты стал печатать книги, да еще — во вред королю, его короне и его сану — выстроил бумажную фабрику» *(перевод Е. Бируковой)*.

Обучение чтению и письму кажется тирану настоящим предательством. Он видит в этом реальную силу, способную пошатнуть его трон. Именно так на

протяжении веков и происходила постепенная демократизация западного мира — благодаря распространению образования и росту грамотности. Но сегодня мы наблюдаем другой поворот в истории человечества. Средства коммуникации, которые некогда использовались для освобождения людей, теперь служат их порабощению.

Сегодня перо не уступает мечу в формировании деспота. Раньше тираны были великими полководцами. Теперь они стали стратегами общения, сладкоголосыми ораторами и агитаторами. Их оружие — радио и пресса, тайная полиция и концлагеря. Под воздействием умело организованной пропаганды люди становятся не менее покорными, чем под влиянием грубой силы. Из свободных членов демократического общества они превращаются в политических марионеток.

Гоббс с подозрением относился к демократии, опасаясь, что она может скатиться к олигархии ораторов. Хотя наши цели сегодня стали несколько иными, следует признать, что новейшая история подтверждает опасения Гоббса. На примере других стран мы видели, как великолепный оратор может стать тираном. Мы должны спасти демократию от характерных для нее слабостей, перекрыв все пути диктатуре. Если нас подавляют силовые организации, мы сражаемся, чтобы обезоружить их. Таким же образом мы должны обезоружить любого оратора задолго до того, как его «заклинания» начнут лишать воли людей^[57]. В стране, где все имеют право на свободу слова, есть лишь один способ добиться этого.

⁵⁷ Здесь и далее в этой главе автор обращается к читателям, находясь под впечатлением от событий, происходивших в нацистской Германии 30-х годов, современником которых он был.

Граждане должны уметь критически относиться к тому, что читают и слышат. Они должны иметь свободное образование. Если учебные заведения не выполняют эту обязанность, люди сами должны учиться читать в процессе чтения. Но ради своих детей они должны наконец осознать необходимость внесения изменений в систему обучения.

Тот факт, что на либеральный и дисциплинированный ум труднее влиять тем, кто злоупотребляет средствами коммуникации, — это аргумент «от противного». Есть и конструктивные аргументы. Демократии нужны компетентные лидеры и ответственные последователи. Ни то, ни другое невозможно, если люди не могут свободно высказывать свои суждения и не обладают должными моральными принципами. Гражданин демократического общества — это независимый субъект, поскольку он обладает свободным выбором. Демократический лидер уважает свободу человека — он направляет, а не диктует.

Хороший учитель стремится создать своим студентам все условия для активного обучения. А искусство демократического управления, в свою очередь, состоит в поощрении активного участия в жизни общества со стороны граждан.

Но хороший преподаватель не добьется результатов, если студенты не умеют учиться и не владеют навыком активного обучения, а демократическое правление не будет иметь успеха, если граждане не научатся быть разумно управляемыми. Без искусства учиться студенты будут получать образование пассивно. Они смогут учиться только из-под палки. Мы способны учиться или *открыты для обучения* только

тогда, когда дисциплинированный ум позволяет задействовать свои способности активно и свободно. Аналогично, не умея разумно подчиняться руководству, мы склоняемся перед силой и принуждением.

Словом, демократия зависит от людей, способных управлять самостоятельно благодаря умению быть управляемыми. Занимают ли они посты в правительстве или просто являются рядовыми гражданами — такие люди могут управлять или подчиняться, не теряя своей цельности и свободы. Грубая сила и скрытая пропаганда — это зло, которому они готовы противостоять. Поддержка взаимности в отношениях управляющего и управляемого гарантирует политическую и гражданскую свободу. Они не пострададут от того, что в правительство входят не все люди, или от того, что справедливые законы нужно реализовать на практике.

Искусство быть управляемым и управлять, искусство учиться и учить — симметричны и интеллектуальны. Это гуманитарные или либеральные искусства. Демократический правитель должен воздействовать на людей разумным убеждением. Настоящие граждане демократической страны должны воспринимать такое убеждение — *и только такое*. Оно отличается от злонамеренной пропаганды тем, что апеллирует к фактам и разуму. Всякий, кто воспринимает такое убеждение добровольно и осознанно, сохраняет свою свободу.

Умение быть управляемым — это главное качество гражданина демократической страны. Либеральное образование необходимо, чтобы готовить людей к исполнению политических обязанностей и к интеллектуальной деятельности. Искусство чтения

связано с искусством подчинения разумному руководству и с искусством обучения. В обоих случаях люди должны уметь активно, разумно участвовать в коммуникации, оценивая критически все происходящее. Демократическое правление более, чем любое другое, зависит от успешности коммуникации; ведь, как отметил Уолтер Липпманн, «в демократическом обществе оппозицию не только терпят, поскольку ее допускает Конституция, но и поддерживают, потому что она необходима». Согласие тех, кем управляют, в полной мере реализуется лишь тогда, когда в результате разумного обсуждения все политические стороны участвуют в формировании решений. Дебаты, не основанные на плодотворной коммуникации всех сторон, не выполняют свою функцию. Демократический процесс превращается в обман, когда люди не понимают друг друга. Мы должны уметь слышать альтернативные мнения в процессе управления, в общественной жизни, в учебе; во всех случаях мы должны уметь принимать собственные решения и действовать в соответствии с ними.

Итак, нужно действовать. Эта фраза завершает каждый этап человеческой жизни. Я неоднократно возносил хвалу чтению и обсуждению великих книг, но повторяю еще раз: *оно не является целью нашей жизни.* Мы хотим быть счастливы в справедливом обществе. В таком контексте чтение является лишь средством для достижения цели.

Если, научившись читать и изучив великие книги, вы продолжаете действовать неразумно в личной жизни или в политике, значит, вы напрасно потратили время. Возможно, вы получили удовольствие, но долго оно не продлится. Если начитанные люди не научатся

действовать разумно, вскоре мы лишимся удовольствия от всех своих достижений. Конечно, знание само по себе может быть ценностью. Но знание без практического применения приведет нас в мир, где невозможно стремиться к знанию как таковому — мир, в котором сжигают книги, закрывают библиотеки, карают за поиск истины и нежелание зарабатывать.

Надеюсь, не слишком наивно с моей стороны ожидать прямо противоположных результатов от либерального образования, в учебных заведениях и за их пределами. У меня есть основания полагать, что те люди, которые *по-настоящему* читали великие книги, смогут разумно и взвешенно рассуждать о наших насущных проблемах. Человек, который здраво размышляет о практических сторонах жизни, прекрасно знает, что для реализации задуманного нужны верные действия. Будем ли мы выполнять свой долг и действовать — это, конечно, находится вне компетенции гуманитарных наук. И все же именно эти науки готовят нас к свободе. Они раскрепощают наш разум и позволяют создавать сообщества друзей, разделяющих одни и те же убеждения. Мы обязаны жить и действовать как свободные люди, и только нам решать, выберем мы этот путь или захотим уйти от ответственности.

Приложение 1. Великие книги

Великие книги Западного мира

В хронологическом порядке по категориям

Художественная литература

ГОМЕР. «Илиада», «Одиссея»
ЭСХИЛ. Все пьесы
СОФОКЛ. Все пьесы
ЕВРИПИД. Все пьесы
АРИСТОФАН. Все пьесы
ВЕРГИЛИЙ. Эклоги, «Георгики», «Энеида»
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. «Божественная комедия»
ДЖЕФФРИ ЧОСЕР. «Троил и Хризеида»,
«Кентерберийские рассказы»
ФРАНСУА РАБЛЕ. «Гаргантюа и Пантагрюэль»
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. Все пьесы и сонеты
МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА. «Дон Кихот»
ДЖОН МИЛЬТОН. Малые английские поэмы,
«Потерянный рай», «Самсон-борец», «Ареопагитика»
ДЖОНАТАН СВИФТ. «Путешествия Гулливера»
ГЕНРИ ФИЛДИНГ. «История Тома Джонса,
найденыха»
ЛОРЕНС СТЕРН. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди,
джентльмена»
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЕТЕ. «Фауст»
ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ. «Моби Дик, или Белый кит»
ЛЕВ ТОЛСТОЙ. «Война и мир»
ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ. «Братья Карамазовы»

История и социология

ГЕРОДОТ. «История»

ФУКИДИД. «История Пелопоннесской войны»

ПЛУТАРХ. «Сравнительные жизнеописания»

ТАЦИТ. «Анналы», «История»

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ. «Государь»

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ. Полное собрание эссе

ТОМАС ГОББС. «Левиафан»

ШАРЛЬ ЛУИ ДЕ МОНТЕСКЬЕ. «О духе законов»

ЖАН-ЖАК РУССО. «Рассуждения о происхождении неравенства между людьми», «О политической экономии», «Общественный договор»

АДАМ СМИТ. «Исследование о природе и причинах богатства народов»

ЭДВАРД ГИББОН. «История упадка и разрушения Римской империи», «Декларация независимости», «Статьи Конфедерации», Конституция Соединенных Штатов Америки

ДЖОН БОСУЭЛЛ. «Жизнь Сэмюэля Джонсона»

АЛЕКСАНДР ГАМИЛЬТОН, ДЖЕЙМС МЭДИСОН и ДЖОН ДЖЕЙ. «Федералист»

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ. «О свободе», «Размышления о представительном правлении», «Утилитаризм»

КАРЛ МАРКС. «Капитал»

КАРЛ МАРКС и ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. «Манифест коммунистической партии»

Естественные науки и математика

ГИППОКРАТ. Полное собрание сочинений

ЕВКЛИД. «Начала»

АРХИМЕД. Полное собрание сочинений

АПОЛЛОНИЙ ПЕРГСКИЙ. «Конические сечения»

НИКОМАХ. «Введение в арифметику»

КЛАВДИЙ ГАЛЕН. «О назначении частей человеческого тела»

ПТОЛЕМЕЙ. «Альмагест»

НИКОЛАЙ КОПЕРНИК. «Об обращении небесных сфер»

УИЛЬЯМ ГИЛЬБЕРТ. «О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле»

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ. «Две новые науки»

ИОГАНН КЕПЛЕР. «Коперниканская астрономия», «Гармония миров»

УИЛЬЯМ ГАРВЕЙ. Медицинские труды

ХРИСТИАН ГЮЙГЕНС. «Трактат о свете»

ИСААК НЬЮТОН. «Математические начала натуральной философии»

АНТУАН ЛОРАН ЛАВУАЗЬЕ. «Начала элементарной химии»

ЖАН БАТИСТ ЖОЗЕФ ФУРЬЕ. «Аналитическая теория тепла»

МАЙКЛ ФАРАДЕЙ. «Экспериментальные исследования по электричеству»

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН. «Происхождение видов путем естественного отбора», «Происхождение человека и половой отбор»

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС. «Принципы психологии»

ЗИГМУНД ФРЕЙД. Основные труды

Философия и богословие

ПЛАТОН. Диалоги, Седьмое письмо

АРИСТОТЕЛЬ. Полное собрание сочинений

ЛУКРЕЦИЙ. «О природе вещей»

ЭПИКТЕТ. «Беседы»

МАРК АВРЕЛИЙ. «Размышления»

ПЛОТИН. «Эннеады»

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН. «Исповедь», «О граде Божием», тексты о христианском учении

ФОМА АКВИНСКИЙ. «Сумма теологии»

ФРЭНСИС БЭКОН. «О пользе и успехе знания», «Новый Органон», «Новая Атлантида»

РЕНЕ ДЕКАРТ. Философские сочинения, «Геометрия»

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ. «Письма к провинциалу», «Мысли», научные труды

БЕНЕДИКТ СПИНОЗА. «Этика»

ДЖОН ЛОКК. «Письмо о веротерпимости», «Два трактата о гражданском правлении», «Опыт о человеческом разумении»

ДЖОРДЖ БЕРКЛИ. «Трактат о принципах человеческого знания»

ДЭВИД ЮМ. «Исследование о человеческом познании»

ИММАНУИЛ КАНТ. Основные философские труды

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ. «Философия права», «Философия истории»

Преддверие великих книг

В хронологическом порядке по категориям

Художественная литература

ШЕРВУД АНДЕРСОН. «Ну и дурак же я»

ЛУЦИЙ АПУЛЕЙ. «Амур и Психея» (из «Метаморфозы, или Золотой осел»)

АВТОР НЕИЗВЕСТЕН. «Окассен и Николетта»^[58]

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК. «Страсть в пустыне»

ИВАН БУНИН. «Господин из Сан-Франциско»

СЭМЮЭЛЬ БАТЛЕР. «Нравы и обычаи едгинцев» (из «Едгина»)

АНТОН ЧЕХОВ. «Душечка», «Вишневый сад»

ДЖОЗЕФ КОНРАД. «Юность»

СТИВЕН КРЕЙН. «Шлюпка в открытом море»

ДАНИЭЛЬ ДЕФО. «Робинзон Крузо»

⁵⁸ Французский рыцарский роман XIII в.

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС. «Барделл против Пиквика» (из «Посмертных записок Пиквикского клуба»)

ИСААК ДИНЕСЕН. Sorrow-Acre^[59]

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ. «Белые ночи»

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ. «Приоткрытая завеса»

ФРЭНСИС СКОТТ ФИТЦДЖЕРАЛЬД. «Алмаз величиной с отель «Ритц»»

ГЮСТАВ ФЛОБЕР. «Легенда о Святом Юлиане Милостивом»

ДЖОН ГОЛСУОРСИ. «Яблоня»

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ. «Шинель»

НАТАНИЭЛЬ ГОТОРН. «Дочь Рапачини»

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ. «Убийцы»

ВИКТОР ГЮГО. «Битва с пушкой» (из романа «Девяносто третий год»)

ГЕНРИК ИБСЕН. «Враг народа»

ГЕНРИ ДЖЕЙМС. «Ученик»

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ. «Братья Маугли» (из «Первой книги джунглей»)

ДЭВИД ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС. «Победитель на деревянной лошадке»

ТОМАС МАНН. «Марио и волшебник»

ГИ ДЕ МОПАССАН. «Два приятеля»

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ. «Билли Бадд»

⁵⁹ На русский язык не переводилась.

ЖАН БАТИСТ МОЛЬЕР. «Мизантроп», «Лекарь поневоле»

ЮДЖИН О'НИЛ. «Император Джонс»

ЭДГАР АЛЛАН ПО. «Сердце-обличитель», «Маска красной смерти»

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. «Пиковая дама»

СЭР ВАЛЬТЕР СКОТТ. «Два гуртовщика»

ДЖОРДЖ БЕРНАРД ШОУ. «Избранник судьбы»

РИЧАРД ШЕРИДАН. «Школа злословия»

ИСААК ЗИНГЕР. «Спиноза с Торговой улицы»

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

ДЖОН СИНГ. «Поездка к морю»

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. «Смерть Ивана Ильича», «Три старца», «Чем люди живы»

ИВАН ТУРГЕНЕВ. «Первая любовь»

МАРК ТВЕН. «Человек, который совратил Гедлиберг»

ВОЛЬТЕР. «Микромегас»

ОСКАР УАЙЛЬД. «Счастливый принц»

Критические эссе

МЭТЬЮ АРНОЛЬД. «Эссе о поэзии», «Красота и безмятежность»

ФРЭНСИС БЭКОН. Эссе «О красоте», «О речи», «Об учении»

ТОМАС ДЕ КВИНСИ. «Литература знания и литература силы», «О стуке в ворота у Шекспира («Макбет»)»

ТОМАС СТЕРНЗ ЭЛИОТ. «Данте», «Традиция и индивидуальный талант»

УИЛЬЯМ ХЭЗЛИТ. «Мое первое знакомство с поэтами», «О Свифте», «О людях, которых каждый хотел бы встретить»

ДЭВИД ЮМ. «О норме вкуса»

СЭМЮЭЛЬ ДЖОНСОН. Предисловие к антологии Шекспира

ЧАРЛЬЗ ЛЭМ. «Моя первая пьеса», «Дети мечтаний, грезы», «Чистота истинного гения»

ШАРЛЬ ОГЮСТЕН ДЕ СЕНТ-БЕВ. «Что такое классика?», «Монтень»

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР. «О наивной и сентиментальной поэзии»

АРТУР ШОПЕНГАУЭР. «О стиле», «О некоторых формах литературы», «О сравнении интереса и красоты в произведениях искусства»

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ. «В защиту поэзии»

УОЛТ УИТМЕН. Предисловие к «Листьям травы»

ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ. «Как читать книгу?»

Человек и общество

ГЕНРИ АДАМС. «Соединенные Штаты Америки в 1800 году» (из «Истории США»)

СЭР ФРЭНСИС БЭКОН. «О юности и старости», «О родителях и детях», «О браке и безбрачии», «О высокой должности», «О смутах и мятежах», «О привычке и воспитании», «О приближенных и друзьях», «О ростовщичестве», «О богатстве»

ЭДМУНД БЕРК. «Письмо к шерифам Бристоля»

ДЖОН БАГНЕЛЛ БЬЮРИ. «Геродот»

ДЖОН КЭЛХУН. «О большинстве» (из «Исследования правления»)

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ. «Герои, культ героев и героическое в истории»

КАРЛ ФОН КЛАУЗЕВИЦ. «Что такое война?» (из «О войне»)

ЖАН ДЕ КРЕВЕКЕР. «Воспитание американцев» (из «Писем американского фермера»)

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. «О мировом господстве» (из «Монархии»)

РАЛЬФ ВАЛЬДО ЭМЕРСОН. «Торо»

МАЙКЛ ФАРАДЕЙ. «Наблюдения об умственном развитии»

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН. «Предложение о распространении полезных знаний среди британских колоний в Америке», «Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании»

ВЕЛИКИЕ ДОКУМЕНТЫ. Английский билль о правах, Декларация прав человека и гражданина, Вирджинский билль о правах, Декларация независимости США, Хартия ООН, Всеобщая декларация прав человека

ФРАНСУА ГИЗО. «Цивилизация» (из «Истории цивилизации в Европе»)

НАТАНИЭЛЬ ГОТОРН. «Об Аврааме Линкольне»

ДЭВИД ЮМ. «Об утонченности в искусствах», «О деньгах», «О торговом балансе», «О налогах», «Об изучении истории»

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС. «О некоторой слепоте человеческих существ», «Энергия людей», «Великие люди и их окружение»

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН. «Вирджинская конституция» (из «Заметок о Вирджинии»), «Первая инаугурационная речь», «Биографические этюды»

ИММАНУИЛ КАНТ. «К вечному миру»

ЖАН ДЕ ЛАБРЮЙЕР. «Характеры, или Нравы нынешнего века»

АВРААМ ЛИНКОЛЬН. «Речь в институте Купера», «Первая инаугурационная речь», «Письма к Горацию Грили», «Размышления о воле Божьей», «Геттисбергская речь», «Вторая инаугурационная речь», «Последняя публичная речь»

ХАНИЭЛЬ ЛОНГ. «Сила внутри нас»

ЛУКИАН. «Как следует писать историю»

ТОМАС БАБИНГТОН МАКОЛЕЙ. «Макиавелли»

ТОМАС РОБЕРТ МАЛЬТУС. «О наших будущих перспективах относительно удаления или смягчения зла, возникающего из принципа народонаселения» (из «Опыта о законе народонаселения»)

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ. «Детство и юность» (из «Автобиографии»)

ТОМАС ПЕЙН. «Воззвание к патриотам — 23 декабря 1776 г.» (публикации из газеты «Американский кризис»)

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ. «Извержение Везувия» (из «Писем к Корнелию Тациту»)

ПЛУТАРХ. «Об излишней робости»

УИЛЬЯМ ХИКЛИНГ ПРЕСКОТТ. «Земля Монтесумы» (из «Истории завоевания Мексики»)

ЖАН-ЖАК РУССО. Трактат «Суждение о вечном мире»

ДЖОН РЁСКИН. «Идеалист, осуждающий эпоху» (из Писем к рабочим и чернорабочим Великобритании)

АРТУР ШОПЕНГАУЭР. «Об образовании»^[60]

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН. Эссе

ДЖОНАТАН СВИФТ. «Когда я состарюсь... то обязуюсь», «Размышления о палке от метлы», «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине», эссе о современном образовании

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ. «Жизнеописание Юлия Агриколы»

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО. «О гражданском неповиновении», «В защиту Джона Брауна»

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ. «Наблюдения о жизни и правительстве в Америке» (из «Демократии в Америке»)

МАРК ТВЕН. «Познание реки» (из «Жизни на Миссисипи»)

⁶⁰ По всей видимости, имеются в виду афоризмы Шопенгауэра об образовании.

ВОЛЬТЕР. «Англичане и идеи» (из «Философских писем»)

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН. «Циркулярное письмо правительствам всех штатов о роспуске армии», «Прощальное послание»

УОЛТ УИТМЕН. Элегия на смерть Авраама Линкольна «Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень»

ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ. «Искусство биографии»

КСЕНОФОНТ. «Поход к морю» (из «Анабасиса»), «Характер Сократа» (из «Меморалий»)

Естественные науки

СЭР ФРЭНСИС БЭКОН. «Сфинкс, или Наука, объясняемая науками»

КЛОД БЕРНАР. «Экспериментальные наблюдения о живых существах и неорганических телах»

КЕЕС БОЙЕКЕ. Cosmic View^[61]

ТОММАЗО КАМПАНИЛЛА. «Аргументы в защиту и против Галилея» (из «Защиты Галилея»)

РЕЙЧЕЛ ЛУИЗА КАРСОН. «Море без солнца» (из «Моря вокруг нас»)

ЕВА КЮРИ. «Открытие радия»

ЧАРЛЬЗ РОБЕРТ ДАРВИН. «Автобиография Чарльза Дарвина 1809–1882»

⁶¹ На русский язык не переводилась.

СЭР АРТУР ЭДДИНГТОН. «Расширяющаяся Вселенная»

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН и ЛЕОПОЛЬД ИНФЕЛЬД. «Расцвет и упадок классической физики» (из «Эволюции физики»)

ЛОРЕН АЙЗЛИ. «О времени» (из «Необъятного пути»)

ЖАН АНРИ ФАБР. «Лаборатория полей», «Священный жук»

МАЙКЛ ФАРАДЕЙ. «История свечи»

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ. «Звездный вестник»

СЭР ФРЭНСИС ГАЛЬТОН. «Классификация человеческих способностей» (из «Наследственного гения»)

ДЖОН БЁРДОН САНДЕРСОН ХОЛДЕЙН. «О целесообразности размера»

ГЕРМАН ЛЮДВИН ФЕРДИНАНД ФОН ГЕЛЬМГОЛЬЦ. «О сохранении силы»

ТОМАС ГЕНРИ ХАКСЛИ. «Об отношении человека к низшим животным», «О куске мела»

СЭР ДЖЕЙМС ДЖИНС. «О началах и окончаниях»

СЭР ЧАРЛЬЗ ЛАЙЕЛЬ. «Геологическая эволюция» (из «Принципов геологии»)

ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ. «Происхождение законов природы» (из «Периодического закона»)

ИВАН ПАВЛОВ. «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных»

ДЖОН ТИНДАЛЬ. «Майкл Фарадей» (из книги «Фарадей как исследователь»)

ФРИДРИХ ВЕЛЕР. «Об искусственном образовании мочевины»

Математика

НОРМАН РОБЕРТ КЭМПБЕЛЛ. «Измерения, законы чисел и применение математики в науке»

УИЛЬЯМ КИНГДОН КЛИФФОРД. Статья «Постулаты космической науки» (The Postulates of the Science of Space; опубликована в книге «Мир математики» под ред. Дж. Ньюмена)

ТОБИАС ДАНЦИГ. «Отпечатки пальцев», «Пустая колонна» (из «Числа: язык науки»)

ЛЕОНАРД ЭЙЛЕР. «Семь мостов Кенигсберга»

ЭНДРЮ РАССЕЛ ФОРСАЙТ. «Математика в жизни и мышлении»

ЛАНСЕЛОТ ХОГБЕН. «Математика, зеркало цивилизации»

ЭДВАРД КАСНЕР и ДЖЕЙМС НЬЮМЕН. «Математика и воображение»

ПЬЕР СИМОН ДЕ ЛАПЛАС. «Вероятность» (из «Аналитической теории вероятностей»)

ЧАРЛЬЗ САНДЕРС ПИРС. «Красное и черное»

АНРИ ПУАНКАРЕ. «Космос», «Математическое творение», «Вероятность»

БЕРТРАН РАССЕЛ. «Математический этюд», «Математики и метафизики», «Определение числа»

АЛЬФРЕД НОРТ УАЙТХЕД. «О математическом методе» (из «Введения в математику»), «О природе расчетов»

Философские эссе

ГЕНРИ АДАМС. «Святой Фома Аквинский»

СЭР ФРЭНСИС БЭКОН. «Об истине», «О смерти», «О вражде», «О любви», «О дружбе», «О гневе»

СЭР ТОМАС БРАУН. «Бессмертие» (из «Захоронения в урнах»)

ЦИЦЕРОН. «О дружбе», «О старости»

УИЛЬЯМ КИНГДОН КЛИФФОРД. «Этика веры»

ДЖОН ДЬЮИ. «Процесс мышления» (из «Как мы мыслим»)

РАЛЬФ ВАЛЬДО ЭМЕРСОН. «Характер» «Уверенность в себе», «Монтень, или Скептик»

ЭПИКТЕТ. «Энхиридион»

ЭПИКУР. «Письмо к Геродоту», «Письмо к Менекею»

ДЖОН ЭРСКИН. «Нравственный долг быть умным»

УИЛЬЯМ ХЭЗЛИТ. «Чувствуя бессмертие в молодежи»

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС. «Воля к вере», «Чувство реальности»

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ. «О природе»

УОЛТЕР ХОРЕЙШО ПАТЕР. «Искусство жизни» (из «Ренессанс. Очерки искусства и поэзии»)

ПЛУТАРХ. «Довольство» (из «Моралий»)

ДЖОРДЖ САНТАЯНА. «Три поэта-философа:
Лукреций, Данте и Гете»

ВОЛЬТЕР. «Философия здравого смысла» (из
«Философского словаря»)

Приложение 2. 102 великие идеи человечества

Ангел, Аристократия, Астрономия, Аморальность

Бытие, Бог, Богатство, Бесконечность,
Благоразумие, Богословие

Вечность, Время, Всеобщее и частное, Вселенная,
Война и мир, Воля

Гражданин, Гипотеза, Грех, Государство

Демократия, Диалектика, Долг, Добро и зло, Душа,
Добродетель и порок

Единичность и множественность

Животное, Желание, Жизнь и смерть

Знание, Закон, Знак и символ

История, Идея, Индукция

Красота, Конституция, Качество, Количество

Логика, Любовь

Материя, Мужество, Математика, Механика,
Медицина, Метафизика, Монархия, Мнение, Мудрость

Необходимость и случайность, Наказание, Наука

Обычай и договор, Определение, Образование,
Опыт, Олигархия, Оппозиция

Причина, Перемена, Правительство, Привычка,
Память и воображение, Природа, Поэзия, Принцип,
Прогресс, Пророчество, Пространство, Правда

Рок, Разум, Рациональность, Религия, Революция,
Риторика, Рабство

Случай, Семья, Счастье, Суждение, Справедливость,
Свобода, Связь

Труд, То же самое и другое, Терпимость, Тирания

Удовольствие и горе

Форма, Философия, Физика

Честь, Человек, Чувство

Элемент, Эмоция, Эволюция

Об авторе

Мортимер Адлер (1902–2001) — американский философ, преподаватель, редактор и популяризатор гуманитарного образования.

С 1930 по 1952 год он работал в Чикагском университете, где вместе со своим коллегой Р. М. Хатчинсом реорганизовывал учебные планы, чтобы расширить кругозор студентов в области гуманитарных наук. В этот период и было написано его известное эссе «Как читать книги» — первое издание вышло в 1940 году и дважды переиздавалось в оригинале.

Адлер много сделал для образовательной системы как редактор: вместе с Р. М. Хатчинсом был соредактором 54-томной серии Great Books of the Western World (1945–1952), в которую вошли книги, оказавшие

наибольшее влияние на западную культуру; и составил к ней уникальный двухтомный указатель идей и понятий под названием «Синтопикон». Также он был главным редактором 20-томного издания The Annals of America (1969). С 1974 по 1995 год Мортимер Адлер был председателем редакционного совета «Энциклопедии Британника» и начиная с 15-го издания (1974) произвел совместно с Хатчинсом полную ревизию ее содержания.

Кроме того, Адлер организовал два научных института: в 1952 году Институт философских исследований, а в 1990-м совместно с Максом Вайсманном — Центр изучения великих идей в Чикаго.

Этот поистине великий человек привил миллионам людей вкус к чтению и стремление к самообразованию.

Именной указатель

А

Адамс, Джон 95

Аполлоний Пергский 303

Аристотель 63, 85, 94, 127, 136, 141, 151, 154, 159, 163, 215, 226, 229, 241, 267, 271, 272, 296, 299, 300, 302, 304

Аристофан 304

Арнольд, Мэтью 271

Б

Бальзак, Оноре де 303

Барзэн, Жак 32

Бёрк, Эдмунд 123, 294

Бернар, Клод 63, 302

Блаженный Августин 63, 136, 299

Боас, Франц 63

Бойль, Роберт 63

Бьюкенен, Скотт 127

Бэйтсон, Грегори 63

Бэкон, Фрэнсис 48, 63, 210, 289, 292, 300,314

В

Ван Дорен, Марк 24, 127, 265, 266, 271

Вашингтон, Джордж 294

Веблен, Торстейн 63

Вергилий 304

Винчи, Леонардо да 64, 303

Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) 295

Вордсворт, Уильям 63, 271

Г

Гален 63,288,302

Галилей, Галилео 34, 63, 142, 175, 203, 206, 287,
290, 302

Гамильтон, Александр 95,123, 294

Гарвей, Уильям 206,302

Гарди, Томас 303

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 297

Геродот 63, 153, 243

Геролд, Гордон 127

Гёте, Иоганн Фольфганг 304

Гиббон, Эдвард 63, 226, 244

Гизо, Франсуа Пьер Гийом 297

Гилби, Томас 127

Гиппократ 288,302

Гоббс, Томас 48, 63, 64, 136, 202, 228, 241,252, 295,
299, 318

Гомер 151, 286, 304, 311

Гюнтер, Джон 34

Д

Дальтон, Джон 63

Данте Алигьери 126, 263, 298, 304, 311

Данциг, Джордж Бернард 303

Дарвин, Чарльз 63, 142, 155, 175, 204, 226, 302, 303,
311

Декарт, Рене 34, 63, 136, 288, 290, 299, 301, 302,
303

Дефо, Даниэль 303

Джей, Джон 95

Джеймс, Генри 271, 303

Джеймс, Уильям 22, 63, 136, 156, 299

Джефферсон, Томас 95, 294, 296

Джойс, Джеймс 305

Диккенс, Чарльз 303

Дос Пассос, Джон 131

Достоевский, Федор Михайлович 303, 311

Дьюи, Джон 51, 56, 63, 82, 230, 288, 301, 305

Дюэм, Пьер 63

Е

Евклид 34, 63, 136, 175, 180, 195, 203, 230, 250, 269, 287, 303, 304

Еврипид 304

Ж

Жильсон, Этьен 63

З

Зингер, Исаак 303

И

Ибсен, Генрик 304

Инфельд, Леопольд 33, 134, 302

К

Кант, Иммануил 63, 159, 216, 297, 298, 300, 301

Кантор, Георг Фердинанд 63

Карлейль, Томас 297

Каснер, Эдвард 303

Квинтилиан, Марк Фабий 282

Кеплер, Иоганн 286

Китс, Джон 129, 148

Клиффорд, Уильям Кингдон 302

Кольер, Джереми 153

Конрад, Джозеф 303

Конт, Огюст 282

Копленд, Аарон 104

Коржибски, Альфред 64

Крейн, Стивен 303

Кэкстон, Вильям 59

Кэлхун, Джон Колдвелл 298

Л

Лаббок, Перси 271

Лавуазье, Антуан 63

Лайель, Чарльз 302

Лейбниц, Готфрид Вильгельм 170

Ленин, Владимир Ильич 63

Липпманн, Уолтер 99, 298, 320

Локк, Джон 63, 64, 85, 120, 139, 142, 155, 177, 253, 295, 296, 299

Лоуренс, Дэвид Герберт 303

Лукреций 197, 300

М

Макиавелли, Никколо 63, 134, 191, 192, 202, 227, 241, 295, 299, 304

Максвелл, Джеймс 63

Мальтус, Томас Роберт 297, 302, 303

Манн, Томас 303

Маритен, Жак 63, 142, 300, 301, 305

Марк Аврелий Антонин 300

Маркс, Карл 63, 155, 216, 239, 288, 297

Маршалл, Альфред 63

Мелвилл, Герман 303

Менделеев, Дмитрий Иванович 302

Мендель, Грегор Иоганн 63, 226

Мередит, Джордж 272

Мерселл, Джеймс 71

Милль, Джон Стюарт 63, 253, 282, 298, 300, 311

Мильтон, Джон 122, 298, 304, 317

Мольер 304

Монтень, Мишель де 282, 289, 304

Монтескье, Шарль-Луи 120, 295

Мопассан, Ги де 303

Морган, Томас 63

Муссолини, Бенито Амилькаре Андреа 297

Мьюр, Эдвин 271

Мэдисон, Джеймс 95, 294, 296

Н

Никомах 303

Ньюмен, Джеймс 303

Ньютон, Исаак 34, 63, 141, 142, 175, 203, 287, 290,
302, 303, 311

О

Огден, Чарльз 64

О'Нил, Юджин 304

П

Павлов, Иван Петрович 299, 302

Пастер, Луи 63

Питкин, Уолтер 93

Планк, Макс 63

Платон 63, 85, 94, 126, 128, 153, 216, 288, 290, 296,
299, 300, 302, 304, 311

Плутарх 289, 295, 304

Поуп, Александр 48

По, Эдгар Аллан 127,271

Пруст, Марсель 305

Пуанкаре, Анри 63

Пуанкаре, Жюль Анри 264, 302

Пэйн, Томас 294

Р

Рабле, Франсуа 304

Рассел, Бертран 63, 302

Рид, Герберт 271

Рикардо, Давид 63

Риман, Георг Фридрих 63

Ричардс, Айвор 64

Руссо, Жан-Жак 120, 123, 136, 295, 298

С

Сантаяна, Джордж 301

Свифт, Джонатан 303

Сенкевич, Генрик 286

Сервантес Сааведра, Мигель де 210, 304

Сидни, Филип 63

Синг, Джон Миллингтон 304

Скотт, Вальтер 210, 303

Смит, Адам 63, 136, 154, 175, 216, 288, 295, 297

Софокл 304

Спиноза, Бенедикт 63, 140, 226, 253, 295, 300, 301,

311

Стейнбек, Джон Эрнст 131

Т

Тацит, Публий Корнелий 244

Твен, Марк 286, 289, 303

Тойнби, Арнольд 298

Токвиль, Алексис де 298

Толстой, Лев Николаевич 303

У

Уайтхед, Альфред 63, 290, 301, 302, 303, 305

Уоллас, Лью 286

Уолтон, Исаак 296

Ф

Фарадей, Майкл 63, 287, 302

Фейдимен, Клифтон 152

Филдинг, Генри 152, 303

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт 303

Флобер, Гюстав 303

Фома Аквинский 45, 46, 47, 63, 134, 159, 195, 226, 296, 299, 300, 302, 304

Форстер, Эдвард Морган 271

Франклин, Бенджамин 122

Фрейд, Зигмунд 22, 47, 64, 131, 142, 299, 301, 302

Фукидид 63, 295

Х

Харви, Уильям 63

Хатчинс, Роберт 24, 77, 83, 89, 134, 152, 197, 252, 281, 284, 301, 310

Хейсер, Виктор Георг 34

Хемингуэй, Эрнест 303

Херрик, Роберт 261

Хогбен, Ланселот 33, 303

Холдейн, Джон 63

Хопкинс, Джерард Мэнли 262

Хукер, Ричард 295

Ц

Цицерон, Марк Туллий 122, 289, 296, 300

Ч

Чейз, Стюарт 29, 64

Чехов, Антон Павлович 304

Чосер, Джеффри 304

Ш

Шанель, Габриэль Бонёр (Коко) 286

Шарп, Малкольм 177

Шекспир, Уильям 265, 268, 304, 317

Шелли, Перси Биши 63, 148, 262

Шеридан, Ричард Бринсли 304

Шопенгауэр, Артур 48, 288, 297

Шоу, Джордж Бернард 272, 304

Э

Эддингтон, Артур 173

Эйнштейн, Альберт 22, 33, 63, 134, 287, 290, 302,
305

Элиот, Томас 63, 127, 271

Элиот, Чарльз 123

Эмпсон, Уильям 127

Эразм Роттердамский 282

Эрскин, Джон 283,309

Эсхил 304

Ю

Юм, Давид 226, 299, 301

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Об издательстве

Как все начиналось

Мы стартовали в июне 2005 года с двумя книгами. Первой стала «Клиенты на всю жизнь» Карла Сьюэлла, второй — «Маркетинг на 100 %: ремикс». «Доброжелатели» сразу же завертели пальцами у виска: зачем вы выходите на этот рынок? Вам же придется бороться с большими и сильными конкурентами!

Отвечаем. Мы создали издательство, чтобы перестать переживать по поводу того, что отличные книги по бизнесу не попадают к российским читателям (или попадают, но не ко всем и зачастую в недостойном виде). Весь наш опыт общения с другими издательствами привел нас к мысли о том, что эти книги будет проще выпустить самим.

И с самого начала мы решили, что это будет самое необычное издательство деловой литературы — начиная с названия (мы дали ему наши три фамилии и готовы отвечать за все, что мы делаем) и заканчивая самими книгами.

Как мы работаем

— Мы издаем только те книги, которые считаем самыми полезными и самыми лучшими в своей области.

— Мы тщательно отбираем книги, тщательно их переводим, редактируем, публикуем и активно продвигаем (подробнее о том, как это делается, вы можете прочитать на сайте нашего издательства mann-ivanov-ferber.ru в разделе «Как мы издаем книги»).

— Дизайн для наших первых книг мы заказывали у Артемия Лебедева. Это дорого, но красиво и очень профессионально. Сейчас мы делаем обложки с другими дизайнерами, но планка, поднятая Лебедевым, как нам кажется, не опускается.

Мы знаем: наши книги помогают делать вашу карьеру быстрее, а бизнес — лучше.

Для этого мы и работаем.

С уважением,

Игорь Манн,

Михаил Иванов,

Михаил Фербер

Предложите нам книгу!

Когда я не умел читать на английском бегло, я часто думал: «Как много я пропускаю! Какое количество книг выходит на английском языке и как ничтожно мало издается на русском!»

Потом я научился читать на английском, но проблемы мои не закончились. Я не умел читать на

немецком, японском, китайском, итальянском, французском языках... И мимо меня проходило (и проходит) огромное количество хороших деловых книг, изданных на этих и других языках. И точно так же они проходят мимо вас — я не думаю, что среди нас много полиглотов.

Потом вышла моя книга «Маркетинг на 100 %», где в одном из приложений были опубликованы рецензии на более чем 60 лучших, на мой взгляд, книг из тех 300, которые я прочитал на английском. Издательства деловой литературы начали издавать их одну за другой — и ни слова благодарности, ни устно, ни письменно.

Теперь я сам немного издатель. Поэтому хочу обратиться к таким же активным читателям, как я. Предложите нам хорошую книгу для издания или переиздания!

Мы вам твердо обещаем три вещи

— Во-первых, если книга стоящая — деловая и максимально полезная, то мы обязательно издадим или переиздадим ее (если права на нее свободны).

— Во-вторых, мы обязательно укажем в самой книге и на ее странице на нашем сайте, кем она была рекомендована. Читатели должны знать, кому они обязаны тем, что у них в руках отличная книга.

— В-третьих, мы подарим вам три экземпляра этой книги, и один будет с нашими словами благодарности.

Мы внимательно читаем все письма. Если предложенная вами книга заинтересует нас, мы обязательно свяжемся с вами.

И если вы хотите проверить твердость наших обещаний, то заполните, пожалуйста, специальную форму на нашем сайте mann-ivanov-ferber.ru

Мы ждем!

Игорь Манн

Где купить наши книги

Из первых рук, то есть в издательстве

На нашем сайте mann-ivanov-ferber.ru вы всегда можете заказать книги по ценам издательства. Доставку книг осуществляет наш партнер — книжный бутик *Boffo!* (boffobooks.ru).

Специальное предложение для компаний

Если вы хотите купить сразу более 20 книг, например, для своих сотрудников или в подарок партнерам, мы готовы обсудить с вами специальные условия работы. Для этого обращайтесь к нашему менеджеру по корпоративным продажам: (495) 792-43-72, b2b@mann-ivanov-ferber.ru

Узнайте, где можно купить наши книги в Вашем городе, на сайте www.mann-ivanov-ferber.ru

Книготорговым организациям

Если вы оптовый покупатель, обратитесь, пожалуйста, к нашему партнеру — Торговому дому «Эксмо», который осуществляет поставки во все книготорговые организации.

142701, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, (495) 411-50-74,
reception@eksмо-sale.ru

Санкт-Петербург

ООО «СЗКО», 193029, г. Санкт-Петербург, пр-т
Обуховской обороны, 84, лит. «Е»; +7 (812) 365-46-03 /
04, server@szko.ru

Нижний Новгород

Филиал ТД «Эксмо» в Нижнем Новгороде

603074, г. Нижний Новгород, ул. Маршала Воронова,
д. 3; +7 (831) 272-36-70, 243-00-20, 275-30-02,
reception@eksmonn.ru

Ростов-на-Дону

ООО «РДЦ Ростов-на-Дону», 344091, г.
Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, д. 243 А; +7 (863) 220-1934,
218-4821, 218-4822, info@rnd.eksмо.ru

Самара

ООО «РДЦ Самара», 443052, г. Самара, пр-т Кирова,
д. 75/1, лит. «Е»; +7 (846) 269-66-70 (71...79),
RDC@samara.eksмо.ru

Екатеринбург

ООО «РДЦ Екатеринбург», 620007, г. Екатеринбург,
ул. Прибалтийская, д. 24 А; +7 (343) 378-49-45 (46...49)

Новосибирск

ООО «РДЦ Новосибирск», 630105, г. Новосибирск,
ул. Линейная, 114; +7 (383) 289-91-42;
eksмо-nsk@yandex.ru

Хабаровск

Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске, 680000, г. Хабаровск, пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, оф. 1; +7(4212)21-83-81, eksmo-khv@mail.ru

Казахстан

«РДЦ Алматы», 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, За, +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99), RDC-Almaty@mail.ru

Наши электронные книги

Теперь легально!

Жизнь изменилась. Многим теперь удобнее не носить с собой бумажную книгу, а загружать целые электронные библиотеки в телефон, КПК или ноутбук и читать по мере надобности то одно, то другое.

Нам нравится этот новый мир, и многие наши книги вы можете купить в электронной форме. Помимо того что они невесомы, они еще и значительно дешевле бумажных: на сегодня их цена составляет всего лишь от 39 до 159 рублей!

Мы продаем наши книги через «Литрес» (litres.ru), OZON.ru, www.imobilco.ru и другие магазины. Некоторые наши аудиокниги можно также приобрести на портале Soundkey.ru.

Актуальный список наших книг, доступных в электронном виде, вы всегда найдете на mann-ivanov-ferber.ru/ebooks. Теперь ваша обширная деловая библиотека всегда будет с вами.

Если вы хотите купить цифровую библиотеку для своей компании, то свяжитесь с Михаилом Ивановым: ivanov@mann-ivanov-ferber.ru

Они изменили мир (в кожаном переплете)

О чем эти книги

«Речи, которые изменили мир» — это собрание речей, оказавших наибольшее воздействие на ход истории. Это блестящие образцы ораторского искусства.

«Речи, которые изменили Россию» — жизнеописания выдающихся людей, чьи деяния запомнились современникам и вдохновляют потомков.

«Компании, которые изменили мир» — пантеон славы мирового бизнеса за последние четыреста лет. Рассказы о компаниях, без которых сложно было бы представить себе современный мир таким, какой он есть.

«Лидеры, которые изменили мир» — жизнеописания выдающихся людей, чьи деяния запомнились современникам и вдохновляют потомков.

Это замечательные подарочные издания большого формата и с превосходными иллюстрациями.

Вместе они составляют великолепный комплект, заставляющий задуматься о том, что движет этим миром.

Почему мы решили сделать такой комплект

Потому что это полезный, роскошный и нестандартный подарок для дорогого Вам человека.

Для кого эти книги

Для тех, перед кем стоит задача вдохновлять и вести за собой.

Для тех, кто интересуется политикой, всемирной и отечественной историей, а также ролью личности в ней, феноменом лидерства. Для тех, кто видит историю за привычным логотипом. Для ценителей эксклюзивных изданий.

Примечания

1

Имеется в виду Колумбийский университет США. *Здесь и далее там, где это не оговорено особо, примечания даны редактором.*

2

Речь идет об английском слове read. *Прим. перев.*

3

Леопольд Инфельд (1898—1968) — польский физик-теоретик.

4

Ланселот Хогбен (1895—1975) — британский зоолог, автор ряда популярных книг по различным наукам, в том числе по математике и языку.

5

Джон Гюнтер (1901—1970) — американский журналист и писатель.

6

Виктор Георг Хейсер (1890—1972) — американский медик, писатель, общественный деятель.

7

Александр Поуп (1688—1744) — английский поэт, известный в числе прочего своим переводом «Илиады» на английский язык.

8

Фрэнсис Бэкон (1561—1626) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма.

9

Томас Гоббс (1588—1679) — английский философ-материалист.

10

Английский первопечатник XV века.

11

Гален, Бернар и Холдейн были практикующими медиками, специалистами в области внутренних болезней, генетики, фармакологии.

12

Ежемесячные публицистические журналы американского Издательского дома Charles Scribner's Sons, знакомившие читателей с лучшими литературными произведениями, картинами, гравюрами XIX—XX вв.

13

Педагогический принцип, последователи которого отрицают систематическое обучение детей по заранее разработанным программам и проводят занятия на

основе сиюминутно возникающих у детей желаний и интересов. Руководствуясь девизом «Личность ребенка имеет наибольшую возможность проявить себя», педагог видит свою задачу лишь в том, чтобы направлять деятельность ребенка.

14

Имеется в виду Корнельский университет.

15

Джон Локк (1632—1704) — английский философ, мыслитель, теоретик либерализма.

16

Уолтер Питкин (1878—1935) — американский писатель, автор романа «Жизнь начинается после сорока» (1932).

17

Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон, Джон Джей — соавторы цикла «Федералист», задуманного в 1787 г., чтобы объяснить жителям штата Нью-Йорк преимущества Конституции. Всего авторами было опубликовано 85 статей под общим псевдонимом «Публий».

18

The Book of Common Prayer, главная книга англиканской церкви, по которой совершаются основные богослужения и таинства. Впервые была подготовлена архиепископом Кентерберийским Томасом Кранмером в 1549 г. под названием «Первый молитвенник Эдуарда VI». Впоследствии ее содержание неоднократно изменялось.

19

Уолтер Липпманн (1889—1974) — выдающийся американский журналист, дважды лауреат Пулитцеровской премии, в молодости увлекался идеями социализма. Автор книги «Общественное мнение» (1922).

20

Аарон Копленд (1900—1990) — американский композитор, пианист, дирижер и педагог.

21

Шарль-Луи Монтескье (1689—1755) — французский писатель, философ и правовед.

22

Жан-Жак Руссо (1712—1778) — французский писатель, философ, мыслитель, композитор.

23

Имеется в виду книга «Два трактата о правлении», в которой Локк изложил свою концепцию социально-политического устройства, оказавшую влияние на формирование принципов американской государственности.

24

Серия книг «Классика Harvard Business Review», в которую вошли лучшие статьи журнала Harvard Business Review.

25

Неофициальное название литературной серии «Гарвардская классика», которая включает в себя 418 произведений мировой литературы, признанных фундаментом гуманитарного образования в США. Выбор книг был осуществлен доктором Чарльзом Элиотом, президентом Гарвардского университета.

26

Джон Мильтон (1608—1674) — английский поэт, политический деятель, мыслитель. Автор знаменитой поэмы «Потерянный рай».

27

Эдмунд Бёрк (1729—1797) — английский парламентарий, политический деятель, публицист, идейный родоначальник британского консерватизма.

28

Нервная болезнь, сопровождающаяся беспокойством и чрезмерным количеством произвольных некоординированных движений.

29

В русскоязычной антологии название этого диалога часто звучит как «Государство, или О справедливости». Произведение входит в «Восьмую тетралогия» «Диалогов» Платона.

30

Имеются в виду «Избранные эссе» (Selected Essays, 1932) Томаса Стернза Элиота (1888—1965), ставшие

программными для влиятельного литературно-критического течения, известного в Великобритании как «кембриджская школа», а в США — как «новая критика».

31

Пуризм (лат. *purus* — «чистый») — преувеличенное стремление к чистоте и простоте литературного языка, к изгнанию из него любых посторонних элементов. В искусстве — поиск простых функциональных форм, способных объединить в себе эстетическую категорию с механическим рациональным миром.

32

Обскурантизм (лат. *obscurans* — «затемняющий») — враждебное отношение к просвещению, науке и прогрессу в целом; синоним слова «мракобесие». Часто этим термином выражают умонастроение, при котором вместо верности истине и ответственности перед ней предпочтение отдается тому, что уводит человека от истины, затемняет ее, делает неясной.

33

Джон Китс (1795—1821) — английский поэт-романтик.

34

Роман классика американской литературы Джона Стейнбека, за который автор был удостоен Пулитцеровской премии. Сегодня входит во многие учебные программы школ и колледжей США. Действие романа происходит в годы Великой депрессии.

35

Имеется в виду работа Зигмунда Фрейда «Моисей и монотеизм» (1939).

36

В русском переводе книга имеет название «Исследование о природе и причинах богатства народов».

37

«Манифест коммунистической партии», работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

38

Фундаментальный труд Карла Маркса по политической экономии.

39

Американский литературный критик и радиоведущий.

40

Национальный легион приличия, созданный в 1933 г. американской католической церковью. Выступает в защиту благопристойности. Основная цель — выявление нежелательных с точки зрения морали кинофильмов и борьба с их появлением на экранах. В XX в. имел большое влияние на киноиндустрию, зачастую решая прокатную судьбу картин. Сегодня влияние утрачено, усилия организации сконцентрированы на административной работе и академических исследованиях.

41

Уильям Джеймс (1842—1910) — американский философ и психолог, один из основателей теории прагматизма и функционализма.

42

Группа американских политических деятелей (среди которых были и будущие президенты), сыгравших ключевую роль в основании США, создании Конституции и Декларации независимости страны. Наиболее известны среди них Д. Вашингтон, Т. Джефферсон, Д. Адамс, А. Гамильтон, Б. Франклин, Д. Мэдисон.

43

Одно из течений в древнегреческой философии V–IV вв. до н. э. Натурфилософская и физическая теория, согласно которой все материальные вещи состоят из химически неделимых частиц — атомов. Наиболее яркие представители и сторонники — Демокрит, Левкипп, Лукреций, Платон, Эпикур. Среди последователей — Г. Галилей, П. Гассенди.

44

Уильям Гарвей (1578—1657) — английский медик, основоположник физиологии и эмбриологии.

45

Мартин Фридрих Густав Эмиль Нимёллер (1892—1984) — пастор протестантской евангелической церкви, видный теолог. Во время Первой мировой войны был командиром подводной лодки, имел боевые награды. Затем принял духовный сан. В 1933 г. поддержал приход

Гитлера к власти, впоследствии стал его ярким противником. В 1938–1945 гг. был заключенным нескольких концлагерей, в том числе Заксенхаузена и Дахау.

46

Роберт Херрик (1591—1674) — английский поэт, представитель группы «поэтов-кавалеров», сторонников короля Карла I.

47

Джерард Мэнли Хопкинс (1844—1889) — английский поэт и католический священник.

48

Литературные серии, изданные в 1952 г. и 1963 г. «Британской энциклопедией». Идеологом, редактором и составителем обеих серий стал Мортимер Адлер, автор данной книги.

49

Двухтомный указатель «великих революционных идей», наиболее сильно повлиявших на ход мировой истории. Издатель — «Британская энциклопедия». Составитель и редактор — Мортимер Адлер, автор данной книги.

50

Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 — ок. 96), преподаватель красноречия в Древнем Риме, реформатор литературного стиля, исследователь проблем языка, автор «Наставлений оратору» — самого полного

известного нам античного учебника ораторского искусства.

51

Имеется в виду книга известного французского физиолога XIX в. Клода Бернара.

52

Английский философ и литератор XVII в., родоначальник жанра биографии в британской литературе. Прославился книгой «Искусный рыболов, или Медитация для мужчин», которая по количеству переизданий занимает третье место после Библии и пьес Шекспира и по сей день пользуется огромным успехом.

53

Общее название цикла сочинений об этике из корпуса произведений, приписываемых перу Аристотеля. В этот цикл входят «Никомахова этика», «Большая этика» и «Эвдемова этика».

54

Автор имеет в виду книгу Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», впервые опубликованную в 1776 году.

55

Активная и известная нам деятельность Данте Алигьери (1265—1321) как мыслителя, политического деятеля и автора «Монархии» приходится в основном на XIV в.

56

Развивающая детская игра.

57

Здесь и далее в этой главе автор обращается к читателям, находясь под впечатлением от событий, происходивших в нацистской Германии 30-х годов, современником которых он был.

58

Французский рыцарский роман XIII в.

59

На русский язык не переводилась.

60

По всей видимости, имеются в виду афоризмы Шопенгауэра об образовании.

61

На русский язык не переводилась.